

АНН АНСЕЛИН
ШУТЦЕНБЕРГЕР

ПСИХОГЕНЕАЛОГИЯ

*Как излечить семейные раны
и обрести себя*

«Психотерапия»
Москва
2010

ББК 53.57
УДК 61
Ш 97

Перевод с французского Г.П. Бутенко и К.В. Бутенко.

Шутценбергер, Анн Анселин

97 ПСИХОГЕНЕАЛОГИЯ: Как излечить семейные раны и обрести себя. —
М.: Психотерапия, 2010. — 224 с.

Психотерапевт, групп-аналитик и всемирно известный психодраматист, создатель термина «психогенеалогия», Анн Анселин Шутценбергер написала эту книгу как продолжение своей знаменитой книги «Синдром предков».

Она рассматривает здесь самое существенное из того, что надо знать о незримой семейной лояльности, о синдроме годовщины и о памяти тела, и показывает, как создать и осмыслить свое генеалогическое древо.

В своей работе она открывает возможности осознать все то хорошее, что нам досталось от предков, сбросить с себя груз прошлых ошибок, ран и страданий и избавиться от всего плохого, стыдного и невысказанного, что может храниться в семье, — чтобы, наконец, прожить свою собственную жизнь...

Книга будет интересна психологам-консультантам и психотерапевтам, студентам-психологам, а также всем тем, кто хочет залечить семейные раны и обрести себя.

Anne Ancelin
Schützenberger

LE PSYCHOGÉNÉALOGY

Guérir les blessures familiales et se retrouver soi

Payot & Rivages
Paris

ISBN 978-5-903182-74-9

- © Édition Payot & Rivages, 2007.
- © Издательство «Психотерапия», 2010.
- © Перевод, Г.П. Бутенко, К.В. Бутенко, 2010.

Посвящается моему отцу,
герою со столь приятной улыбкой...

и Франсуазе Дольто

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю Кристофа Гия и издательство «Rayot»,
без которых этот труд не увидел бы свет,
Франсуазу Вассер и Кристин Жоанне,
которые много помогли мне при подготовке рукописи,
также Элизабет Оливьери-Валуа
из Национальной библиотеки
и Веронику Ра-Моррис за библиографию.

«Лучше всего нам поется
в ветвях своего генеалогического древа».

Рене Шар

«Отцы ели кислый виноград,
а у детей на зубах оскомина».

Библия

«Факты — упрямы».

Анн Анселин Шутценбергер

«Карта — это не территория».

Альфред Коржибский

«Написать — значит пережить».

Жан-Франсуа Денио

ПРЕДИСЛОВИЕ

СБОР НЕКТАРА В СЕМЕЙНОМ САДУ

Психогенеалогия — это искусство и наука. Это именно тот путь, который позволяет нам понять и лучшим образом использовать свое психическое наследство или — если в том есть необходимость — трансформировать его.

Она опирается на психоанализ, расширенный трансгенерационными связями и социопсихологической техникой геносоциогаммы, где генеалогическое древо дополнено важными связями и жизненными событиями.

Термин «психогенеалогия» я создала в 1980 году, чтобы объяснить студентам — психологам, врачам и социальным работникам — в университете Ниццы, что такое семейные связи и трансгенерационная передача.

Термин применяется по отношению к генеалогии, которая рассматривается в контексте психологических исследований: психоистории, контекстуальной работы, клинических выводов психоанализа, исследований, основанных на невербальной коммуникации, такой как язык тела, оговорки, ошибочные реакции или избегаемые действия, или когда пережитый нами опыт «выходит» через непроизвольные реакции тела (дыхание, испытываемое волнение, жар или, напротив, — ледяной, смертельный холод).

Затем слово психогенеалогия «расцвело» до такой степени, что его слишком широкое распространение повлекло за собой вульгаризацию и опошление этого тер-

мина, с вытекающими из этого последствиями и полной потерей его точного значения.

К тому же, термином вообще не пользовались клинические специалисты, преподаватели университета, дипломированные психологи или врачи и даже никто из моих коллег, друзей или учеников.

Дело в том, что слова, однажды созданные, имеют свою, им присущую жизнь и ускользают от нас. Мода на психогенеологию, связанная со средствами массовой информации, была как минутная вспышка: каждый был ею охвачен. Так что сегодня этот термин может использовать кто угодно, не получив необходимого серьезного обучения — одновременно университетского и клинического. Возникшие в связи с этим злоупотребления привели законодателей к рассмотрению вопроса о санкциях и необходимости обязательно дополнительного университетского обучения.

Я советую заинтересованным читателям следить за развитием законодательства во Франции и в Европе и всегда получать точные сведения об образовании тех, у кого они намерены консультироваться, памятуя о том, что у термина «психотерапевт» пока еще нет законного существования.

Мой хороший учитель, психиатр Жорж Дюма, а затем его ученик Андре Омбредан, ставший моим начальником в исследованиях в Национальном научно-исследовательском центре (CERP), приучили меня сначала всегда все ставить под вопрос и никогда не прекращать подвергаться супервизии (даже после длительной практики), а также продолжать делать «психотерапевтические срезы» и быть в курсе последних исследований. Я последовала их советам и, в свою очередь, передаю их вам.

Опыт никогда не возникает из ничего.

И для того, чтобы снова отправиться в университет и вновь начать учиться (не зависимо от возраста), нужны смелость, настойчивость, скромность, так же как и «поддер-

живающее» окружение. Но разумно ли требовать этого от каждого?

Однако мне кажется вполне нормальным, чтобы те, кто намеревается помогать другим, «подмели вначале перед своей собственной дверью» и стали квалифицированными специалистами. Одной доброй воли бывает далеко не достаточно.

И давайте не будем забывать, куда ведет дорога, вымощенная добрыми намерениями...

Сегодня я хочу передать вам свой многолетний опыт, проверенный временем, свой стиль работы и профессиональную этику, которые основаны на моем разностороннем университетском образовании.

Сначала, когда мне было восемнадцать лет, меня приняли в Оптический институт и в Высшую научную школу инженеров, где я была единственной девушкой, во мне остался отпечаток этого обучения (несмотря на то, что я его не завершила), так же как и от лекций в «Sciences-Po», которые я посещала в качестве вольнослушателя.

Затем последовали долгие университетские занятия по некоторым областям гуманитарных наук: право (лиценциат), психология (диплом специалиста и докторская степень), политические науки, экономика, политэкономия, история Французской революции, антропология, статистика и теория вероятности.

К этому необходимо добавить мой личный психоанализ (с Робером Жессеном, врачом и антропологом, затем с Франсуазой Дольто) и мой «групп-анализ», работу в малых группах и еще мой опыт работы и исследований на пяти континентах. Я также занималась психодрамой с Я.Л. Морено и расшифровывала язык тела с Джеймсом Эннеисом в больнице Сент-Элизабет в Вашингтоне, а затем в Париже.

Их подход к языку тела и пространству оказал влияние на две мои докторские степени. В то время требовалось иметь две диссертации. Тема моей «малой» диссертации касалась образования, а тема моей «большой» диссертации, государственной докторской степени, касается невербальной коммуникации.

Это длительное обучение я предприняла под двойным дружеским давлением — Якоба Леви Морено и моего мужа — Марсея-Поля Шутценбергера.

Нужно было иметь больше прав, чтобы стать штатным преподавателем, которым я стала затем в области психологии, так же как стала преподавателем-исследователем в университете Ниццы. Параллельно я стала также экспертом и супервизором по гуманитарным наукам при ООН.

Мои послеуниверситетские занятия по групповой динамике и психодраме побудили меня начать работать над изучением наблюдения в Мичиганском университете (Анн Арбор) в США.

В течение следующих десяти лет в летнее время я продолжала там научные исследования и свое обучение в области невербальной коммуникации.

Из этого всего во мне осталось умение различать и некоторая ловкость ума — это как умение играть на пианино, которое помогает печатать на компьютере!

«Культура — это то, что остается, когда мы все забыли», — сказал Эмиль Энрио. Я бы добавила: особенно, когда мы полностью осознаем то, что знаем, и одновременно осознаем размах собственного неведения, которое может быть достаточно большим в некоторых областях, — в мире, находящемся в постоянном движении и изменении парадигм.

Попутно я стала женой, матерью, тещей и — в настоящее время — бабушкой.

Возвращаясь к клинической психогенеалогии, добавлю, что она не состоит ни в применении шкал, ни в нахождении простых повторений дат, поскольку они не обязательно являются значимыми.

Речь идет о том, чтобы следовать за поворотами мысленных ассоциаций «клиента» (по Карлу Роджерсу, клиент — тот, кто приходит консультироваться), как это делается в психоанализе, чтобы помочь клиенту, наблюдая его и работая в диалоге, ведя клиента с помощью проверяемых гипотез, чтобы найти его собственный специфический, единственный, индивидуальный, личный и контекстуальный смысл.

Пройти клиническую психогенеологию* — для клиента это значит сложить чемоданы своего прошлого и согласиться с ними расстаться: чтобы преодолеть ущерб от травм, в них содержащихся, ответных ударов, а также последствия и возможные пагубные эффекты семейного прошлого: раны, ошибки, стыд, вину, сожаления, изгнания и потери, траур, тайны и невысказанное, и т.д.

Психогенеалогия также может послужить путеводной нитью (чтобы понять свою жизнь, свои профессиональные и личные выборы, осветить себе путь) и помочь избежать травматизма.

Люди, приходящие консультироваться, часто испытывают страдания — телесные и/или психические.

Но в то же время работа в области психогенеалогии отмечена и многочисленными *счастливыми событиями*, которые оставляют вехи для потомков, а также моментами и атмосферой счастья от простых радостей жизни.

Так как психогенеалогия — не будем забывать этого — сначала принятие своего прошлого, но также и сбор нектара в семейном саду, чтобы сделать свой мед...

* Клиника, согласно словарю Ларус, предполагает наличие образования и больничный опыт — в качестве больного или у его постели; клиника — это еще и симптомы, которые врач, клиническая медицинская сестра или клинический психолог обучены воспринимать. Словарь, кроме всего прочего, определяет клиническую психологию как ветвь психологии (практической и теоретической), которая занимается углубленным изучением индивидуальных случаев.

УПРЯМЫЕ ФАКТЫ

**Контекст зачатия, рождения
и другие превратности
(синдром «невылизанного медведя»)**

Все мы рождаемся с пуповиной, соединяющей нас с матерью и перерезаемой при рождении. Эта связь одновременно физическая, психосоматическая и психологическая. Однако многие люди поздно достигают того взрослого состояния, в котором они могут прервать питающую связь со своей матерью или со своей семьей и жить в соответствии со своими личными выборами. То есть стать автономными существами, которые выбирают свою жизнь и самостоятельно руководят ей, а не испытывают или повторяют жизнь, несчастья, страдания, лишения и ошибки своих предков в давно изменившемся мире.

О человеке много говорят обстоятельства его зачатия: желанный ребенок или нет, какой он по счету в семье и т.д., а также контекст рождения: были ли роды легкими или трудными, был ли ребенок разлучен с матерью при рождении (если да, то это хорошо объяснило бы травмы, странности, случаи драчливых или отвергаемых детей в обычных и нормальных семьях по сравнению с другими детьми, или синдром «невылизанного медведя»^{*}).

* Млекопитающие вылизывают своего малыша при рождении и таким образом помечают его как своего. Этот нормальный процесс иногда

Выбор имени

Для того, кто исследует свою историю или собирается этим заняться, важно хорошо исследовать выбор своего имени, фамилии, чтобы узнать о своем семейном наследии и о причинах выбора имени, которое он носит, или причинах отсутствия «настоящей» (законной) фамилии. Особенно важно оценить эти проблемы в интересах потомков брошенных, «внебрачных», усыновленных детей или детей-подкидышей, найденных у монастырей.

Финансовая автономия

С того времени, как ребенок начинает стоять и учиться ходить, он учится чувствовать опору. В юности, сложившись как человек, он начинает самоутверждаться. И наконец, он пытается обрести финансовую самостоятельность: эта стадия сильно отличается у разных индивидов и иногда не наступает раньше смерти родителей или супруга.

Этот *переход* к реальной (экономической) автономии существенен для того, чтобы человек стал настоящим взрослым существом, — однако часто его недооценивают. Для некоторых, как например для Марка Фреше, реальная автономия начинается только тогда, когда мы зарабатываем на жизнь и с экономической точки зрения больше не зависим от семьи, когда достигнута *реальная финансовая самостоятельность*, которая представляет собой переход к другой стадии развития и к новой жизни.

Это как бы новое рождение и начало нового (повторяющегося) цикла. В психогенеалогии полезно начать работу с этого проясняющего критического момента — момента

нарушается, и малыш умирает, если он выживает, у него остаются трудности в отношении общественных и эмоциональных связей. Такого человека во Франции называют «недолизанным медведем», он неловкий и неуклюжий в жизни.

наступления реальной экономической независимости: мы часто проверяем постулат Фреда, зная, что это повторяющиеся циклы. Поэтому этот пункт интересно прояснить и исследовать.

Понятие автономии и вопрос взросления близки к понятиям Карла Роджерса *созревания* и «недирективности», которые увлекли столько приверженцев гуманистической психологии около 1968 года. Психосоциологов также интересуют такие понятия Ивана Бозормени-Надя, как «семейный учет прав и обязанностей» и «гроссбук семейных счетов», проясняющие многие проблемы борьбы за наследство, «оплаты семейных долгов» плохим здоровьем или других драм, как если бы в этом состояла справедливость.

Что бы там ни было, любой индивид входит в список потомков. Но кто говорит *потомки*, говорит также *рогство*, *наследство* и *передача*. Передача чего и как?

Мы наследуем от известных или неизвестных нам предков цвет глаз, внешний вид, качества кожи и волос, часто состояние здоровья — хорошее или плохое, иногда музыкальную или художественную одаренность, но иногда еще и материнскую или отцовскую тревогу. Может проявляться также чувство вины: за некоторые личные или семейные факты или за то, что выжил (*виновность выжившего*), или «перешел линию», как говорили прежде о некоторых неграх, со светлой, почти белой кожей, уезжавших, чтобы замести следы, и в другом месте наконец начать новую жизнь — свободного человека.

Запутанные следы

Даже сегодня следы этнического, финансового или политического прошлого весьма запутаны.

И в XXI веке «политически правильное» часто меняет свое направление по воле политических ветров и собы-

тий, также как стыд или позор, который надо скрывать, — герои и предатели быстро меняются местами друг с другом.

Уже в Библии

В Библии, откуда взята цитата: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина», метафора кислого винограда подразумевает оплошности, ошибки, грехи, совершенные родителями, дедушками и бабушками, прадедами и прабабками, переданные и оплаченные следующими поколениями. Это именно то, что часто воспринимается очевидным и переживается как несправедливость и проклятие: «Дети будут наказаны за грехи своих отцов».

И совсем недавно мы вернулись к другому важному библейскому понятию — человек должен оплачивать только свои собственные действия и ошибки: «В те дни уже не будут говорить: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие. Кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет» (Иеремия, 31, 29 — 30).

Между тем, что бы мы ни делали, мы не настолько свободны от вины. Подобным образом правила дорожного движения — по крайней мере во Франции — ясно говорят: мы можем быть виновны, например, не оказав помощи человеку в опасности, если прошли мимо пострадавшего на дороге и не остановились. И опять же, если, чтобы помочь человеку, страдающему от какой-либо позвоночной травмы, мы переместим его из того неудобного положения, в котором он находится и даже может умереть, но переместим неудачно, — мы тоже будем за это ответственны...

Вернемся к первой цитате и попробуем выразить тот смысл, который ей придали бы трансгенерационные психотерапевты и психоаналитики.

Необходимо отличать интергенерационное от трансгенерационного

Часто мы имеем дело с двумя иногда противоречивыми или различными передачами: *интергенерационной* передачей (между поколениями, знавшими друг друга) и *трансгенерационной* передачей (на несколько поколений, иногда галекких) некой незаконченной задачи.

Таким образом необходимо хорошо различать:

- то, что ясно передается между соседними поколениями, то, что известно, передано сознательно, часто устно — *интергенерационное* (пользуясь метафорой — это видимая часть айсберга);
- и то, что тайно, скрыто, не сказано, не узнано, не сформулировано, даже не подозреваемо (немыслимо) — *трансгенерационное*.

Иногда это счастливое событие, но слишком часто — это травма или несовершенный траур, и чем это событие «молчаливей», тем оно активнее: то, что не было переварено, отработано, но было неявно испытано или выражено в неприятном и передано — подобно неотделанному после распиловки куску бетона, оно — как невидимая часть айсберга, которая управляет нами без нашего ведома.

Это то, что «непереваренным» переходит из поколения в поколение, как «горячий картофель, передаваемый из рук в руки», и остается внутри — активное и болезненное, как колика.

Важность осознания того, как влияют на нас трансгенерационные связи, основана на констатации того факта, что травмы и «неоконченные задачи», которым не придавали значения или не довели до конца через завершение, хотя бы символическое, часто вновь проявляются в следующих поколениях — в форме неблагополучия, болезней (от французского *mal-a-dire* — «плохое, которое нужно сказать»), трагических или преждевременных смертей,

трагически заканчивающихся рискованных ситуаций или несчастных случаев.

Шок, страдания, боли, драмы, травмы, *несовершенный траур*, «*плохие смерти*», *нев्यраженное зло*, личные или семейные тайны, все то, что остается незавершенным, непереработанным — иногда даже в течение столетий, всё не урегулированное предыдущими поколениями может передаваться и различным образом отмечать — глубоко, а иногда и трагически — следующие поколения.

Однако из поколения в поколение передаются не только грехи, оплошности или ошибки, но также и знаменательные, и даже счастливые события.

Зеркальные нейроны

Последние исследования нейронаук по *зеркальным нейронам* (2003 — 2008) выявили существование фактов *немедленного понимания* — понимания, которое не проходит через цепь умозаключений: испытываемый как бы напрямую понимает смысл действий другого человека и его намерения.

Таким образом, можно констатировать, что в зависимости от того, смотрим ли мы на чашку с намерением выпить ее содержимое или смотрим на нее, собираясь вымыть, — будут задействованы различные части нашего мозга.

В конце концов, эти зеркальные нейроны могли бы объяснить то, что называют «интуицией» и «эмпатией», чудесным почти-угадыванием мыслей, намерений, желаний и желательных для других действий.

Но об этом мы еще будем говорить, так как передовой край нейронаук к большому удивлению исследователей — специалистов чистых и точных наук начала XXI века — приближается к интуиции и к объяснениям Фрейда.

**ЭТО ПРОИСХОДИТ БЕЗ СЛОВ,
И ВСЕ-ТАКИ
ЛУЧШЕ ОБ ЭТОМ ПОГОВОРИТЬ:

СОЗНАТЕЛЬНАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ
И ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ,
ПРЯМОЕ ИЛИ КОСВЕННОЕ**

***Молчаливая передача
пережитого***

Передача глубоко пережитого — часто бывает молчаливой, косвенной, отмеченной эмоциями, недосказанностью, уклонением, молчанием. Выраженная или не выраженная словами, она как бы утверждает: «Это так, и без всяких условий», — нотариус-сын следует за нотариусом-отцом, сын винодела или булочника сменяет своего отца... — но все же лучше об этом говорить.

Чувства, желания, мысли, реальные стремления могут быть выражены разными способами — можно сказать словами или сообщить как-то иначе, как в детской игре «веришь-не-веришь»: сказать или не сказать, намекнуть или сказать подразумевая, выразить явно или умалчивать факты...

***Общий вид
трансгенерационного анализа
и его импликации***

Могут ли проблемы семей, их надежды, страдания, даже травмы передаваться через поколения и являться частью невидимого и бессознательного, но вполне реального наследства?

Этот вопрос является частью более широкого обсуждения — о врожденном и приобретенном — и всегда остается открытым. Часто этот вопрос не понимают и плохо интегрируют с недавним развитием (иногда анархическим — из-за его вульгаризации) трансгенерационного подхода. Так как в угоду моде, понятие «психогенеалогия» очень широко использовалось вне собственно научного исследования и вне университетских кругов высокого уровня.

***Передача
травм от поколения
к поколению через различные
действия, которых избегают***

Последние результаты клинических наблюдений и исследований* различных американских и европейских специалистов доказывают, что картины прошлых травм, как личных, так и семейных, могут передаваться из поколения в поколение, например, в виде кошмаров, а также в виде несчастных случаев, неожиданно происходящих в особые значимые даты.

* См.: J. R. Hilgard «The anniversary syndrome as related to late-appearing mental illnesses in hospitalized patients», *Psychoanalysis and Psychosis*, Madison, CT, Internat'l, University Press, 1989; B. Cyrulnik, *Un merveilleux malheur*, Paris, Odile Jacob, 1999; Шутценбергер А.А. *Синдром предков* / Пер. с фр. И.К. Масалкова. М.: Ин-т психотер., 2001.

Речь может идти о внезапной кончине в годовщину особых семейных событий, в том числе — в годовщину военных травм. Эти несчастные случаи или смерти могут происходить в тот же календарный день, что и изначальное событие, в тот же день недели или в тот же особый важный праздничный период (например, в понедельник после Пасхи или после другого праздника, имеющего значение для семейной и социальной памяти) или, в других случаях, неким странным образом — «во время сенокоса» или в «последний день сбора винограда», или «на выходе от жадного дяди», или во время другого подобного важного личного, семейного или местного события.

Телесное проявление семейной памяти

Эти семейные травмы описываются и обнаруживаются через образы, запахи, звуки, вкус во рту, через изменения температуры тела, например: «застыть», «почувствовать ледяной холод», «взмокнуть от жары». Иногда возникают кинестетические или различные физиологические ощущения, например, желание убежать, чувство першения в горле, ощущение запаха или вкуса (например, запах особого детского крема или вкус хорошо известного успокоительного сиропа во рту, — так, во время одного памятного сеанса психодрамы со взрослым мы наблюдали у него появление мимики сосущего ребенка, слышали, как он говорит голосом маленького мальчика, при этом можно было заметить общее замедление движений и речи, будто под воздействием этого успокоительного сиропа, затем он снова обрел свой взрослый голос — сразу после конца сеанса и освобождения от роли и от ее возраста). При этом можно чувствовать себя хорошо: расслабленным, счастливым, освобожденным, — или утомленным, встревоженным, подавленным, ужаснувшимся.

Повторения

Описанные картины и ощущения переживаются не как галлюцинации, но как события глубоко реальные — еще раз пережитые. Эти болезни или несчастные случаи, инциденты, травмы могут продолжать передаваться из поколения в поколение, — и часто подобное может происходить до четырнадцатого поколения или даже дальше.

Такой взгляд, проливающий свет на семейные события и на их психоисторический контекст, собранный и полученный с помощью психогенеалогии, меняет наше восприятие природы человеческого разума и чувств, личной и семейной истории, и также психотерапии и психоанализа. Эта перспектива проясняет семейные «повторения» и требует пересмотреть множество драм, затруднений, повторяющихся несчастных случаев, заболеваний...

Жозефина Хилгард и Анн Анселин Шутценбергер

«То, что не выражается в словах, отпечатывается и затем выражается в неприятностях», — так мы говорим, и пишем об этом в течение нескольких лет.

Жозефина Хилгард продемонстрировала в своих работах (ее работы признаны, но мало известны, так как она публиковала только статьи), что интергенерационная или трансгенерационная передача травм или несовершенного траура — смерти, госпитализации, внезапного разделения матери и ребенка — это статистически значимый фактор (то есть он не случаен) в развитии некоторых случаев взрослого психоза.

Наше собственное исследование также доказало повторение автокатастроф, несчастных случаев в горах или на охоте, случаев ранней смерти и травматических эпизодов в день годовщины изначального события (или в день, когда оно могло произойти).

В некоторых случаях повторы одной и той же ситуации восходят ко временам прошлого или позапрошлого веков: во Франции — часто ко времени Революции (1789), Террора и гильотины (1793 — 1794), в США — к войне за независимость (1774 — 1783) и гражданской войне (1860 — 1864), в Ирландии — к восстанию против Англии (1796 — 1798) и Великому голоду [картофель] (1846 — 1848), в Англии — ко временам гражданской войны (1625 — 1649) и Кромвеля.

Выражение неприятностей в словах

Подобный тип исследования и пунктуальной терапии, основанный на «психоистории», *выражении в словах* и в личном, семейном и социоисторическом контексте, передающемся многими поколениями, может оказать существенную помощь нынешним поколениям и их умственному, духовному и физическому благосостоянию, и помочь им избежать болезненных повторений — ранних смертей, несчастных случаев, серьезных болезней, главным образом, связанных, как мы считаем, одновременно с «пережевыванием» незаконченных задач (это эффект Зейгарник, о котором мы будем говорить дальше), а также с невидимой и бессознательной *семейной и групповой лояльностью*.

Психогенеалогия обычно проводится во время или после курса долгосрочной психотерапии и дополняет ее. Но все же не стоит делать из нее панацею, даже если она освещает путь и помогает за небольшое время решить множество проблем.

ГЛАВА II

БУДЕМ ВЕРНЫ НАШИМ ПРЕДКАМ, НО ЕЩЕ — И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ — САМИМ СЕБЕ:

НЕВИДИМАЯ И БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ «СЕМЕЙНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ»

Человек — стадное и общественное животное

Человек — как животное — выживал с ледникового периода в племени или в группе. Наш основной рефлекс состоит в том, чтобы держаться группой и «делать как все», и исключения здесь ничего не меняют.

Что-то в нас толкает нас *защищать* свою семью и ее образ жизни и мыслей и воспроизводить ее поведение (бессознательная и сознательная семейная лояльность), даже если наши сознательные желания другие. И если, чтобы отмежеваться, мы поступаем противоположно тому, как делалось раньше, и если наши родители делали так же, — мы повторяем эту форму мятежа наших бабушек и дедушек и противодействуем — вместо того, чтобы выбирать и действовать самим. И цикл возобновляется...

Но внимание! Сделать наоборот — это не значит стать свободным от родителей, но — быть связанным с ними че-

рез оппозицию. Это тоже форма невидимой связи и невидимой семейной лояльности.

Быть свободным в своем собственном выборе позволяет поступать иначе.

Стать взрослым, прервать пуповину и освободиться от семейного господства — означает суметь сделать свой выбор и в случае необходимости выбрать другую форму и другие критерии оценки, выбора и жизни.

Склеп и призрак

Напомним, что трудно найти семью, у которой нет своей или своих тайн, а часто — «скелета в шкафу» или, по крайней мере, невысказанных или подразумеваемых запретных тем, так же как и «негодяев», которых больше не приглашают в гости или которых избегают.

Семейные тайны — это «обжигающие» темы. Они — как горячий картофель в руках, от которого мы пытаемся освободиться как можно скорее и потому передаем из рук в руки — и каждая рука по ходу этой передачи обжигается, из поколения в поколение.

Семейные тайны в некотором смысле вызывают *расщепление* личности: существует часть, которая знает, и часть, которая не хочет или не может ничего знать. Это как травма взамен, повторяющаяся, как волна в прибое, это незаживающая рана, нуждающаяся в том, чтобы ее развязали и показали (или жалоба, которая хочет быть услышанной и принятой во внимание), чтобы о ней позаботились и поддержали с помощью настоящей терапевтической поддержки, холдинга (*holding*)*.

* См.: Donald W. Winnicott, *The Maturational Process and the Facilitating Environment*, New York, International University Press, 1965; A. Ancelin Schützenberger et al, *Histoires de vie et choix théoriques en sciences sociales. Parcours de femmes* (интервью, проведенные Винсентом де Гольжаком, в изложении К. Зайдмана и Ф. Оберга), Paris, Harmattan, 2005.

Подобным образом парижский психоаналитик венгерского происхождения Николя Абрахам предлагал объяснять случаи некоторых пациентов, не соответствовавшие ни его собственному опыту, ни теоретической модели Фрейда*. Это было, как если бы кто-либо другой говорил через них, как чрево вещатель. Казалось, что они являются носителями «призрака, хранящего тяжелую семейную тайну», обитающего в «склепе» внутри потомка и проявляющегося либо физически, либо психически, чтобы его услышали (старинная тема сказки русских евреев «Диббук» об одержанной молодой женщиной ее бывшим возлюбленным).

Освобождение от страдания возможно только тогда, когда мы начинаем видеть, понимать, извлекать на свет и «обрабатывать» тайну. Это осуществляется с помощью фасилитатора (обычно специалиста — психотерапевта или психоаналитика), который тонко слушает, поддерживает и удерживает эти выражения и проявления.

Связь с со-сознательным и со-бессознательным

В 1909 году Фрейд открыл поле *индивидуального бессознательного*; Юнг — в 1953 — *поле коллективного бессознательного*; и Морено — *поле семейного и группового со-сознательного и со-бессознательного*.

Хилгард и я определили, каждая по-своему, *синдром говошницы*. Я широко использую понятие *семейного и группового со-бессознательного* и рассматриваю его как одно из главных средств для понимания трансгенерационных связей.

Английский многоплановый исследователь Руперт Шелдрейк назвал *морфогеническими волнами* «волны», которые

* N. Abraham, M. Tôrök, *L'Écorce et le Noyau*, Paris, Aubier, 1978 и личные заметки и переговоры, 1967 — 1970.

соединяют вместе близких людей, с точки зрения семейной или даже терапевтической (в контексте близости во время обучения или, например, терапии), подобно шестому чувству, даже седьмому — когда речь идет, например, о чувстве осторожности. Он доказал это с помощью фильмов, показывающих на двойном синхронизированном экране, в какой точно момент времени собака издали «чувствует» приход своего хозяина: хозяин далеко, в своем офисе, берет в руки ключи, чтобы идти домой — и собака встает, чтобы идти к порогу дома — в ту же секунду...

Исследователи NASA во время войны наблюдали, что собака на суше принималась смертельно выть, когда далеко в море, в произвольно выбранный момент времени топили ее щенков.

Многие из нас как бы «случайно» думали о ком-то — и вдруг этот человек звонил, или внезапно просыпались ночью с мыслью о близком человеке, а позже узнавали, что он как раз в это время умер или что с ним случился серьезный несчастный случай.

Более широко трактуя понятия Ивана Бозормени-Надя «*большой книги семейного учета*» и «*невидимой лояльности*», при анализе и глубинном понимании — бессознательных, но проявляющихся — трансгенерационных связей я включаю в эти понятия *невидимую и бессознательную семейную лояльность* и *невидимую лояльность* малых групп или команд.

«Внутрипсихическое» группы или команды можно прояснить различными техниками, проявляющими теле — это общение на расстоянии, как в слове *телекоммуникация*, — со-бессознательные и со-сознательные состояния. Такие состояния переживаются партнерами, членами семьи или людьми, тесно связанными с группой, и могут быть представлены и разделены ими. Я.Л. Морено, социолог и психодраматист, предчувствовал то, что теперь называется *немедленным эффектом зеркальных нейронов*. Морено объясняет это следующим образом: «Со-бессознатель-

ное или со-сознательное не может принадлежать одному единственному человеку. Это всегда *коллективная собственность*»*.

Семейное и групповое со-сознательное и со-бессознательное

Рассмотрим опять понятия сознательного и бессознательного (индивидуального) Фрейда, Юнга (коллективно-го), Морено (семейного и группового со-сознательного и со-бессознательного).

Понятие со-бессознательного Морено не тождественно понятию коллективного бессознательного Юнга, Морено рассматривает вопрос групповых и семейных связей, и не рассматривает связи, распространяющиеся на все общество в целом.

Важно не смешивать то, что обозначается этими различными терминами.

Наша собственная семейная история не является тем же самым, что и фольклор нашей культуры, даже если иногда есть проникновение или совпадение между опытом отдельной семьи, обществом и культурой в целом.

В 1950-х годах я думала — и продолжаю так думать и сегодня — что понятия *со-сознательного* и *со-бессознательного* — это очень важные понятия, ключ ко всему, — как для терапии, психотерапии и психодрамы, так и для психогенеалогии. Занимаясь психотерапией в течение более чем пятидесяти лет, на пяти континентах, и обучая, я убедилась в том, что концепции *со-бессознательного* и *со-сознательного* и *семейного со-бессознательного* — одни из самых плодотворных идей Морено. Они так же важны, как

* J. L. Moreno, *Psychodrama I*, New York, Beacon House, 1946. Выделено Морено.

ролевой обмен, проекция в будущее, социометрия и социальный атом*.

Некоторые, подобно мне, переняли это новое понятие семейного и группового *со-бессознательного*, чтобы исследовать и развивать семейное *со-сознательное* и семейное *со-бессознательное* — и также групповое — в случае, если речь идет о команде.

Я прорабатывала понятие *со-бессознательного* в течение более чем двадцати лет в своей работе над семейными трансгенерационными связями, семейной лояльностью и синдромом годовщины, в психогенеалогии и трансгенерационной терапии.

В этой работе я использую *геносоциограмму* — подход, технику, которую я создала, начиная со стандартной *генеогаммы* и *социального атома* (о чем я детально скажу позже), — так же как *технику психодраматических виньеток* и расширенный вариант *сверхреальности*.

ГЛАВА III

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ ПОВТОРЯТЬ ОПЛОШНОСТЕЙ, ОШИБОК И СТРАДАНИЙ НАШИХ ПРЕДКОВ, НО БУДЕМ ЗНАТЬ, ЧТО ФАКТЫ ПОВТОРЯЮТСЯ — В ОСОБЫЕ, ЧАСТО В ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ:

СИНДРОМ ГОДОВЩИНЫ

Предостережение: у любого повторения никогда нет смысла, и если ласточки возвращаются весной, это не они ее возвращают.

Нужны основательное образование и длительный клинический опыт, чтобы «почувствовать», увидеть, почувствовать, разгадать то, что значимо и нужно развить, извлечено, переработано — в отличие от неважного случайного повторения. Современные исследования по «зеркальным нейронам» смогли бы нас вывести на путь понимания этого «клинического предчувствия» смысла и преднамеренности. Но речь идет о слишком молодой отрасли (2002 — 2007) научных исследований, чтобы развивать здесь эту тему.

* См.: А. Анселин Шутценбергер. *Психодрама: Теория и практика*. — М.: Психотерапия, 2007.

Синдром годовщины и повторения

Синдром годовщины отмечает повторение заметных — счастливых или несчастных, даже драматических — событий в ту же дату или в том же возрасте, или в тот же особый период.

Часто это передается как *отпечаток*, повторяющийся и бессознательный, как счастливых ключевых событий, так и ужасных, неслыханных, даже невероятных травм. Тогда он рассматривается как не полностью разрешенный в прошлом травматизм, повторяющийся часто в виде ранней смерти, несчастного случая, болезни или психосоматических или соматопсихических проявлений.

Он может быть связан с личным, семейным событием, с различными проблемами, пережитыми предыдущими поколениями, и в особенности с травматическим шоком, обычно с несовершенным трауром или со значительной потерей.

Непринятые потери и несовершенный траур

Непринятая потеря — это часто потеря дорогого человека — ребенка (может быть даже неродившегося), родственника и т.д. Или может быть потеря любимого домашнего животного: кошки, собаки, канарейки, лошади, — любимого предмета: дерева, пианино, — или может быть дома, страны, национальности, своих корней. Это может быть также потеря части тела, с которой пришлось расстаться: рука, нога, грудь, даже лицо (например, у инвалидов 1914 — 1918, получивших лицевое ранение) или любовью важной составляющей себя.

Когда траур не совершен, остается прерванное, «незаконченное действие», которое заставляет человека и его потомков «бродить» (подобно тому, как говорят, что тесто или вино «бродят»).

Важные события — не всегда трагические.

Синдром годовщины также может проявляться положительно — повторением счастливых и важных событий, оставшихся жить в памяти семьи, словно отмеченных белыми камнями.

Эти последние могут включать как напоминание о любимом человеке повторение дат брака или дат рождения. Например, рождение ребенка, которое происходит — как если бы мы хотели чувствовать, почтить, вспомнить любимого родственника — в день годовщины смерти бабушки или день рождения прабабушки, напоминая о любви и позитивных узах.

Такие события могут быть связаны с датами свадьбы, рождения, крещения, производства в чин, назначения на должность, с каким-либо историческим фактом.

Напомним так же, что функционирование синдрома годовщины объясняется *невидимой семейной лояльностью*, которая заставляет нас повторять заметные события (позже мы к этому еще вернемся).

Синдром годовщины — важное понятие, потому что позволяет понять, что неприятности, от которых мы страдаем, часто связаны с нашей идентификацией в незаконченном прошлом, и если мы сумеем захоронить прошлое, совершить по нему траур, «исправить» потери в прошлом, «очистить» генеалогическое древо — по крайней мере, символически — тогда мы сможем возобновить свою собственную жизнь, а не повторять травмирующие события на протяжении нескольких поколений.

Даты рождений и свадеб часто повторяются через несколько поколений.

Пример: брак Рене во французской Канаде (Квебек) с Франсуа 28 августа 1971 года — десять поколений спустя после брака ее прапра...бабушки Франсуазы с человеком по имени Рене 28 августа 1728 года. У нас была возможность это обнаружить, потому что в Квебеке существуют

записи рождений, браков и кончин, восходящие к XVII веку. Для многих семей в Западной Европе этот тип исследования тоже возможен.

Синдром годовщины может проявляться у потомка почти в том же возрасте, что и у предка, и в виде тех же симптомов, появившихся неожиданно или при аналогичном происшествии (травма, болезнь, несчастный случай, госпитализация, интернирование, траур).

Синдром также может проявляться в связи с повторяющимися датами или периодами года — таким образом, что его особые признаки (такие как кошмары, приступы тоски или несчастный случай) обнаруживаются в том же возрасте, иногда в тот же месяц или в тот же день, что и первичный травматизм, которому подвергся значимый предок.

Бессознательное регистрирует то, что хочет: для него могут быть значимыми: особенный день — начало учебного года, рождественская ночь, памятный визит, поездка, особое время жизни («когда косили сено», на сборе винограда, «когда умерла бабушка»). У бессознательно хорошая память, у тела — «память слона» и у социального тела тоже, но на события жизни каждый реагирует по-своему.

Томас Холмс и Ричард Рейх создали эталонный список заметных жизненных событий, имеющих тяжелые последствия для людей, которые с ними сталкиваются. Его можно найти в приложении в конце книги.

**Синдром годовщины
(работы Жозефины Хилгард),
повторения, свадьбы**

Американский психоаналитик и врач Жозефина Хилгард провела значительную и статистически значимую

работу со всеми пациентами, поступавшими в три психиатрические больницы Калифорнии, во всех случаях, когда в одной и той же больнице существовали надежные сведения о родителях-детях.

Она доказала, что в случае взрослых женских психозов часто присутствует повторение одних и тех же симптомов в течение трех поколений. Например, симптомы проявлялись, когда девушка достигала возраста, в котором «исчезала» ее собственная мать (в результате кончины или психиатрического интернирования). И когда в третьем поколении уже ее собственная дочь достигала того же возраста, у нее проявлялись те же симптомы, что и у ее бабушки во время ее травматического исчезновения.

Это исследование проводилось в течение четырех лет, оно доказало, что корреляция в случаях, касающихся матери и дочери, статистически значима и частично, но не полностью статистически значима по отношению матери и сына или отца и сына. Исследования Хилгард окончательно доказали существование синдрома годовщины в психиатрии — от матери к дочери, то есть повторение симптомов, подобно «умственному заражению» или идентификации (подробнее см. далее).

В этой группе было мало мужчин, поэтому статистическая работа с ними была невозможна. Гипотеза Жозефины Хилгард состоит в том, что у каждого есть свое слабое место, — в ее исследовании мужчины «предпочли» алкоголизм психозу. Именно Хилгард дала имя «синдром годовщины» этому повторению серьезных симптомов у матери и дочери в одном и том же возрасте. Напомним, что речь шла о резком, внезапном отделении ребенка от матери, произведенном так, что ребенку ничего об этом не сказали — впрочем обычно детям в таких случаях почти ничего и не собирались рассказывать, особенно в те времена.

Существует совпадение между возрастом пациента во время потери родственника и возрастом старшего из детей во время первого помещения пациента в психиатрическую лечебницу (для женщин, потерявших свою мать между двумя и пятнадцатью годами).

	Потеря отца	Потеря матери
Образец	82	65
Полученные совпадения	9	14
Стандартная ошибка	10,56	7,08
Нормальное отклонение*	2,99	2,57
Вероятность*	NS*	0,32

Мы можем выдвинуть гипотезу двойной бессознательной идентификации пациента, ставшего взрослым и проявляющего те же симптомы, со своим родителем и с ребенком, которым он был, — когда старший из его детей достигает тех же лет, сколько было пациенту в момент травмы отделения — в данном случае дочери от матери.**

Давайте приведем пример. Люси было 5 лет в то время, когда ее мать, Дениз, была интернирована (в возрасте 28 лет). Сама став матерью (как и ее мать) в возрасте 23 лет, подобно своей матери (через двойную идентификацию) Люси будет «знать» о психотическом эпизоде, когда ее дочь Жозетта достигнет возраста 5 лет. Она будет помещена в ту же больницу, что и ее мать. В другом подобном случае, я смогла «нормализовать» психотичес-

* Исправлено согласно таблицам, предоставленным Линкольном Е. Мозесом. *Источник*: Joséphine Hilgard, Martha Newman, «Evidence for Functional Genesis in Mental Illness: Schizophrenia, Dépressive Psychosis and Psychoneurosis», *J. Nerv. Mental Dis.*, 121, 12, 13, 1961. (NS — не значима).

** Я благодарю своего коллегу, профессора Эрнеста Хилгарда (Калифорния), который любезно предоставил мне эти документы и разрешил привести здесь выдержки.

кую мать, работая с ее проекцией и помогая ей освободиться.

В то же время я самостоятельно исследовала другие области и обнаружила синдром годовщины во многих случаях тяжелых и завершающих стадий рака, автокатастроф, падений, а также болезней верхних и средних дыхательных путей.

Мы выдвинули гипотезу о существовании незавешенных задач, трауров, различных потерь — не «проговоренных» и таким образом не проработанных и не переработанных тогда, в прошлом, — как если бы травмы возникали подобно волнам прибоев или все более и более расходящимся кругам от брошенного в воду камня, которые достигают следующих поколений.

В рамках этой гипотезы мы можем наблюдать очевидные повторения и часто можем освободить людей от груза «непереваренного» прошлого, которое либо являлось их собственным прошлым, либо принадлежало более далеким предкам, — что мы нередко и обнаруживали, исследуя вместе с ними их генеалогическое древо, дополненное значимыми событиями их жизни и технически называемое «геносоциограммой», — но об этом мы поговорим дальше.

Я утверждаю, что во многих случаях такой же механизм идентификации и «невидимой семейной лояльности» действовал и у пациентов, больных раком, и при несчастных случаях, повторяющихся в трех или четырех поколениях, так же как и при некоторых болезнях верхних дыхательных путей: бронхите, астме или туберкулезе. Например, пациент может «кашлять и отхаркиваться», воспроизводя симптомы бабушки, отравленного газом во время Первой мировой войны в Ипре (22 — 25 апреля 1915) или в Вердене (1916) почти век тому назад. Такие симптомы могут служить знаком бессознательной

семейной лояльности и симптомом негативного синдрома; они возобновляются к дате или годовщине и могут возникать у нескольких братьев и сестер одной семьи, родных или двоюродных. Зачастую можно освободиться от этого, выявляя синдром и работая над эмоциями, которые с этим связаны.

Клинический случай невидимой семейной лояльности: Камила, или как распустить «стежок шелка» и вычистить «кашляющую пыль»

У Камиллы — затрудненное дыхание и сильный бронхит. Она все время кашляет, и то, как она об этом рассказывает, заставляет подумать о существовании «невидимой семейной лояльности» к некоторому трагическому семейному событию. Так что мы начинаем строить гипотезы и искать.

Как обычно в таких случаях я проверяю серию возможных исторических предположений, основываясь на своем опыте изучения посттравматических симптомов военных и разных других событий. В свете моего клинического опыта такой специфический кашель мог бы быть связан:

- с газом Вердена войны 1914 — 1918 годов;
- с утоплением в Галиполи (Турция) во время той же войны, где союзные солдаты, пытающиеся высадиться под огнем турок, утонули в Мраморном море (история повторяется: еще у Гомера обнаруживаем отрывок, упоминающий Мраморное море, покрытое кровавой пеной, у берегов Трои);
- с утоплением солдат при Дюнкерке, но уже в июне 1940 года;

- со взрывом рудничного газа в угольных шахтах или с угольной пылью, которой дышат подземные горнорабочие, или с пылью, которой дышат, например, во время работы над камнем.

Во время работы Камила в нашем присутствии позвонила бабушке по отцу, которая была удивлена и в то же время согласилась помочь. Она сказала: «Там какая-то пыль». Вслушиваясь, я решила не прерывать неожиданно воцарившееся очень длинное молчание. Затем она добавила: «Кашляющая пыль...»

Потом опять воцарилось длинное молчание, и я все ждала, желая услышать то, что еще «придет»... Внезапно кашель Камиллы прекратился, как если бы в ней что-то «щелкнуло» — и ее дыхание усилилось, а затем освободилось. Как если бы установилась глубокая связь между несколькими драматическими событиями, если можно так выразиться — между различными слоями памяти, будто скрепленными «стежком шелковой нитки» (пользуясь образом Лакана) — как у обитого кресла, чья пуговица удерживается свободным стежком нитки, соединяющим вместе несколько слоев ткани.

Наметим теперь различные этапы. Мы искали в Вердене 1915, 1916, 1917 годов. Ее дедушка в Вердене был два раза ранен в голову, но не был отравлен газом, не кашлял, не плевался и, согласно бабушке, его легкие остались здоровы. Он умер в 70 лет, в 1970 году. Быстро считаем: 70 лет в 1970, 10 лет в 1910 и 17 лет в 1917. Таким образом, у него была возможность пойти в армию добровольцем, немного приврав насчет своего возраста. Возможно, но маловероятно; в любом случае — здоровье у него было в порядке.

Тогда ищем в другой ветви со стороны отца и обнаруживаем двоюродного брата мужа его матери, то есть дедушки Камиллы, скорее родственника, чем предка, который кашлял. Он был несовершеннолетним и работал в Арсенале Бреста.

Этот кузен впоследствии заболел от «какой-то пыли», которую бабушка назвала «кашающей пылью»... Это именно то, что внезапно будто «щелкнуло» в Камилле, отчего ее кашель прекратился.

Мы также задавали вопросы по поводу мужа бабушки, то есть дедушки по отцовской линии, который служил во флоте на подводной лодке, и чей корабль был потоплен в Тулоне, в ноябре 1942 года, во время войны и немецкой оккупации.

Восстановим и расположим исторический контекст этого случая. Немцы внезапно занимают южную, называемую «свободной» зону Франции и топят французский флот в Тулоне 27 ноября 1942 года. В том же ноябре 1942 года была победа Монтгомери в Эль-Аламейн в Северной Африке (сражение 23 октября, закончившееся в ноябре 1942). Одновременно имела место высадка войск, связанная с Северной Африкой.

Как уже было указано, я предпочитаю длительные сессии и работу преимущественно в мини-группах из двух или трех человек два или три последовательных дня, чтобы каждый человек смог получить обратную связь от своей работы и проанализировать сны, чтобы помочь самому себе с помощью своего бессознательного.

На следующий день Камилле, работающей над своей историей, приснился сон, который мы вместе проанализировали. Затем она вспомнила о том, что посетила молодого человека, чей дедушка был на одной из двух подводных лодок, которые сумели убежать к Северной Африке, и ему вспомнилось имя судна: «*Жан-Бар*» (мы не проверяли в архивах флота имена упоминаемых ею кораблей).

Психогенеалогия интересуется различными передачами, в том числе — семейных тайн. И семейные тайны — как не совершенный в свое время траур — подобны бомбам замедленного действия. Взгляд с точки зрения психогенеалогии разряжает бомбу, перенося происхождение

вещей, оплошности, ошибки, невысказанное, не сделанное или некую трагедию в предшествующие поколения, часто на десятки или сотни лет назад, что освобождает живых, ныне живущих людей, которые в этом случае являлись только жертвами. Таким образом можно установить менее напряженные, менее затратные или менее трудные отношения с предыдущими поколениями — с родителями или с дедушками и бабушками.

Исторические следы: случай Косово

Невидимая лояльность и трансгенерационная передача травм часто связаны с особыми историческими событиями. Они включают естественные катастрофы, эпидемии, войны, религиозные конфликты, резню, убийства или перемещения популяций различных народностей, например, через центральную Европу: греков, армян, славян и жертв сражений в бывшей Югославии, включая Косово.

Случаи травм, относящихся к Косово, показывают сложность повторяющихся непроработанных потерь, несовершенных трауров, остающихся *незавершенными действиями* между народами — с потерями, смертями и травмами, повторяющимися с 1389 года, то есть в течение более шестисот лет.

Следует отметить, что психогенеалогия интересуется всеми передачами и — стало быть — и передачей исторических событий. И специфическая история Косово (1389) иллюстрирует повторение исторических событий в дни годовщины.

Первая мировая война началась политическим убийством эрцгерцога Франсуа-Фердинанда, наследника трона Австро-венгерской империи, сербским активистом

Гаврило Принципом, 28 июня 1914 года в Сараево. Визит принца в Сербию был воспринят как вторжение на ее территорию и «самое большое унижение Сербии». Его убийство, через цепь связей, заложило основу для войны и миллионов убитых, так же как и для дальнейшего «хромого мира» и желания Гитлера взять реванш, для мировой безработицы и — далее — для войны 1939 — 1945 годов.

Дата 28 июня высоко значима. Это годовщина знаменитого сражения в Косово 28 июня 1389 года с сомнительным исходом, в течение которого сербы были побеждены турками Оттоманской империи: оба командующих были убиты, в том числе сербский полководец, князь Лазарь, позже канонизированный. Память об этом поражении впоследствии оживлялась множество раз. Совсем недавно ее оживил — и в результате бойня повторилась — глава сербов, Слободан Милошевич. 28 июня 1989 года — в 600-летнюю годовщину знаменитого сражения 1389 года — он торжественно открыл новый мемориал в Косово и выступил с речью перед огромной толпой, напомнив сербам убийство (святого) князя Лазаря на этом месте, где стояли его войска, и его лозунг: «Продвижение турок будет остановлено». «Никогда больше этого не будет! — кричал Милошевич толпе, — Сербия не будет покорена!» Символизм не мог быть сильнее, так как Милошевич выступал со своей речью перед памятником, установленным, чтобы хранить мощи канонизированного князя Лазаря, — мощи, которые были возвращены на родину, в Косово, по его настоянию.

Некоторое время спустя началось массовое убийство мусульман, затем христиан — в ответ, и война в Центральной Европе в Косово. Сражения и массовые убийства распространились на всю бывшую Югославию.

С точки зрения психогенеалогии именно передача травм, не отработанных и не проработанных в течение нескольких веков, находит здесь свою иллюстрацию.

Вот ясный пример незавершенных задач и непроработанных травм, несовершенного траура. И возвращения драмы на то же место — Косово поле — «святое место памяти» и траура, никогда ранее не совершавшегося в масштабе сербов, на место бывшей резни — более чем через шестьсот лет.*

Исторические трещины

Значимы и другие исторические свидетельства: во многих культурах происходили политические расколы, от которых некоторые страны так и не смогли оправиться, события, отметившие собой целые поколения. Таковыми для Франции являются Террор 1793 — 1794 годов, гильотина и злоупотребления ею (исторический факт, что Людовик XVI был казнен на гильотине желанием большинства, голосовавшего поднятием рук, в то время как Республика установилась с перевесом в голосовании только трех голосов, это иллюстрирует).

В Великобритании раскол произошел при Кромвеле. Что касается Северной Америки — там еще не зажили раны войны за независимость и драмы рабства.

Синдром годовщины и невидимая лояльность — важные понятия. Они позволяют понять, что неприятности, от которых мы страдаем, — часто только наша идентификация с незавершенным прошлым, и что, если мы сумеем похоронить прошлое, оплакать его и «исправить» потери — по крайней мере, символически, — тогда мы сможем возобновить свою жизнь и не повторять травм предыдущих поколений.

* См.: V. Volkan, *Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism*, New York, Farrar, Strauss & Giroux, 1997. См. также мою вступительную речь, произнесенную в 1998 году на открытии конгрессе IAG в Лондоне.

Иногда мы можем даже освободиться от некоторых психозов — «поняв» эмоционально и телесно, что речь идет об «идентификации», о синдроме годовщины, что речь идет о симптомах, принадлежащих другим.

Это подобно тому, как если бы мы наконец опустили на землю тяжелые чемоданы, которые несли до сих пор.

ГЛАВА IV

ВАЖНОСТЬ ЗАВЕРШЕНИЯ НАЧАТОГО:

ЭФФЕКТ ЗЕЙГАРНИК

Несовершенные трауры

Незаконченные задачи — несовершенные трауры и различные непроработанные потери и травмы — надолго остаются в памяти, «бродят» — долгое время и часто всю жизнь — и в некотором смысле «пережевываются как жвачка», а иногда даже передаются из поколения в поколение.

Важно завершить задачу, потому что наш организм стремится к тому, чтобы закрыть каждый «гештальт» (любая начатая и незаконченная работа — это эффект Зейгарник), так же как он стремится к тому, чтобы удовлетворить любой свой запрос, потому что мы не можем оставаться «дышащими», не доведя до конца начатый нами вдох или выдох, подобно тому, как мы нуждаемся в том, чтобы закончить начатую фразу, даже если собеседник говорит: «Я знаю». Это нормальная человеческая потребность.

Пока работа остается незаконченной, в нас сохраняется напряжение и мы не доступны для чего-либо иного. Внезапно мы начинаем «пережевывать» прошлое и думать о том, что могли бы или должны были бы сказать или сделать, чтобы все произошло иначе.

Закончить работу — это позволить себе «перевернуть страницу», открыть двери в настоящее и в будущее, чтобы стать доступным для чего-либо иного.

Завершение незаконченной задачи состоит как бы в возвращении назад и обозрении событий сверху, — чтобы «закрыть» отношения с человеком, которого мы любим, опасаемся или ненавидим, который еще жив или уже умер — и иногда несколько веков назад.

Завершение через психодраматическую виньетку

Психодрама, или терапевтическая или педагогическая ролевая игра, позволяет сделать такое завершение. Человеку можно предложить «сыграть» (поставить на сцене) *сверхреальность*, то есть развернуть ситуацию из прошлого для того, чтобы завершить ее как-то иначе, и тем самым получить новый двигательный, эмоциональный и телесный опыт.

Сверхреальность не является компенсацией жизненных трудностей. Ее цель — позволить в *реальности психодраматических взаимодействий* закончить некие взаимодействия, завершить ситуации с напряженными отношениями более удовлетворительным образом.

С помощью этой техники «психодраматически» можно дать, например, хорошую мать (дать возможность почувствовать телесно, ощутить сердечное тепло и отношение) человеку, у которого ее никогда не было; или сказать себе то, о чем сожалеешь; или проститься и сказать «до свидания», «прощай» умершему родителю.

Сверхреальность и проекция в будущее

Сверхреальность отличается от проекции в будущее.

В сверхреальности то, что играет, никогда не существовало и соотносится с тем, что в прошлом могло бы быть сделано по-другому. Это — нечто вроде «психодраматического ремонта» — и также телесного, пережитого телом, мышцами и сердцем того человека, который работает в этой сверхреальности.

При проекции в будущее речь идет скорее о том, чтобы подготовиться к тому, что еще не произошло и должно бы или могло бы произойти. Как, например, можно рассмотреть возможную профессиональную или личную ситуацию, представить ее, пожить в ней — например, вступить в брак с человеком, с которым сейчас еще только встречаешься, и «прожить» в этом случае различные варианты реальности, позволяющие осознать и увидеть более реалистично свои желания и желания других (или то, что мы из них делаем), а также возможности и трудности или трагические расхождения.*

Работы Курта Левина и Блюмы Зейгарник (эффект Зейгарник)

Прежде чем заняться «групповой динамикой» в США, психолог Курт Левин работал в Институте психологии в Берлине — под влиянием школы гештальта. В 1928 году Блюма Зейгарник, тогда студентка, под супервизией Курта Левина занялась вопросом законченных, прерванных и незавершенных задач (в 1980 году она все еще жила в Москве).

Она доказала, что незаконченные и/или прерванные задачи помнятся лучше, чем задачи законченные, так как

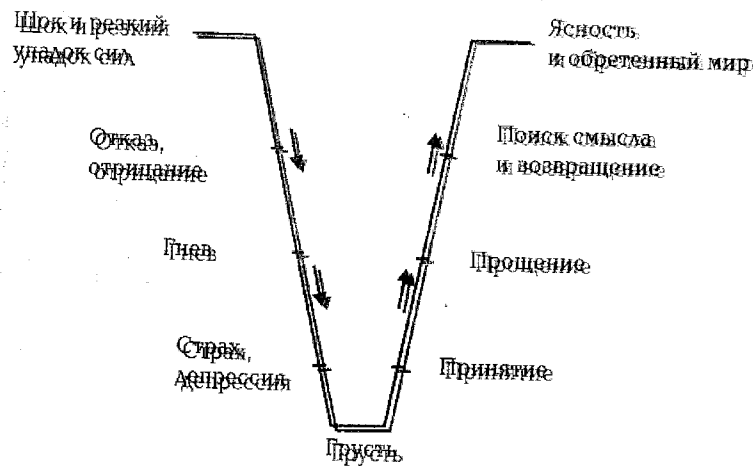
* «Before going to Reno, go to Moreno», что можно перевести так: «Прежде чем отправиться в Рино (подразумевается: чтобы развестись и затем жениться снова), сходите к Морено» (то есть, прежде чем это сделать, посмотрите в психодраме, чем это могло бы стать).

первые продолжают «переживать» и таким образом обрабатываться в уме. Эти задачи часто в течение долгого времени остаются в голове и в памяти, так как мы постоянно вспоминаем о незавершенной задаче и думаем о том, что мы тогда могли бы сделать или сказать иначе.

Напротив, законченные задачи уже как бы «разложены по полочкам» памяти, и в повседневной жизни их можно не вспоминать, — они позволяют нам «перевернуть страницу» и перейти к следующей.

Мои коллеги и я пользуемся выводами из эффекта Зейгарник при работе с людьми, пораженными раком и другими болезнями или находящимися в ситуациях застойной, замороженной жизни, когда жизнь индивида останавливается и застывает в нескончаемом трауре (Фрейд) вследствие потери или травмы (Левин).

Ниже на графике представлены стадии траура, выделенные Элизабет Кюблер-Росс. Каждый может мысленно представить себя в этом процессе, понять, где он до сих пор находится, и предпринять необходимую работу.

Кривая этапов траура
(по выводу работ Э. Кюблер-Росс)

Мы используем эффект Зейгарник, чтобы понять и рассмотреть — как воздействие несовершенного траура, так и настоящие и прошлые напряжения в жизни индивида, включая личные, семейные или профессиональные травмы. Цель этой работы состоит в том, чтобы помочь людям заживить зияющие раны и полученные ими травмы, провоцирующие постоянное верчение мыслей — размышлений по поводу того, чего не было сказано, что не было оплакано, прочувствовано, и таким образом не было переработано. (При некоторых травмах дело доходит даже до расщепления «я», одна часть которого знает, а другая — не знает того, о чем идет речь и от чего она страдает.)

Когда человек сможет прочувствовать и выразить обиду, вызванную несправедливостью, боль травмы наконец будет признана, выражена в безопасном окружении, услышана, воспринята и удержана терапевтом.

К незаконченной задаче могут относиться, как мы писали в 2005 году в книге «Выход из траура», случаи сексуальных злоупотреблений, войны и этнические массовые убийства, так же как несовершенные трауры и различные потери.

Эти печали, заботы, боли и драмы, так же как жажда мести или требование извинений и/или «возмещения, которое надлежит получить», мешают травмированным жертвам обрести мир, не дают им отдохнуть и сконцентрироваться на своем выздоровлении.

Напротив, они остаются — буквально говоря — зажаты прошлым, оно их сдерживает, они его постоянно «переживают» и терпят — вместо того, чтобы отпустить прошлое и жить своей жизнью.

Осознание связи с незаконченными задачами и траурами помогает людям начать работать над своими проблемами со здоровьем, отсутствием энергии или затруднениями настоящей жизни «здесь и теперь», сконцент-

рироваться на самих себе и на своем будущем, чтобы как можно лучше о себе позаботиться.

Клиенты или пациенты, получившие такую помощь, часто чувствуют себя лучше: они начинают дышать полной грудью, их лица проясняются, тело распрямляется. Жизнь наконец берет свои права, и часто бывает, что человек полностью выздоравливает.

Эффект Зейгарник применим ко всем незаконченным задачам, в том числе унаследованным от предшествующих поколений — таким, как семейные тайны (кровосмешение, траур, убийство, насилие и т.д.), трагические смерти или немислимые, не получившие названия и чудовищные военные травмы, для которых траур был невозможен.

В случае травм и психосоматических и соматопсихических заболеваний мы рассматриваем трансгенерационные схемы, поскольку часто существует связь с предшествующими травмами. Незаконченная задача может оставить свой след событиями и физическими и/или умственными болезнями, которые повторяются из поколения в поколение, согласно тому утверждению гештальт-теории, что незавершенные задачи должны быть завершены.

Эффект незаконченного действия Зейгарник — названный школами гештальт-философии и психотерапии «незаконченным гештальтом» — описывает эмоции и травмы, у которых есть тенденция «пережевывать» — «переходить из одного отдела желудка в другой» (в том смысле, как корова жует жвачку) — и повторяться — до тех пор, пока они не будут полностью «переварены», а их смысл не будет полностью усвоен и проявлен*.

ГЛАВА V

ТО, ЧТО НЕ ВЫРАЖАЕТСЯ В СЛОВАХ, — ЗАПЕЧАТЛЕВАЕТСЯ ВНУТРИ И ПОЗЖЕ ВЫРАЖАЕТСЯ В НЕПРИЯТНОСТЯХ:

ЯЗЫК ТЕЛА И КАК СООБЩИТЬ НЕЧТО БЕЗ СЛОВ

Фактически, существует два способа, чтобы выразиться без слов.

Выразиться косвенно языком тела

«Сказать, ничего не говоря» или «выразить как-то иначе» с помощью своего тела: когда губы молчат, тело объясняется с помощью пальцев или с помощью недомоганий, показывающих неприятности, которые мы не можем выразить словами или о которых не умеем или больше не можем говорить — телесно пережитое, память тела, язык тела — это видимое выражение, но другое, часто молчаливое, настоятельное и смутно понимаемое (иногда как запрещение прямого словесного выражения).

Чревовещатель и призрак

Как мы уже говорили во второй главе, Николая Абрахам и Мари Торок, заметив, что в трансгенерационной передаче речь идет как будто о призраке, находящемся в глу-

* См. A. Ancelin Schutzenberger, G. Devroede, *Ces enfants malades de leurs parents*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot», 2005.

бине души потомка, выдвинули теорию *призрака* и *чрево-вещателя*. Этот призрак — «конструкция бессознательно-го, которая никогда не осознавалась и которая была передана бессознательным предка бессознательному его ребенка или внука, или возможно даже другим членам расширенной семьи.

Как происходит этот процесс? Предложены многочисленные гипотезы, начиная с гипотезы со-бессознательного в отношениях «мать — ребенок» и до существования морфогенических волн*, проходящих через семейное и групповое со-бессознательное (Я.Л. Морено).

Как передаются семейные тайны? Со стороны это может показаться простым, но это не так. Тему, о которой запрещается говорить, можно сообщить косвенно — например, нахмуриванием бровей или прерыванием визуального контакта между родителем и ребенком, когда дело касается некоторых поводов, дат, имен, исторических периодов или географических мест.

О ней можно сообщить также особым напряжением или молчанием, возникающем при просмотре некоторых фотографий в семейном альбоме или эпизодов кино, телевизионных передач, любительских семейных фильмов.

Подобное поведение приводит к тому, что ребенок замечает, что некоторые темы, некоторые места, люди, мысли, некоторые эмоции или некоторые действия являются «запретными» — это те опасные области, которые никогда не должны обсуждаться.

Между тем, этот процесс не так прост, как кажется с первого взгляда, потому что поведение родителя и ребенка, общающихся и отвечающих на «запретные к обсуждению темы», не может сознательно контролироваться родителем и сознательно ощущаться ребенком. Тем не менее, вопреки всему, родитель может передать «запретные темы», и ребенок бессознательно их запомнит.

* R. Sheldrake, *La Mémoire de l'Univers*, Monaco, Éditions du Rocher, 1988.

**Выразить косвенно,
чтобы «не потерять лица»:
сообщить без слов**

Приведем позитивный пример косвенного сообщения и просьбы, который описывает в одной из своих книг Жан-Франсуа Денио.

Мать спрашивает его, — ни много, ни мало, — не смог бы он слетать в Англию, чтобы передать своей сестре пакет, в котором лежат маленькая баночка варенья и носки. Мать ничего к этому не добавляет и не дает никаких намеков на то, что ее связи с дочерью разорваны. Сын берет пакет без каких-либо комментариев.

В Оксфорде он звонит в дверь сестре и появляется у нее на пороге с цветами, широко улыбаясь. Во время разговора он вручает ей пакет. Сестра передает ему слова благодарности для матери. Отношения возобновляются как ни в чем не бывало, хотя никто не говорил ни о прошлом, ни о напряжениях или проблемах.

Нормальная семейная жизнь следует нормальным курсом, хотя ничего не было сказано. Но связи восстановлены, никто не потерял лица, никто не упомянул неприятных вещей, никто не извинялся, не измазался в грязи, в семье не было никакого скандала, не стирали грязного белья. Впрочем, кто сказал бы что-нибудь? Ничего неприятного не произошло и даже не было упомянуто. Честь сохранена, так же как и гордость каждого.

В этой семье часто используется «внезапный пакет», чтобы возобновить отношения. Это способ отрегулировать семейные отношения, ничего не говоря о семейных напряжениях, — урегулировать их действительно и надолго.

Я цитирую эту историю по памяти, поскольку всегда любила книги Жана-Франсуа Денио, их мужество, дух предприимчивости и исследования и элегантность.

Заметим, что в своем романе «Тайна счастья» (1934), Андре Моруа из всеми избегаемой деликатной темы (внебрачный сын, любимый законным отцом как собственный) вывел определение семейного мира: каждый знает (через третьих лиц), что другой тоже все знает и ничего не говорит, — это молчаливое соглашение, жизненно важное для чести матери и «отца».

Двойное принуждение

Рей Бедвистел показал в фильме «*Kinesics and Context*» примеры отношений с двойным принуждением («*double-bind*») между матерью и ребенком. Такое отношение через двойное, противоречивое и императивное послание вызывает у ребенка резкий упадок сил или стремление к уединению. Подобное часто встречается в психотических или психогенных семьях.

При двойном принуждении вещи не называются своими именами, инструкции запутаны, противоречивы и их запрещено обсуждать. Ребенку даются два противоречивых приказа. Часто это происходит не только между родителем и ребенком, но и между взрослыми, и на работе.

Каждый знает, что мы не имеем права обсуждать то, что мы знаем о происходящем на самом деле. Все это вызывает чувство недомогания, стеснения, смущения, о которых мы тоже не имеем права говорить.

Я вспоминаю классический случай двойного принуждения: мать предлагает сыну две рубашки для дня рождения. На следующий день сын одевает одну из них (голубую), и мать его отталкивает — он не любит мать, потому что не одел другую (зеленую). Когда он одевает зеленую, мать отталкивает его снова — он не любит мать, потому что не одел голубую. А когда сын одевает обе рубашки — одну на другую, мать восклицает: «Мой сын — сумасшедший!»

Другая классическая ситуация двойного принуждения: ребенок возвращается из школы и хочет обнять мать; она его отталкивает, касается своих волос и восклицает: «Моя прическа!» Он отходит с опущенной головой, и она кричит: «Ты меня не любишь!» Он пристыжен и больше не знает, что делать: если он ее обнимет — он испортит ей прическу, если он этого не сделает — он ее не любит. Что бы он ни сделал — он не прав — и к тому же не имеет права замечать противоречия в своей матери. Таким образом он связан, приведен к бессилию и заперт в себе.

Эта ситуация отражена в кинематографических этюдах о семьях шизофреников, в частности этюдах группы Пало Альто, объединенной вокруг Грегори Бейтсона в 1956 году, и у Рея Бедвистела, где иллюстрирована киноэпизодами (*Kinesics and context*).

Согласно Гарольду Сирлсу, это происходит также и внутри предприятия с извращенным начальником, как в его книге «*Попытка свести с ума другого*»^{*}.

А что если психодрама?

Рассмотрим другой клинический пример передачи, отмеченный напором внутренней силы, который проявился в психодраме с обувью.

Но прежде — вспомним некоторые теоретические и технические ключевые точки ролевой терапевтической игры, или психодрамы, то есть психодраматической ролевой игры с погружением в ситуацию.

Речь идет о том, чтобы оживить существующую проблемную ситуацию из прошлого, настоящего или будущего, проработать ее и попытаться разрешить, разыграв ее еще раз во взаимодействии в терапевтической ситуации, используя различные методы.

^{*} H. Searles, *L'Effort pour rendre l'autre fou*, Paris, Gallimard, 2003.

Маленькая группа около пятнадцати человек, в основном взрослые, уже вовлеченные в профессиональную жизнь или входящие туда, объединяется вокруг ведущего, чтобы провести работу над собой. Для начала члены группы садятся лицом к лицу — так, чтобы каждый одновременно мог видеть всех остальных. Группа собирается либо раз в неделю, либо раз в месяц на три дня подряд.

Случай, который нас интересует, — происходил на ежемесячной встрече. Это уикенд, начиная с пятницы, с длинным сеансом в субботу — до 22 часов — с большим перерывом на обед в середине дня. Едят все вместе — в группе, но живут отдельно — у себя дома или в гостинице.

В течение семинара есть две ночи, чтобы можно было в случае необходимости рассказать и проанализировать свои сны, так же как сообщить на группе о своих дневных или ночных эмоциях.

Подготовленный ведущий, называемый психодраматистом, воодушевляет группу и руководит ей.

Главный герой называется «основным я», или *протагонистом* (согласно терминологии классического греческого театра: тот, кто выражает проблемы города, то есть главный актер).

Психодраматисту помогают помощники: «вспомогательные я» — профессионалы или люди, выбранные из группы, или добровольцы, предложившие свою помощь (они должны быть одобрены психодраматистом).

Место проведения — это зал для семинаров, обычно арендуемый в отеле или в ассоциации. В данном случае речь идет о многофункциональном рабочем зале, который часто используют для занятий йогой, оснащенном маленькими ковриками и подушками (и сидением для ведущего). Чтобы удобнее сидеть на полу, участники, мужчины и женщины, разулись и взяли подушки из стенного шкафа, они могут прислониться к трем из четырех стен — четвертая составляет пространство сценичес-

кой игры, или психодраматическую сцену, тем самым ясно обозначенную.

Чтобы приспособиться к залу и «очеловечить» его, психодраматист предлагает принести корзину с вещами, нужными для хорошей работы: здесь настенные часы, чтобы время было видно всем, заварочный чайник и несколько чашек красивого фарфора (как раз принесенных одной из участниц), хорошие чай и кофе, электрический чайник, теплый шарф и свитер большого размера, на случай если кто-то замерзнет, большие куски ткани, чтобы закрыть настенные плакаты, так же как фломастеры и листы ватмана, чтобы поместить на них некоторую информацию и затем сохранить ее до следующего сеанса. Все необходимое для «маленьких перерывов» участники каждый раз приносят с собой (свежие фрукты, печенье и шоколад), так как подобная работа часто вызывает внезапный голод и лучше восстанавливать силы «на месте» во время коротких пауз — это меньше прерывает сеанс, чем если выходить на поиски кофе, хотя в другое время одно другому не мешает.

Напомним, что подняться, чтобы сыграть на сцене, это совсем другое, чем просто поговорить о том, что мы испытываем, — это совершенно по-другому мобилизует тело и двигательную память.

Внимание. «Делать, как если бы» на самом деле очень сильно отличается от «*гелать вид*» и говорить о действии, находясь на расстоянии. Один писатель сравнил некоторые сеансы психотерапии или рассказы о жизни, которые излагаются только на уровне речи, без телесных переживаний и без вовлечения, — с «посещением музея»*.

* В моих намерениях не было рассказывать здесь о нюансах и методах подготовки (*разогрева*) психодраматической игры и о значимости личного эмоционального отклика членов группы или «освобождения от роли» — но только дать клинический пример моей работы и важности находиться «здесь и теперь». См. А. Анселин Шутценбергер, *Психодрама: Теория и практика*. М.: Психотерапия, 2007.

Можно сказать, что психодрама в группе функционирует как трехчленный механизм:

- *протагонист*, который хочет проработать что-то из своего внутреннего мира, представляя его на сцене;
- группа *участников*: они внимательны к протагонисту; со-активны — своим присутствием, своей личной историей, своей психической жизнью, так же как участием в качестве «вспомогательных я», и личным эмоциональным откликом, которое они дают в конце игры;
- и наконец, *психодраматист* — одновременно директивный в точном и правильном развитии процесса, но недирективный в смысле Карла Роджерса — молчаливое, внимательно отстраненное, «плавающее» слушание: у него двойная позиция — постановщика (активный, директор, руководитель) и психоаналитика (активное присутствие в слушании).

Психодрама с обувью, или невозможная передача

Психодрама, описанная ниже, показывает, как подвижное сочетание этих трех элементов позволяет провести трансгенерационное исследование проблемы настоящего, затем понять и развязать семейный «узел».

Это происходило ноябрьским утром, в группе долгосрочной психодрамы, которую я веду.

Протагонист, назовем ее Клеманс*, — женщина сорока лет, в ладу с собой и довольно хорошо чувствует себя в своей семейной и профессиональной жизни. Клеманс замужем и мать троих детей. Она в хороших отношениях с большинством людей в группе. Тем не менее, что-то

* Клеманс дала разрешение на публикацию своего клинического случая. Записи были сделаны наблюдателем (Е.В.Ж.).

сдерживает ее в активном осуществлении своих планов, что-то, что она не может определить.

На предыдущих сеансах она рассмотрела трудности в отношениях со своим отцом и злобу на него всех его детей, за его отказ передавать умения в работе по дереву, которые должны были им достаться. Она рассказывает о «детях», не уточняя, что у него есть только дочери, и одна из них умерла подростком, о чем они никогда не говорят.

В это утро Клеманс стала говорить о своем желании работать по дереву, дрожа от чего-то похожего на бессильное и смутное бешенство, которое казалось абсолютно несоразмерным по отношению к поводу.

На секунду она остановилась и затем заключила: «Вот, речь идет о передаче, о невозможной передаче», — и молчит, как будто застряла и не может двигаться дальше.

«Идите сюда, мы это сыграем», — говорю я ей.

Группа расположилась в зале в виде подковы — на сиденьях или ковриках, игровое пространство расположено перед группой, различные вещи сложены по сторонам (сумки, одежда, обувь и т.д.).

Клеманс встает, обводит взглядом образующих вокруг нее круг внимательных людей, покачиванием головы отказывается выбрать кого-нибудь из них на роль «вспомогательного я», направляется к куче вещей, быстро, решительным жестом достает ботинок, ставит его посреди свободной сцены и сообщает: «Вот это — Фердинанд, прозванный *Справедливым*. Это мой прапрадед. Он плотник в N (поселок в горах)». Ботинок широкий, крепкий (это мужской ботинок), его носок повернут к окну.

«Это справедливый, уважаемый, хорошо обеспеченный человек. Его ремесло — работа по дереву».

Затем она берет другой ботинок, таким же образом ставит его — за первым и говорит: «Вот это — Фердинанд, его отец, тоже плотник. Его предки тоже были плотниками, столярами-краснодеревщиками, все занимались работой по дереву».

«И потом после...» Речь Клеманс ускоряется, и она разыскивает ботинки в большом зале, сносит в одно место, устраивает один за другим, не думая о смысле того, что делает, озабоченная только тем, чтобы определить их через имя.

«Вот Леопольд, сын Фердинанда Справедливого; отец считал его негодным, прогнал и лишил его дома. Тогда Леопольд уехал в Аргентину, совсем один. Он уехал далеко. Ему 17 лет». Она бормочет: «Вон! Иди к черту! Пусть чума тебя унесет!»

Речь ускоряется, ей не хватает дыхания. Затем она возобновляет монолог, с внутренним бешенством: «Вот это его сын, Леопольд-младший, мой дедушка, который все потерял: деньги, жену, голос, подвижность правой руки...

Вот мой отец, Фердинанд; он вернул себе рубанки Фердинанда Справедливого, своего прадеда. Это его сокровище; он всему обучился сам, без советов, без помощника, пользуется этим и никому не передает».

Я вмешиваюсь, чтобы заметить: «Положите отличительный знак тому, кто уехал». (Это Леопольд, о котором мы не знаем, уехавший на край света в 17 лет, — и мы не знаем того, что он сделал, и того, что произошло).

Клеманс берет красную книгу и устанавливает поверх нее ботинок, означающий Леопольда: «Этот корабль увозит его далеко отсюда; впрочем, через двадцать пять лет он вернется и будет считаться дезертиром, избежавшим обязательной воинской повинности.

Вот это — я, которая ничего не может сделать и кому мой отец отказывается передавать свое ремесло».

Она добавляет несколько туфель, которые «будут женщинами», затем останавливается.

Когда это «генеалогическое древо» создано, я еще раз вмешиваюсь, предлагая Клеманс задействовать в роли того или иного персонажа (представленного одним из ботинков) «вспомогательных я», выбранных из группы.

Далее следует время обмена и выражения чувств: начинаются диалоги — ярость изгнания, забвения, молчащей невозможности, люди, замурованные в покрытых льдом горах, где земля утыкана камнями.

Диалоги бурлят, и мы узнаем, что дедушка каждый раз, когда пытался сдержать гнев в семье, бормотал одну и ту же загадочную фразу: «Вон! Иди к черту! Пусть чума тебя унесет!»

Группа — очень включена, сконцентрирована, внимательна, все эмоции здесь и теперь. Одни, затем другие участники — поднимаются, чтобы «предоставить свой голос обуви» (говоря за нее), голос, который идет от чувств участников, — это как воплощенные (очеловеченные) призраки прошлого — мертвые, но всегда присутствующие на заднем плане.

Сказанные слова еще парят в воздухе.

Затем — наступает спокойствие и молчание.

Клеманс смотрит на выстроенную в линию обувь, люди из группы смотрят вместе с ней.

Становится видно, что вся обувь, изображающая это семейное генеалогическое древо — маршрут отцовской линии Клеманс, начиная с того, кто находится на «трансатлантическом пароходе» (символизируемом красной книгой), — повернута в прошлое, пяткой к окну.

Что можно об этом сказать?

Проходит еще некоторое время. Игра продолжается.

Обувь медленно разворачивается правильно — к внешнему миру.

Тогда я вспоминаю, что утром, обратив внимание на опоздавшую Клеманс, я заметила, что она надела свой свитер наизнанку. Клеманс смотрит на себя, видит, что это так — следует большой взрыв смеха, — и выворачивает свитер.

«Наконец-то!» — улыбаются некоторые из круга... Так как «свитер наоборот» принимает смысл этой «обуви наоборот».

Группа захвачена этой историей.

Впоследствии мы узнаем, что повторяющееся бормотание — «Вон! Иди к черту! Пусть чума тебя унесет!» — имеет ужасный смысл и коннотацию, так как бедный Леопольд, изгнанный своим отцом в возрасте 17 лет и посланный к черту, то есть на другой край света, чуть не умер, прибыв в Аргентину, от «vomito negro» — разновидности тифа.

Мы все еще не знаем, какую ошибку молодости, неутомности — какую ошибку или преступление нужно было совершить, чтобы быть отвергнутым, проклятым и изгнанным; возможно это была мимолетная связь с замужней женщиной. Это происходило в горах, в 1873 году, у честных и суровых людей. Но это уже другая история.

Изгнание из семьи чуть было не подействовало как настоящее проклятие — сильное, определяющее, смертельное. Оно может провоцировать «праведный гнев», во время которого мы «вскипаем». Это напоминает историческое проклятие Катона — *Carthago delenda est* — Карфаген должен быть разрушен (мы еще расскажем об этом дальше).

К тому же нам неясно, почему свитер черного цвета. Не связано ли это с семейным молчанием по поводу сестры, умершей в возрасте 17 лет, о которой больше никогда не говорят?

Но понадобится еще один сеанс, чтобы разъяснить и подтвердить этот пункт, после чего он покажется Клеманс очевидным: сестра, о которой запрещено говорить, — *спрятанная* в невысказанном и в многолетнем молчании *семейная* болезнь, — и ее связь с возрастом отъезда из семейного гнезда подростков, становящихся взрослыми.

Неясно также, была ли связь между отказом от передачи дочерям умений работы по дереву (вообще-то мужской) и сдерживаемым косвенным гневом — оттого, что «нет

сына, а есть только дочери», — и запретом искать вдалеке то, что все равно невозможно выразить и передать — с драматической историей изгнанного Леопольда.

В таком случае гнев возникает из этой «связи» между ссорой, отделением и проклятием, которые помешали плавной передаче между поколениями.

Невозможная передача была, вероятно, только символической кристаллизацией той передачи, которая не произошла между отцом и сыном с самого начала. Выставление за дверь родного дома звучало как осуждение.

С точки зрения психогенеалогии и работы с трансгенерационным, мы не можем работать быстрее, чем человек сможет ассимилировать и интегрировать полученный опыт — то есть чаще всего за сеанс или сессию рассматривается одна проблема. Каждому дню хватает своего горя.

Позже, в течение других сессий, может быть так же переработано и разъяснено все остальное.

Деленда

Обратим внимание на «богоподобный» гнев, который в некоторых случаях может даже изменить потомство (по крайней мере, в районе Карфагена).

Уже более двух тысяч лет, как мужчины сердятся в случае рождения новой дочери, если в их потомстве нет сыновей. Если же в мужчине просыпается «богоподобный» гнев, он называет новорожденную Деленда (*Delenda* — «будет разрушен»), полностью игнорируя латинский язык и смысл этого слова. Ничего особенного с этой девочкой не происходит, но тем не менее дочери прекращают рождаться, и рождается один или несколько сыновей.

Тунисские коллеги, психиатры и антропологи, да и я сама слышали об этом и встречали в Магрибе нескольких женщин с именем Деленда и с такой же семейной историей.

Морфогенические волны Шелдрейка

Передача существует, это очевидно, — но каким образом? Как функционирует личная и семейная память? С помощью каких каналов и каких средств осуществляется передача? Ведутся серьезные исследования этих вопросов, но еще преждевременно на их основе делать какие-либо заключения.

Напомним (см. главу 2), что междисциплинарный английский исследователь Руперт Шелдрэйк назвал «морфогеническими волнами» эти энергетические, вибрационные или другие волны, которые соединяют вместе близких родственников, людей и/или животных, благодаря наличию *гревних рецепторов*. Он продемонстрировал это явление в двух своих фильмах — на примере связи собаки и ее хозяина и попугая и его хозяйки*.

Шелдрейк заснял удивительного попугая, который не только докладывает (из другой комнаты) о картинах, на которые смотрит его хозяйка, но и предупреждает ее о возможной опасности (осторожно, береги голову).

Исследования Жан-Поля Тассена

Вернемся к собственно научному исследованию. Профессор Жан-Поль Тассен, нейробиолог и специалист по функционированию памяти в Инсерме в Коллеж де Франс (Париж), в 2002 году показал, что некоторые типы передач межличностной информации происходят за тысячные доли секунды и таким образом не являются сознательными.

Тассен заметил, что некоторые данные, как например воспоминание о травматическом событии, могут сохраняться в памяти не сознательным и медленным «когни-

* R. Sheldrake, *Ces chiens qui attendent leur maître: autres pouvoirs inexplicés des animaux*, Monaco, Éditions du Rocher, 2001, et *The Sense of being stand at*, Londres, 2005.

тивным» способом, а напротив — интуитивным способом, который срабатывает за тысячные доли секунды, по ту сторону сознательного восприятия*.

Таким образом мы начинаем понимать нейробиологическое основание понятия *бессознательной передачи*, когда информация сообщена, и ни один из двоих людей не осознает ни фактов, ни того, что травмы или *запрещенные темы* могли быть косвенно, но воспринимаяемо включены, инкрустированы в общение.

Зеркальные нейроны

Отметим, что все это в настоящее время (2003—2007) объясняется передовой нейробиологией в понятиях *зеркального эффекта зеркальных нейронов*, у которых есть эффект немедленного понимания, не проходящего через сети когнитивного мышления. Мы говорили об этом во введении к этой книге.

Даже если эти воспоминания, которые обнаруживаются при передаче травм, распложены вне сознательного восприятия, они могут постоянно воздействовать на нас, и мы об этом не знаем.

След архаичной телесной памяти

Используя на практике технику психодрамы (или ролевой терапевтической игры) с перемещением по времени вперед и назад, я часто имела возможность во время сеанса слышать взрослых участников, говорящих детскими голосами — и обретающих свой взрослый голос по «возвращению к группе», то есть через пять минут после того, как действие заканчивалось. Недавно (2006) я видела человека, переживающего свое раннее детство — во

* Личные беседы, 2005—2006.

рту вкус лекарства (успокоительный сироп), которое мать заставляла его глотать, чтобы заставить спать, сосательные движения губ, замедленные жесты, как если бы он находился под действием лекарства или гипноза.

Поскольку несовершенные действия, бессознательные воспоминания принуждают нас, даже бессознательно манипулируют нами, то мы, увы, — не что иное, как марионетки, управляемые сверху невидимыми нитями — помимо наших голов и сознания — словно в нас заранее проложены каналы для размышлений и эмоций.

Тем не менее, тот факт, что призраки предыдущих поколений преследуют и контролируют нас, вовсе не означает плохой судьбы. Когда *невидимая семейная лояльность* ограничивает нашу свободу и сдерживает нас, важно сделать ее *видимой* и остановить нежелательное, несчастное, нездоровое или даже пагубное повторение травм, кончин и болезней.

Возможно при трансгенерационной передаче вступают в игру и другие биологические или биоэлектрические факторы.

По мере того, как медицинская наука и различные исследования открывают информацию об электрическом и биологическом составе клетки, увеличивается наше знание о разнообразных механизмах, с помощью которых передаются трансгенерационные и интергенерационные схемы, так же как и память.

По мере этих открытий мы сможем больше узнать о том, как клетки могут сохранять эмоции, или о том, каким образом травма может оказать влияние на половые клетки и даже на ДНК. Новая область науки — *эпигенетика* — помогает нам лучше понять, как социальные факторы и факторы окружения могут оказывать влияние на проявление генов. Мы узнаем, как *эпигенетические сигналы* на уровне генов и клетки могут быть унаследованы и переданы через поколения.

У меня недостаточно компетенции и желания рассматривать здесь эти темы, но мне показалось важным обозначить их в ходе изложения.

О процессе долгосрочного выживания видов можно выдвинуть гипотезу — и исследование возможно это подтвердит — что естественный отбор может благоприятствовать выживанию не только наиболее сильного, но еще и того, кто почувствует «откуда подует ветер»! Это был бы, если мне будет позволено предположить, тот, кто сумел сохранить и интегрировать трансгенерационную информацию относительно реакции на угрозу и на опасность. Эта реакция мобилизует организм и заставляет человека покидать опасное место, не размышляя. Такие же немедленные реакции необходимы для выживания.

Недавние исследования показали, что вид змеи или паука (на фотографии или на самом деле) может вызвать столь немедленный ответ, что он может быть связан только с *древним мозгом*, обеспечивающим наше выживание. Некоторые из наших близких родственников, как и некоторые наши клиенты, в свое время совершили в сельской местности прыжок через змею или обошли ее, прежде чем ее увидели (краем глаза), — рефлекс, который защитил их от несчастного случая.

Парижский журналист, Пьер Жовановик, даже сделал и опубликовал отчет о существовании ангелов-хранителей*. В нем он рассказывает о собственном опыте: во время репортажа в Сан-Франциско невидимая сила предупредила его о внезапной смертельной опасности. Жовановик находился в машине на месте пассажира, когда внезапно схватил руль и повернул его влево, будто влекомый непреодолимой силой, — на несколько долей секунды раньше, чем мяч коснулся лобового стекла, чтобы его разбить...

* P. Jovanovic, *Enquête sur l'existence des anges gardiens*, Paris.

Как и откуда возник этот неожиданный и спасительный жест? Случай, предчувствие или что-то другое, — но тогда что? Коллеги-репортеры рассказывали ему похожие истории: когда они были, как по волшебству, вырваны у неизбежной смерти, о «времени, которое загадочно замедлялось, удивительных голосах, предупреждавших о неизбежной опасности и необъяснимых спасительных жестах».

Еще Сократ говорил, что он шел туда, куда ему хотелось, за исключением тех случаев, когда его останавливал его добрый *даймон*. Тогда он возвращался назад: «Это началось еще со времен моего детства, — некий голос, который, когда он слышится, всегда отводит меня от того, что я собирался сделать, но никогда не подталкивает меня к действию*».

Все эти знаки — являются ли они доказательством того, что ангелы-хранители существуют?

В течение шести лет Пьер Жовановик опрашивает врачей, пациентов, исследователей, сравнивает это с тем, что он узнал от великих мистиков, таких, например, как святая Цецилия и Тереза Авильская. Ангелы, что это: миф, символ или реальность?

Он приводит интересные свидетельства о существующих фактах, даже если мы не принимаем всех его выводов и заключений.

Как преподаватель университета, я обязана сохранять научный подход, осторожный и одновременно открытый к неисследованным областям.

Исследования во всех этих областях далеки от завершения, любая «биологическая расшифровка» преждевременна и безусловно будет возможна только через несколько десятилетий или даже позже.

* Platon, *Œuvres complètes*, t. 1, Paris, Les Belles Lettres, 1959, *Apologie de Socrate*: 31D, 159.

Мы упоминаем здесь биологический аспект трансгенерационной передачи для того, чтобы обозначить важность работы в этой области, а также — чтобы привлечь к этому важному вопросу внимание специалистов.

Посоветуем читателю быть терпеливым и следовать шаг за шагом за достижениями научных исследований, осуществляемых учеными, и за накоплением дополнительных доказательств.

Фракталы и теория хаоса

Можно также обратить внимание на исследования, относящиеся к теории хаоса и фракталов (которые восходят прямо или косвенно к работам Бенуа Мандельбро) и к «смыслу» того, что кажется нам возникшим случайно, например: изменения погоды или финансовых потоков и неожиданно большие движения в изломах морского дна, как при недавнем и столь смертельно разрушительном цунами.

Напомним одно из определений случайности, которое используется учеными, остановившимися в поиске закономерностей: «Что не закономерно — то случайно».

И в то же время многое из того, что именовалось «научным» в прошлые века или в недавнем прошлом, с точки зрения науки XXI века больше не является таковым.

Все быстро изменяется, даже научные взгляды и наши предположения и парадигмы.

ИЗМЕНЕНИЕ

И СОПРОТИВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЮ

Изменение часто представляет трудность для людей, семей и общества. Чаще всего его хотят и опасаются одновременно.

Среди главных исследователей и деятелей в области изменений необходимо назвать американского психосоциолога немецкого происхождения — Курта Левина.

Курт Левин (1890–1947)

Во время последней войны он эмигрировал в США, где поселился и взялся за работу* (1935).

Создатель *групповой динамики* и разработчик *исследования действием*, он выдвинул два постулата: «Целое — нечто иное, чем сумма его частей» и «Все находится почти в постоянном равновесии».

Чтобы понять ситуацию, в которой оказался определенный человек, Курт Левин представлял его топологию (местонахождение) в поле сил. Он ставил одну метку для человека и другую — для цели, на которой тот фиксировался.

* В 1936 году Курт Левин встречается с Я.А.Морено. В 1945 он основал «Центр исследований групповой динамики» в Массачусетском технологическом институте около Бостона. После смерти Курта Левина этот Центр переехал в университет Мичигана (Анн Арбор), где я училась в 1950–1952 годах.

Затем он рисовал дорогу, по которой человек должен был отправиться, чтобы достичь своей цели, пройдя между препятствиями, барьерами и различными запретами, которые на ней представлены.

Человек также должен был вести переговоры с возможными «сторожами», если никакого другого пути видно не было.

Любое положение, которое кажется устойчивым, является в действительности только результатом противодействующих сил. Это можно понять, раскладывая силы. Затем с помощью нарушение равновесия можно произвести реальные изменения.

Нарушение равновесия может быть вызвано очень небольшим давлением более или менее в том же «поле сил», в присутствии и исходя от видения *барьеров* и «*сторожей*», регулирующих движение в этих полях, к свободному или контролируемому/охраняемому движению.

«Ничто так не практично, как хорошая теория», — говорил Курт Левин.

К сожалению, я не была знакома с ним при жизни. Два года я работала в университете Мичигана (Анн Арбор) с его помощниками по исследованиям, в особенности с Рональдом Липпиттом и Леоном Фестинджером, у которых я научилась предварительному отбору информации, которая противоречит нашим взглядам (когнитивный *диссонанс**), так же как «вооруженному» и «тонкому» наблюдению. Таким образом я смогла проверить, в чем он был прав.

* В «Теории когнитивного диссонанса» (1957) Леон Фестинджер доказал, что все мы более или менее терпимы к логическим и эмоциональным противоречиям. Это проявляется таким образом, что мы не воспринимаем того, что не подходит по смыслу к нашим привычкам или к нашему выбору: так, человек, который только что купил новую машину, замечает на улицах или на рекламе только эту марку машины.

С этого времени я всегда ясно различаю практическое и прагматическое, *исследование действием* и «размышление в кресле».

«Нельзя сесть на идею стула» и «Карта — не есть территория», — говорил Альфред Коржибский, основатель общей семантики.

Все находится почти в постоянном равновесии

Рассмотрим понятие почти постоянного, то есть неустойчивого равновесия и его значение с точки зрения психогенеалогии и трансгенерационного.

Мы хорошо знаем, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так как если речь идет действительно об одной реке, то вода уже не будет той же.

У нас есть иллюзорное представление, что все может быть прочным, начиная от любви, которую мы обещаем навечно, до мебели и дружеских или семейных отношений. Однако все изменяется и изнашивается в повседневности — любой предмет, любой дом, отношение, любое чувство. Вещи и отношения в качестве объектов, могут быть «прочными», только если мы их поддерживаем (достаточно быть владельцем или совладельцем дома, чтобы знать, что внимание и присмотр должны быть постоянными, и что уход и текущий ремонт должны производиться регулярно).

У нас есть тенденция забывать об этом и дремать в ложной безопасности.

День дома, сожженного немцами

Можно жить в доме далеко от всех, например в горах, верить в безопасность и однажды увидеть, как этот дом горит, и потерять все за десять минут. Это то, что со мной

произошло 6 июня 1944 года в результате действий войск СС, в день высадки союзных войск в оккупированной Франции.

Тогда я осталась без всего — без дома, без крыши, без документов, без денег, без записной книжки, действительно без всего — за исключением жизни. Поскольку в это время, как по волшебству, высадка союзных войск заставила немецкую армию вернуться в Нормандию — мы остались живы.

История вора и кражи документов

В связи с этим мне вспоминалась ночь из моего раннего детства, когда в загородном одноэтажном доме меня разбудил звук открытого окна — в дом проник вор.

Некоторое время спустя он выскользнул обратно, сопровождаемый мужчинами нашего дома — моими отцом, бабушкой, дядей, — ими всеми, бросившимися посреди ночи в погоню за воров, который украл паспорт моего дедушки — в трудный момент истории, прямо перед его отъездом за границу, который тем самым оказался под вопросом.

Повторение истории с кражей документов

И как если бы этого было недостаточно, десятки лет спустя в Швеции, выходя с семинара, который я вела в сельской местности, я решила, без реальной причины, сопровождать в город свою коллегу, которая должна была уехать на поезде. Я сижу напротив вокзала в кафе и вдруг, к своему ужасу, замечаю, что у меня украли сумочку — со всеми документами, обратным билетом на самолет и всеми деньгами — и это в субботу утром, когда закрыто все, и в том числе Французское посольство.

Невозможно вернуться во Францию — без документов, без авиабилета, без денег. Я выжила в этой чужой стране почти как в 1944 году — милостью — Божьей и почти неизвестных мне людей. Но все снова устроилось «как по волшебству» — благодаря встрече в посольстве в следующий понедельник...

Мне уже приходилось в последний момент не смочь уехать — во время вторжения немцев на юг Франции, накануне нашего отъезда в Америку.

Собранные чемоданы все еще стояли у двери, но нам оставалось только плакать — и пережить войну.

Пережить потерю

Я знаю «костями», что все временно, неустойчиво и может испариться как дым в следующую секунду, — и это еще с того времени, как в 1812 году генералом Ростопчинным (отцом графини Сегур, которой подражали *образцовые девочки* моего детства) была сожжена Москва, чтобы испугать Наполеона и вынудить его повернуть обратно. Часть моей семьи по линии матери — русского происхождения, и их дом был сожжен...

Таким образом, для меня — дома горят, планы тонут в воде, документы, удостоверяющие личность, исчезают. Это непредсказуемость жизни, которая всегда находится в неустойчивом равновесии. У жизни устойчива только ее внешность...

Спасибо, Курт Левин, что вы прояснили этот пункт.

И спасибо психогенеалогии и трансгенерационной теории, научившим нас, что факты повторяются из поколения в поколение, часто в одни и те же даты.

Но конечно — я рисковала: пряча в доме оружие для партизан — в Лозере, в июне 1944 года; совсем не следя за своей сумочкой в Швеции в 2004 году; и при этом уехав,

повинуясь внезапному и нелепому импульсу, стремительному толчку (я не знаю — чего — бессознательного?) 6 июня — в годовщину сожженного дома, на что я совсем не обратила внимания...

Но возможно, мне нужно было попасть в этот новый неприятный случай, чтобы понять синдром годовщины, невидимую лояльность и функции бессознательного в повторениях заметных событий.

Мы можем выжить, потеряв все то, что нажили, и впрочем мы выживаем очень даже хорошо, если у нас есть здоровье, чтобы работать и восстанавливать свою жизнь.

Сопrotивление изменению

«Достаточно совсем малой вещи, чтобы произвести изменение, так как все существует в равновесии сил», — учит нас далее Курт Левин. Достаточно добавить или убавить маленький фактор, чтобы все изменилось и изменило свой ход.

Буддистская философия говорит о непостоянстве и учит, что все всегда в движении. Только отказ от движения создает препятствия.

Подобно любой работе над собой, психогенеалогия помогает обрести свободу по отношению к самому себе, своей семье, своей среде и к другим членам социальной группы.

Эта свобода предполагает изменения — как для самого человека, так и — в ответ — для других. Семейная и общественная системы в таком случае оказываются иногда дестабилизированы и больше не понимают человека, противятся и тормозят его: «Что с тобой?»; «Мы тебя совсем не узнаем». Окружение «спит и видит», чтобы все снова стало «как раньше», и начинает тормозить и пресекать любую робкую попытку изменений.

Так как любое изменение ставит под вопрос привычки, хорошие или плохие, люди часто предпочитают скорее жаловаться, чем действительно изменяться. Это сопротивление соответствующему изменению.

Как утверждает психоаналитик Франсуа Рустан в книгах «Конец жалобы» и «Достаточно жеста», клиенты главным образом приходят, чтобы пожаловаться, а совсем не чтобы измениться, предпочитая жалобы изменению своих привычек.

Если мы жалуемся на своего соседа настолько, что хотели бы переехать, то часто говорим себе, что, переехав, можем попасть в еще худшие неприятности, и потому не двигаемся с места.

Люди думают, что если они пожалуются — это доставит им удовольствие.

Сколько людей выбирают подобный образ жизни! «Лучше вызывать жалость, чем зависть» или «Чтобы жить счастливо, давайте лучше прикроем то, что происходит, и пожалуемся», — часто становится девизом многих боязливых людей.

Мы легче меняемся, если нас несколько

Несмотря на видимость, не так трудно измениться, выйти из положения, даже если семья вас удерживает.

Достаточно совсем немногого, чтобы вызвать изменение. Это — то, что показал Курт Левин своим постулатом почти постоянного равновесия. Все постоянно изменяется и ничего не может долго сохраняться неизменным, если только мы не прикладываем к этому сознательных усилий.

Одно из лучших средств изменения — это начать делать свою «геносоциограмму», самостоятельно или со специалистом, консультантом или любым человеком, ко-

торый может служить эхом или «резонатором». Именно по этой причине я предпочитаю работать три дня подряд с маленькой группой из двух или трех человек, ранее не знакомых друг с другом, чем работать индивидуально, так как память одних будит память других.

Кроме того, часто происходит нечто, подобное чуду, и в одном человеке мы находим настоящий отклик на вопросы или семейные проблемы другого и даже неожиданные решения.

Я вспоминаю о той даме, которая безуспешно пыталась узнать, как корабль ее отца был потоплен врагом во время войны. Благодаря счастливому случаю, один из трех человек в группе оказался из семьи моряков и знал подробности и дату этого кораблекрушения. Случайность или «серендипность»?*

Мы видели, насколько семейная лояльность заманивает нас, надевает на нас нормативные шоры, закрывает нам глаза на реальность мира.

Изменяться одновременно и трудно, и легко, если мы анализируем «тормоза», мешающие изменению, и если хотим их ослабить. Часто достаточно немногого.

То, что затягивает и заманивает, задерживает нас. Когда мы попали в грязь и завязли там, нам приходится иногда оставить там свои сапоги — или жизнь.

Основное исследование Курта Левина по пищевому поведению

В 1943 году, во время войны, американские домохозяйки предпочитали покупать «хорошие» куски мяса, то есть в основном бифштексы. А правительство нуждалось в этих избранных кусках и во всем мясе, чтобы кормить армию. Таким образом, надо было найти средство изме-

* О серендипности см. далее, на стр. 174. — Прим. ред.

нить пищевое поведение населения. Психосоциологу Курту Левину и его команде было предложено провести исследование.

Оно показало, что большая часть людей ест то, что им положат в тарелку, и что это изначально определяется ответственными за столовые, хозяйками дома и матерями семей.

Как изменить поведение хозяек дома? Курт Левин испробовал несколько подходов и проверил результаты на практике, благодаря подробному изучению продаж мясников в кварталах, где проводилось экспериментальное исследование.

Были организованы конференции, воодушевляемые известными докладчиками, на темы выгоды «плохих» кусков, с распределением диетических талонов, кулинарных рецептов и демонстрацией полученной экономии. Результаты продаж у мясников района были незначительны.

В следующий раз конференции были организованы по-другому, время обсуждения десять минут в конце конференции прогрессивно увеличилось, что превратило конференцию в предварительное введение из четверти часа, за которым следовали сорок минут окончательного обсуждения.

Результаты показали, что рассказывать, каким бы ни был талант докладчика, бесполезно, так как эти женщины, «домашние хозяйки», убеждены только в том, что они решают сами; и притом только 30% решивших вместе попробовать перешли к действиям и действительно купили «плохие» куски, что было подтверждено данными, собранными у мясников района*.

Именно в диалоге и в свободном обмене между «сторонами» принимается решение.

* Отметим, что Левин использовал также их ловких помощников, чтобы проверять переменные величины.

Изменение осуществляется в процессе свободного обсуждения с людьми, которых мы хотим привлечь принять идеи. Советы и логика в реальности никого никогда не заставляли измениться. *Давление группы к единообразию* также может играть свою роль в принятии почти единогласного решения домашних хозяек.

Соппротивление изменению проявляется и в других областях, например в рабочей сфере, где любой менеджер сталкивается с этим сопротивлением. Также и в общественной работе, когда учредительные действующие лица дают советы вместо того, чтобы «посоветоваться»; затем они не могут понять, каким образом и почему этим здравым советам не следуют. Дело в том, что для заинтересованных людей в них чаще всего нет смысла.

«Советчики не являются плательщиками», и добровольные советчики видят вещи с общей и логической точки зрения, которая в основном не имеет никакого значения для человека, которому советуют и который живет в другом эмоциональном, культурном и экономическом мире.

Начиная с этого основного исследования, в западном мире были введены занятия в малых группах, и с этого времени они заменили все читаемые с кафедры лекции и конференции при обучении взрослых.

Работая с семьей, можно также использовать психогенеологию, чтобы наладить речевое взаимодействие и сделать отношения более открытыми, освободив семейную группу от скрытых пут, и тем самым ослабить защиты.

История одного велосипеда

Курт Левин выявлял разницу между предрешением и решением, говоря, что если предрешение — действительно намерение изменяться, то это всегда *устное решение*, в то время как решение несет изменение *через переход от решения к действию*.

В моем парижском детстве я играла на пианино и часто каталась со своим отцом на велосипеде в лесу. Когда я вышла замуж, я на время оставила пианино и велосипед, не потому, что я так решила, но потому что у меня не было возможности больше этим заниматься и потому что мы — мой муж и я — посвящали свой досуг чему-либо другому.

Когда меня назначили ассистентом, а затем преподавателем в университет Ниццы, я упростила себе жизнь, поселившись в квартире напротив университета — чтобы дойти до него надо было всего лишь перейти улицу.

В квартире был балкон, и я приняла логическое решение: купить велотренажер и поставить его на балконе. Но у меня всегда находилось какое-то иное занятие, и после пяти лет неиспользования тренажера (я уверена, что опробовала его только в день покупки), я признала очевидность того, что этот велосипед не приносит мне никакой пользы, и освободилась от него.

Если я правильно приняла предварительное решение, оно было чисто устным и говорило о моем желании снова ездить на велосипеде. Это никак не было решением с переходом к действию, то есть — в этом конкретном случае — к настоящей езде на велосипеде на открытом воздухе. Психолог подумал бы, что я хотела бы вернуть своего отца и свое детство. Но это уже другая история.

ГЛАВА VII

КЕМ И ЧЕМ МЫ ДОРОЖИМ НА САМОМ ДЕЛЕ?

ПОДЛИННЫЕ СВЯЗИ

*Научиться ощущать
ткань своей жизни
и то, что для нас существенно*

Кем и чем мы дорожим? Мне кажется важным увидеть и охватить свою личную и семейную жизнь одним взглядом, в ее целостности и в нескольких поколениях. Если мы можем это сделать в письменном виде и на бумаге: это геносоциограмма. Так как я хочу показать в ней по крайней мере семь последних поколений или два века, я пользуюсь большими листами бумаги для рисования, расположенными на мольберте (или флипчарте), перед которым работают стоя, рисуя фломастерами трех или четырех цветов.

В геносоциограмме очень видимым и читаемым образом указывается то, с чем и с кем мы связаны — живущие люди или умершие, или никогда даже с нами не знакомые (для некоторых Сократ или Шерлок Холмс — тоже живые и настоящие), идеи, понятия, объекты, — чтобы выявить свой «внутренний и внешний мир».

**Смысл, процесс и содержание
трансгенерационной работы:
геносоциограмма**

Предпочтительное средство психогенеалогии — *геносоциограмма*. Это развитие работы специалиста по генеалогии, но генеалогическое древо, использованное здесь, включает *важные и заметные события* семейной и личной жизни и соединяющие их *важные связи*, воспринятые в их контексте. Она имеет в своем составе фундаментальные исследования университетской научной психологии, нейробиологии, достижения невербального общения (язык тела и пространство-время), семейные тайны и «невывыказанное» в нескольких поколениях, связи между людьми, местами, их приятные, полезные или трагически смертельные повторения и понимание исторического контекста.

Это нечто вроде «психоистории» героя и его семьи в контексте их эпохи.

Заметные события жизни

Цель этой работы состоит в том, чтобы отыскать заметные события, пережитые предками, и их счастливые, а иногда и трагические отражения — в здоровье и в повседневной жизни — часто спустя век или два.

Важно понимать, что мы повторяем события — и главным образом те, которые были трагически пережиты нашими родителями, дедушками и бабушками и другими нашими предками, — часто не зная об этом и не желая этого, они руководят нами без нашего ведома.

Этими драматическими событиями, переполняющими нас, часто объясняются причины и поводы нашего поведения — трудного, непростительного или непрощенного родителями и дедушками и бабушками, от ко-

торого мы сами можем страдать, — их осознание позволяет нам освободиться.

Таким образом мы можем освободить живых от выгоды далеких предков — что делает жизнь ныне живущих менее требовательной и напряженной.

Констатация повторений из поколения в поколение пережитого опыта освобождает от напряженного, настоящего или томительного «пережевывания».

Геносоциограмма включает также важных людей, которые не относятся к семье, как, например, родственников жены или мужа, героев, учителей, крестных отцов и матерей, соседей, врачей и других людей, отмеченных случайной встречей с индивидом.

Я также заставляю заносить в нее то, что важно — далекий, немного «мифический» предок, семейный дом, предприятие, предмет, животное, пианино, место, «неприступный вид» и т.д.

«Социальный атом»

В дополнение к геносоциограмме мы можем прибегнуть к «социальному атому». Это понятие Я.Л. Морено включает всех людей из вашего окружения. Когда вы изображаете социальный атом, например на доске, вы одновременно записываете: своих близких — мертвых или живых — (возле себя) и тех, кого вы не любите (их вы помещаете далеко от себя), чтобы из этого получить рассказывающую обо всем картину.

Это можно сделать на доске, указывая имена или пометки (муж, родитель, сын, дочь, невестка, группа друзей, коллеги по работе и т.д.), располагая их на маленьких черточках, с помощью условных обозначений рассказывающих о каждом и показывающих его отношения с вами.

Чтобы сделать процесс подвижным, более мобилизующим человека в целом, иногда я также использую раз-

ложенные на полу спички, которым мы даем имена, или кучку набросанных вперемешку спичек (например: друзья из кафе или однополчане, или друзья по футболу).

Говоря о строении социального атома, Морено имел в виду людей. Но мне кажется, что этого недостаточно, чтобы охватить все поле травматических потерь.

Клинический опыт заставляет меня указывать также любимых животных (кошка, собака, птица, лошадь) настоящих или прошлых, иногда растения (платан перед окном, розовый куст, посаженный прабабушкой), значимые объекты (пианино, скрипка, гитара, велосипед, мопед, машина, дом, которого у нас нет больше, но о котором мы сожалеем и храним его в своем сердце) — и очень часто скончавшихся людей, родителей, друзей, исторических персонажей или даже героев романа.

Если бы я рисовала свой социальный атом, я добавила бы, например, Сократа и Шерлока Холмса, которого поставила бы рядом с собой, так же как и дорогую прабабушку Элен, скончавшуюся уже восемьдесят лет тому назад, но охраняющее присутствие которой я всегда ощущаю. Все это становится социальным атомом.

Социальный атом, таким образом, содержит абсолютно все: животных, растения или минералы, людей (живых или мертвых), места, управляющие мысли (семейные предписания или личные верования), которые мы располагаем в пространстве ближе или дальше по отношению к себе. К этому мы также добавляем все то, что волнует: то, чему мы верим, и нематериальные вещи, как, например, музыкальные мотивы, иногда виденные восходы солнца, считалки, плюшевого мишку, куклу, лоскуток, ленту, романтического или исторического героя, ритуфель, игру в классики, леденец на палочке, которые храним в сердце и памяти, несмотря на забывчивость.

Рисуя связи на большой доске и как минимум в четырех-семи поколениях — цветные связи между повторе-

ниями мест, дат, созидательных или разрушительных ситуаций, мы испытываем много эмоций и часто — появляются гнев или слезы. Эти эмоции позволяют — если они восприняты, изложены, поддержаны и переработаны — «перевернуть страницу», выйти из положения к лучшему, «поправить дела» собственной жизни и свои собственные желания и таким образом перестать нести груз и последствия пережитых предками потерь, несовершенных трауров и трагедий, часто подавленных и затем окруженных стеной молчания.

Теперь мы рассмотрим два клинических примера серьезных травм, связанных с личными, клиническими, физически или морально трудными («переполняющими») ситуациями.

Мария, злоупотребления и умерший младший брат

Мария испытала столько различных видов насилия — побои, ругань, лишение пищи и сексуальные домогательства со стороны отца (инцест) — и до такой степени, что она как «бессильная тряпка», которая присутствует и ничего не может сделать, чтобы помочь своему старшему брату, которого иногда заставляли со связанными за спиной руками локать из миски, стоящей на земле, как собаку. (Я ничего не выдумываю, речь идет о реальном случае, с которым я встречалась лично.)

Издаലെка она видела, как ее младшего брата насмерть задавили на дороге и волокли головой по земле, потом водитель-лихач замаскировал все просто под несчастный случай и сбежал. А она осталась там, застывшая, как под анестезией. От этого у нее развились постоянные кошмары. Чтобы покончить со всем этим, уже став взрослой

и матерью семейства, она пытается примириться со своим отцом, с возрастом немного образумившимся. Но остается ни с чем, поскольку ее отец повесился, красочно и трагически все обставив, — при этом он некоторым образом обязывает ее обнаружить его тело и «снять»: при этом то, что она удерживает вес его тяжелого тела на своем, напоминает ей акты инцеста. Это еще большая травма — и на этот раз почти безвозвратная.

Несмотря на различные способы терапии, долгосрочную групповую психотерапию и психодраму, все это преследует ее в течение многих лет.

Как если бы этого было мало, ее старший брат, ставший жестоким и ненормальным от полученных ударов по голове, хочет получить наследство целиком и потому подстраивает различные «несчастные случаи», которые ей трудно предугадать и предотвратить. Ее единственный сын пребывает в депрессии и отказывается от лечения. Ее друг, тоже склонный к насилию, ее бросает. Кроме того, на нее напал психически больной ребенок и сломал ей пальцы, — теперь она больше не может рисовать. Коллеги утяжеляют ей жизнь, так как ее концепция работы скорее гуманистическая, чем дисциплинарная. Сама она милая, мягкая, немного беззащитная женщина и часто депрессивная, почти всегда. Да это и неудивительно...

У нее интуиция артиста и настолько «говорящие» сны, что они не нуждаются в интерпретации. Ее терапевт переехал в другой район, а его заместитель ей не подходит (впрочем, помочь ей более чем трудно, так как не понятно, за что уцепиться). Ее жизнь — настоящий ад, на который она смотрит без надежды.

Слишком, все это слишком.

Затем начинается подъем. В годовщину смерти своего младшего брата она замечает, что переживает это лучше чем всегда (мы много психотерапевтически работали над этим). Через некоторое время ее наконец-то услышали на работе и включили в другую команду, с более чело-

вечными отношениями. Она сумела избавиться от долгов и «задышала» в финансовом отношении. Кроме того, она познакомилась с новым другом — действительно хорошим, милым, ласковым, поддерживающим. И она возродилась...

Она мысленно продолжала терапию со своим уехавшим терапевтом, самостоятельно анализируя свои сны и принимая себя такой, какая она есть. Воспоминание о своем терапевте, который всегда ее поддерживал, вызвало у нее (по ее словам) ощущение, что у нее — новая семья и помощь, чтобы продолжать развитие. Она наконец-то ожила! Как по волшебству интуиции, ее бывший терапевт позвонил ей, чтобы узнать новости, и она подтвердила ему свое возрождение к жизни и новую эмоциональную жизнь с «любимым человеком».

*Амели,
королева Мария-Антуанетта
и вопросы к действиям*

Речь пойдет о клиническом случае, в котором невидимые трансгенерационные связи проявляются в «преследуемом» историческими событиями месте.

Амели работает в области социальной помощи, ее профессиональная жизнь нормальна и протекает безо всяких историй. Однако регулярно у нее возникают недомогания, причина которых ей непонятна, — недомогания, сопровождающиеся мигренями. У меня рефлекс задавать вопросы к действиям с помощью вопросительных местоимений «кто, что, когда, где, как, сколько и почему», поэтому я ее спрашиваю, где и с каких пор это началось.

Она связывает плохое самочувствие с изменением рабочего места; она плохо себя чувствует раз в неделю. Вот уже несколько месяцев по четвергам она работает в бывшем замке, который теперь стал центром подготовки, и

там находится комната для ее консультаций. И там — и только там — она чувствует себя плохо, голова как будто в тисках. Я задумалась над тем, есть ли у этого места какая-нибудь историческая особенность. Оказалось, есть! Это именно место, где содержали королеву Марию-Антуанетту. Я предложила Амели гипотезу ее возможных связей с Марией-Антуанеттой и предложила ей для проверки сделать что-либо по этому поводу. Она решила купить почтовую открытку с изображением королевы и приколоть ее к стене этой комнаты, а затем, когда открытка появилась на стене, купить себе в музее Лувра копию броши Марии-Антуанетты — ее переплетенные инициалы «МА».

Ей стало немного лучше, но мы продолжали искать доказательств. Она «взошла» по своему генеалогическому древу к эпохе Революции и нашла служанку в Вареннах. Тогда мы выдвинули историческую гипотезу: а не могло ли быть так, чтобы эта служанка оказалась в Вареннах в момент ареста Марии-Антуанетты (во время бегства королевской четы) и что при этом имел место обмен взглядами или даже некоторыми словами? Это абсолютно недоказуемо, но возможно. И как бы там ни было, но после этого ее мигрени и плохое самочувствие полностью исчезли.

Напомню в ходе повествования, что существуют многочисленные свидетельства того, что в некоторых местах, таких, например, как Маленький Трианон, люди «чувствуют» и «видят» появление Марии-Антуанетты — «прекрасной королевы-мученицы».

У легенд — суровая жизнь и замки с привидениями полагаются не только в Шотландии. И некоторые люди — «сенситивы», как их называют в Бразилии — иногда чувствуют умерших людей и значимые события прошлого, произошедшие в этих местах и, как правило, сопровождавшихся насильственной смертью.

ГЛАВА VIII

КАК СДЕЛАТЬ ГЕНОСОЦИОГРАММУ

Увидеть свою семейную историю представленной в ясной и полной совокупности — позволяет унифицировать, охватить одним взглядом наконец объединенное прошлое и настоящее. Часто это вызывает так называемый «жизненный щелчок».

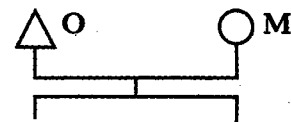
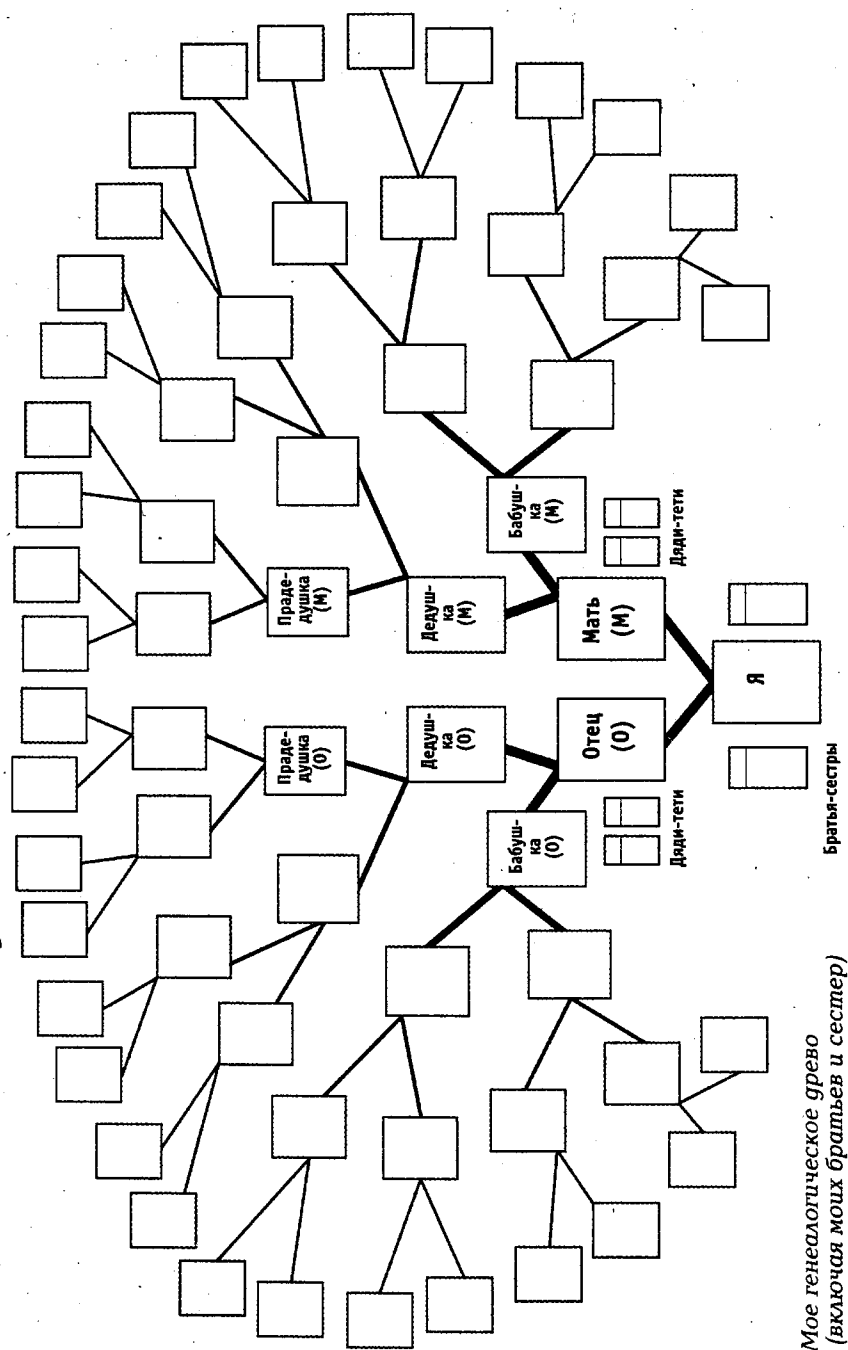
Графическое изображение, его детали и обозначения

Я назвала такое графическое изображение «геносоциограммой». Геносоциограмма — это чертеж генеалогического дерева, дополненный заметными событиями жизни и эмоциональными связями, это так называемое «дерево жизни», генеалогия семи-девяти поколений, их основные законы, условные знаки* и этапы.

Геносоциограмма рисуется на доске — на бумаге для рисования или на листах, которые мы удлинняем и расширяем, если это необходимо.

Семья обозначается двумя параллельными горизонтальными линиями, длиной в несколько сантиметров, соединенными вертикальной чертой посередине.

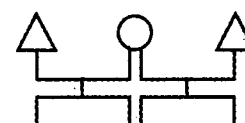
* Отметим, что я отдаю предпочтение социологическим обозначениям: круг — для женщин и треугольник — для мужчин.

Верхняя линия представляет собой «супружеский союз» — здесь над каждым концом линии указываются родители. Отец — слева, обозначаемый треугольником и прописной буквой «О» с внутренней от треугольника стороны. Мать — справа, обозначаемая кругом и прописной буквой «М» с внутренней стороны. Ниже круга указываются имя, дата и место рождения. Обе горизонтальные линии соединены в середине вертикальной черточкой.

Вторая горизонтальная линия указывает на количество детей. Часто она бывает длиннее, чем линия родителей. У каждого ребенка — свой номер.

Братья и сестры от одного союза представлены вертикальными черточками снизу (здесь два ребенка), оканчивающимися внизу треугольником или кругом, согласно полу ребенка.

Поскольку существует много семей, созданных после кончины предыдущего супруга, развода или отделения, каждый «союз» указывается отдельно, при этом упоминается каждый потомок первого союза, второго и т.д.

Если есть дети других союзов, они указываются отдельно. Для каждого нового супруга проводится новая черта от нижней части треугольника или круга того родителя, которого это касается. Вместе с «домочадцами» их обводят общей линией, поскольку они, как говорится, «живут под одной крышей и едят из одного котла».

Между обеими горизонтальными линиями указываем место жительства: города или деревни обитания родителей. В случае мало известных городов или деревень ука-

зывается в скобках самый близкий крупный город (например, «в 30 км от Пуатье»).

Примеры графических обозначений

Графические обозначения совсем просты:

- — круг для женщин,
- △ — треугольник для мужчин (врачи часто используют не треугольник, а квадрат)
- — квадрат указывает, что пол человека не известен.

К линии, представляющей родителей, восходит — обычная черта, если дети объединены с родителями; если же речь идет об аборте или выкидыше, — линия пунктирная.

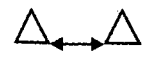
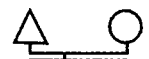
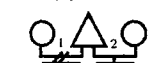
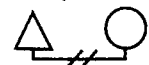
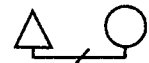
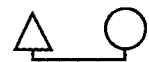
Обозначения для пары:

- = двойная черта — для брака;
- простая черта — для свободного союза,
- - пунктирная, если хотим подчеркнуть особые отношения,

Обозначения в браке:

- ≠ перечеркнутая двойная черта — это отделение;
- # дважды перечеркнутая двойная черта — это развод.

- ★ Доминирующий индивид
- ⊖ Эмигрант
- ⊕ Психические проблемы
- ⊗ Гомосексуальная или бисексуальная ориентация
- ≡ Братья и сестры с разницей в возрасте от 12 до 20 месяцев, которые воспринимаются почти как двойняшки или тройняшки
- ⊙ Еще не замужем в свои сорок пять лет

Квадрат, нарисованный пунктиром, обозначает аборт или выкидыш, если пол ребенка неизвестен.

Треугольник или круг, нарисованные пунктиром, обозначают аборт или выкидыш, в случае если пол ребенка был известен.

Круг или треугольник, помещенные в квадрат, указывают человека, для которого делается геносоциогрмма.

Две черты, соединяющие двух людей, означают брак.

Одна черта представляет свободный союз.

Пунктирная черта указывает на простые отношения.

Одна наклонная черта означает отделение.

Две наклонных черты означают развод.

Второй брак: нумеруем горизонтальные черточки по порядку браков (например, 1 — первый брак).

Сверху — указываются родители.

Снизу — дети: номер указывает порядок рождения. Здесь связь с третьим ребенком удвоена пунктиром — это приемный ребенок.

Родители близнецов.

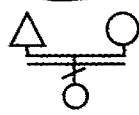
Эта связь указывает на согласие между двумя людьми.

Эта связь указывает на разногласия между двумя людьми.

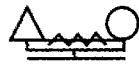
Крест указывает на то, что человек скончался, обычно дата кончины и возраст указываются сбоку.

Люди, живущие под одной крышей, обведены общей соединяющей линией.

Перечеркнутая связь указывает, что отношения были разорваны.

Черта с зигзагом указывает на супружеские конфликты.

Условные сокращения, позволяющие обозначить факты и болезни:

О = отец

БО = бабушка по отцовской линии

ДО = дедушка по отцовской линии

ПДО = прадед по отцовской линии

М = мать

БМ = бабушка по материнской линии

ДМ = дед по материнской линии

ПДМ = прадед по материнской линии

ПБМ = прабабушка по материнской линии

ППДМ = прапрадед по материнской линии

Б = брак

Р = развод

НС = несчастный случай

СБ = сердечные болезни

Д = депрессия

В = война

Ал = алкоголизм

Мр = мертворожденный ребенок

А = аборт

В = выкидыш

Ус = усыновление

С = суицид

Т = туберкулез

НСм = насильственная смерть

Указываем также трагические или важные события жизни, например: рождение в годовщину смерти Людовика XVI (значимое для семьи «правых»), или другие местные или национальные исторические события (во время войны, немецкой оккупации, в день объявления войны, в день местной перестрелки) или во время значимых семейных событий. Это может быть, например, годовщина рождения или смерти бабушки (или двоюродного дедушки, убитого в бою) — тушеная говядина с овощами подгорела в день ее рождения, так как весь мир был чересчур занят ею, чтобы следить за готовкой, до того момента, когда дом наполнился дымом и заметили пожар...

Имена важны. Речь, главным образом, идет о том, чтобы узнать, почему они были даны. Часто имя напоминает о юношеской любви или об имени настоящего родителя, о предыдущем ребенке, умершем в детстве, об имени другого ребенка, скрытого от отца или от первого мужа, или о незабываемом женихе бабушки, или о персонаже значимого фильма, о скрытой или обнаруженной связи, о каких-то физических особенностях. Рыжие волосы, например, некоторые считают вредными, они помечают «дурную женщину» («рыжую луну», или Лилит).

Мы также указываем на геносоциограмме профессию, уровень образования (уточняя, например «провал при получении степени бакалавра»), переезды и изгнания, значимые военные события, некоторые маленькие или большие патологии, как, например: родился раньше срока или с пуповиной вокруг шеи, или посредством кесарева сечения (то, что часто сдвигает дату рождения и ее семейный смысл), рассеянный склероз, наследственные расстройства, как умственная или значительная физическая отсталость, отсутствующий орган или конечность (быть слепым от рождения или ослепнуть), психоз, тюремное заключение или даже содержание в камере пред-

варительного заключения до прекращения дела, помещение в психиатрическую больницу, самоубийство (указываем — и кто обнаружил тело, и причину самоубийства, например: отсутствие внимания семьи, отсутствие хорошего психиатрического ухода или депрессия), банкротство или различные источники стыда (например, кончает жизнь самоубийством перед заключением в тюрьму), если он — внебрачный или побочный ребенок, или приемный, или рожденный от «недостойной женщины» или от «постригшейся» матери, или от родителей «плохой национальности» (ребенок врага Франции в свое время — например, ребенок немецкого солдата во время оккупации), — или если он рожден слишком бедным или слишком богатым, левшой, хромым, горбатым, цветным и т.д.

Некоторые люди колеблются, не зная, с кого и как начать: с себя самих или со своих родителей? Такая нерешительность ставит важный вопрос — о том, кто является центром их жизни (папа, мама, бабушка, брат, предприятие?) и помогает это узнать.

Иногда я советую начертить на большом листе горизонтальную черту, чтобы отметить братьев и сестер, и провести от нее вниз вертикальные черточки, чтобы расположить каждого их ребенка. Мы нумеруем детей по порядку их появления в семье — слева направо. Добавляем все зачатия, то есть даже умерших до рождения детей, выкидыши, аборты, мертворожденных или умерших в младенчестве или в малолетстве (часто вне семейной нумерации).

Мальчики обозначаются треугольником, девочки — кругом, внутри цифрой отмечаем возраст. Внизу пишем имя, место и дату рождения, и указываем некоторые факты — такие, как место жительства, занятие, профессия, некоторые серьезные болезни и каждое переселение (даже маленький переезд, перестановку кровати или смену комнаты в доме).

Брак каждого ребенка отмечается вертикальной чертой, спускающейся от низа его круга или треугольника, далее мы проводим горизонтальную черту, длиной в несколько сантиметров, ниже нее проводим еще одну горизонтальную черту, если это брак или длительная связь, и затем «снова поднимаемся» вверх, чтобы указать супруга.

Утолщаем черту для человека, который делает свою геносоциограмму, чтобы ее легко можно было заметить. Затем, утолщим черту, которая отмечает, от кого мы приходим по крови, во всех поколениях, чтобы кровные связи (с предками, гены которых мы носим в себе) были ясно видны. И пытаемся «подняться по древу» до дедушек и бабушек наших дедушек и бабушек и даже выше — до Революции (кстати, мы восходим к ней легче и чаще, чем полагали сначала).

Метод мысленных ассоциаций

В противоположность созданию классического генеалогического дерева, продолжение того, что мы рисуем на листе, следует связям сердца и памяти, а не обязательно логике. Здесь нет мест, заранее отведенных для заполнения, — нам нужно точно понимать, что является важным для человека, создающего свою геносоциограмму «здесь и теперь». Я получила психоаналитическое образование и верю в бессознательное и свободные мысленные ассоциации, показательные и значимые.

Быть свободным, чувствовать себя свободным, говорить о себе, задавать вопросы семье, рассматривать болезненные или запретные темы — все это нелегко. Бывают отказы, табу. Кроме того, существует самоцензура, расщепление или такой запрет, что даже нет возможности подумать о какой-то определенной теме.

Мы следуем за мысленными ассоциациями работающего человека и постепенно, шаг за шагом, делаем пометки в том рисунке, о котором он говорит. Это требует постоянных движений по генеалогии, «туда и обратно».

Например, если человек говорит о бабушке, проводим вертикальную черту от горизонтальной, отмечающей братьев и сестер, и еще раз проводим горизонтальную черту — для «брачного союза», от нее поднимаемся вертикально вверх направо и налево, чтобы нарисовать треугольник для отца и круг для матери (указываем коротко их имя и возраст), затем поднимаемся выше, чтобы отметить человека, про которого только что говорили, например, про бабушку по отцовской линии (ДО) или бабушку (БО), и так далее. Затем вновь отправляемся туда, куда текут мысленные ассоциации.

Чаще всего листа бумаги бывает недостаточно, и нам приходится его увеличивать, приклеивая следующий лист в том месте, где это необходимо. Бесплезно предусматривать место заранее или сразу брать бумагу большого размера, так как мысленные ассоциации не подчиняются логике, а большие заранее приготовленные листы только загромождают пространство, и приходится их разрезать и заново склеивать в другом месте*.

Мы пытаемся так вести эту длительную работу, чтобы при необходимости к ней можно было вернуться позже, — иногда спустя несколько месяцев.

* Маленький совет: на бумаге, склеенной даже высококачественной клейкой лентой, писать трудно. Я рекомендую склеивать листы сзади внахлест, используя рулоны клейкой ткани, которая долго и хорошо держится, затем переворачивать листы лицевой стороной и приклеивать клейкой лентой сверху по написанным частям. Когда мы закончили писать — чтобы вся совокупность листов держалась, клеим сзади и спереди; стоит также поддерживать руками бумагу или клеящую ткань, чтобы избежать любых складок, которые могут порвать листы и создать вздувшуюся и непрочную картину.

Рисуем цветные связи

Во время работы мы используем фломастеры (маркеры с тонким концом) четырех или пяти цветов.

Пишем, например, *черным*, *синий* цвет оставляем для других семей (как, например, семья супруга), а *красным* цветом указываем знаменательные или трагические события.

Очень важно ясно отмечать все положительные связи внутри и вне кровной семьи, так как они помогают жить, — для них мы используем *зеленый* цвет; и также очень заметным *черным зигзагом* отмечаем отрицательные, даже агрессивные или разрушительные отношения между семьями или поколениями (некоторые люди для нас «ядовиты» и используют «слова, которые убивают»).

Указываем также, окружая чертой (другого цвета, например, *сиреневого*), кто с кем живет, ест «из одного котла», спит под одной крышей, так как повседневная жизнь, ее трения и устройство сопровождаются особыми проблемами.

Жизнь «у одного очага» часто также включает одного или нескольких дедушек и бабушек в преклонном возрасте, холостых или вдовых теток или дядьев, других детей, родителей, свойственников или чужаков, живущих в одном доме или часто туда приезжающих.

Это важно знать — как для того, чтобы попытаться объяснить случаи различных злоупотреблений (например, сексуальных) или предложений наркотиков, — так и для оказания необходимой помощи и поддержки детям или подросткам в затруднительном положении (и сопротивлении).

Когда работа закончена, посмотрим на нее в целом, издали, чтобы увидеть ее в совокупности, и добавляем то, что мы упустили.

Затем еще раз обзираем целое, снизу доверху, чтобы охватить одним взглядом всю совокупность и характеристики своей семейной истории в нескольких поколениях. Мы пытаемся подняться ко временам Революции (всего лишь немногим более двух веков назад), следы которых, часто видимые и доступные, хранит семейная память. Вспоминать забытую семейную историю не так трудно, как может показаться, даже с недостающими деталями.

Даже я, хотя мне уже много лет, помню свою прабабушку, которая жила с моими бабушкой и дедушкой по материнской линии возле нас в Париже. Она помнила то, о чем ей рассказывал ее дедушка — о сожжении Москвы генералом Ростопчиным, отцом графини Сегур, которого эта последняя описала в своих книгах под именем генерала Дуракина. Это было так, как если бы я сама там была — в 1812 году! Семейное воспоминание, живущее в XX веке.

Дела во многих семьях обстоят похожим образом, и люди могут вспомнить намного больше, чем полагают, как только мы начинаем подниматься по временной оси и располагать семью в историческом контексте.

Исторический контекст призывает позаботиться о том, чтобы не спровоцировать неверных воспоминаний, а только выдвигать гипотезы, которые необходимо проверить.

Таким образом, чтобы лучше понять исторический контекст и помочь в доступе к воспоминаниям, я опираюсь на энциклопедии, в особенности на Ларусс — «Хронология XX века», «Хронология Франции», — а также на несколько книг, таких как «История франко-немецких отношений», и на различные историко-географические атласы.

Кроме того, я интересуюсь подробной историей Революции, историей войны 1870 года, войны 1914—1918 годов (отравление газом и пережитое в окопах), а также

любыми значимыми и травматичными периодами, которые «выходят на свет» у людей, приходящих ко мне на консультацию.

Возвращающиеся даты

Некоторые даты появляются так часто, что я держу их в голове и могу по памяти определить их знаки-предвестники: среди них физические, психосоматические, соматопсихические знаки эмоций — а, следовательно, трансгенерационные травмы для исследования и проработки.

Так, например, у некоторых людей наблюдается высыпание прыщей вокруг шеи, как будто для того, чтобы отметить след удара гильотины — в годовщину смерти Людовика XVI. У других — астматические проблемы в нескольких поколениях, восходящие к солдатам, отравленным газом во время Первой мировой войны.

Военные действия и исторические ресурсы

Для уточнения военных фактов найдем в расширенной семье один или несколько сохранившихся военных билетов. Проверим в армейских исторических полевых архивах* или в других армейских архивах (см. в конце книги более обширный список адресов).

Разыщем также того, кто хранит семейную книгу, и/или того, кто произвел генеалогические исследования, — часто это какой-нибудь дальний родственник родителей.

* Полевой исторический армейский архив (SHAT) находится в Венсенском замке в Париже. Туда необходимо отправляться с удостоверением личности и с документами, подтверждающими родственные связи с тем военным или мобилизованным, чей след разыскивается.

Важность снов

Также мы используем сны. Поэтому я предпочитаю проводить сеансы в течение двух или трех последовательных дней, чтобы захватить ночь для возможности увидеть сны, и утро, чтобы их рассказывать и анализировать.

Мини-группа всего из двух-трех человек, не знакомых друг с другом, — тоже хорошая формула: работа каждого будит память других, и чаще всего это более выгодно каждому, чем при индивидуальной работе, так как существенные проблемы разных людей пересекаются и вызывают отклик.

Желательно работать с неизвестными людьми и по одному, а не с друзьями, членами семьи или супругом, иначе потом, когда мы должны будем снова увидеться с этими людьми, нам придется быть «настороже» (ведь никогда не знаешь, какой скелет и в каком шкафу может храниться). Нам свободнее с совершенно незнакомыми людьми, которых мы больше никогда не увидим снова, — это единственная встреча.

Бессознательное — это без-сознательное, не-сознательное по определению. Оно нечувствительно к вербальной логике и остерегается возможных поворотов и последствий в реальности.

Различные последствия работы над геносоциограммой

Последствия, полученные каждым от подобной работы и от создания геносоциограммы из нескольких поколений, весьма различны.

Некоторые собираются ее разрушить, сжечь, разорвать или же сохранить, или «забыть» о ней и никогда больше ее не исследовать, или вернуться к ней на индивидуальном сеансе или в малой группе, чтобы увидеть комп-

лекс изменений, произошедших после первой фазы работы, или даже продолжать работу, но урывками — иногда раз в год и в течение нескольких лет.

Возьмем два примера последствий трансгенерационной работы.

Первый пример — пример дамы, которую мы назовем Дениза. Она рассматривает свою двухдневную работу над генеалогическим древом и восстановлением своей настоящей семейной истории в нескольких поколениях со всем тем, что отмечено в картине красным цветом, как драматичную. Она взрывается: «Эта семья — это ужасно, я этого не хочу больше, она меня ранит, нужно, чтобы я от этого освободилась — любой ценой! Но как?»

Затем Дениза спрашивает: «Могу я купить у вас горшок или кастрюлю»? Я соглашаюсь. Тогда она берет свою большую картину, нарисованную на специальной бумаге для рисования, яростно, но тщательно разрывает ее всю на маленькие кусочки, кладет их внутрь кастрюли, поджигает и смотрит — в нашем присутствии — как все это горит. Затем она просит унести закопченный горшок.

На следующий день она написала о себе: «Я посадила кактусы в этой черной и грязной штучке и зарыла ее в саду, — вот то, чего заслуживает моя ужасная семья»... Дениза наконец-то почувствовала себя освобожденной и свободной, чтобы создать свою жизнь: этим символическим действием она перевернула страницу*.

Вот другой пример ужасного трагического наследия. Молодая женщина, назовем ее Шарлоттой, чувствует себя раздавленной несчастьем — и не без причины: обиженные дети, отсутствие любви и отвержение, из по-

* У Франсуазы Дольто я переняла технику записывать или рисовать на бумаге все то, что не устраивает, и затем сжигать это, глядя на пламя.

коления в поколение повторяющееся в семейной жизни, и в ее собственной тоже.

Я предлагаю ей увидеть все же отблески надежды и маленькие зеленые черты положительных связей в ее личной истории (хорошая соседка, школьная учительница, преподаватель, далекая родственница по мужу, врач). А затем разорвать свое дерево и восстановить в памяти положительные «вклады» — помощь, привязанность, надежды, поощрения, милосердие в ее жизни, протянутые руки пусть даже мимолетной помощи, которую она принимала. Этот рисунок Шарлотта собирает унести как отблеск надежды и следов любви, которые она получила, — это то, что ей позволило выжить, мы сказали бы — в сопротивлении, несмотря ни на что.

Во время и вскоре после Второй мировой войны психиатр Франсуа Тоскель, работавший в больнице Сент-Альбан (Лозер), говорил, что у каждого из нас — «многочисленные отцы» и «многочисленные матери», они «создают» нас так же, как наши реальные родители или предки, — и даже больше. Я еще вернусь к этому пункту, но скажу здесь, что мы можем распространить этот образ на все вовремя протянутые руки, которые хотели помочь ребенку — выжить, надеяться, стать, вырасти и созреть, выстроить или перестроить себя.

Напоминание

о некоторых ключевых точках

Точные даты важны — как ключи и межевые столбы памяти — для повторяющихся болезней, несчастных случаев, нарушений.

Семейные мифы: семейная слава помогает или мешает жить реальным людям.

Геносоциогамма своим графическим представлением семейной истории, охваченная одним взглядом, позволяет определить повторения, а также определить случаи незахороненного «призрака», вредные или благоприятные идентификации, синдром годовщины.

Со всем этим мы работаем «в горячую» — начиная с эмоциональных переживаний и психосоматических и соматопсихических телесных реакций.

Геносоциогамма — для человека, который над ней работает — выявляет то, что хранится в памяти его семьи, то, что ее выстроило, и то, что она забыла или опускает, — и это столь же важно. В этом случае отмечается, что на законченной картине есть отсутствующие ветви, о которых мы ничего не знаем или о которых не говорится, и что семья располагается в основном по материнской (или отцовской) линии.

Отмечаем *запомнившиеся* важные факты — например, раздел наследства, жестокую или скрываемую смерть (или суицид), ошибочную или настоящую «несправедливость».

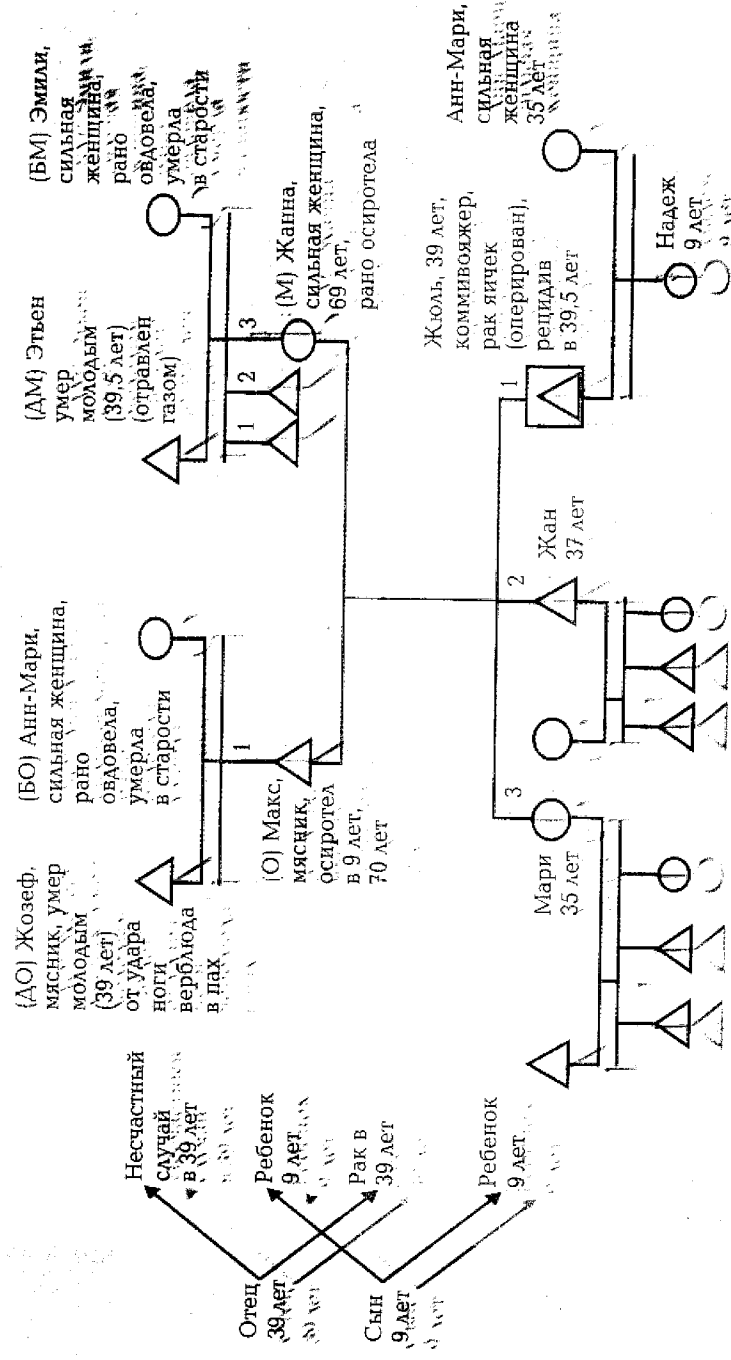
Пол важно отмечать, так же как и *первородство*. Старший из детей — часто это сын, каким бы ни был его порядок рождения. Ребенок, который рождается первым (если это девочка) часто будет ставиться в неблагоприятные условия по отношению к брату или братьям.

В случае необходимости указываем *возраст во время главного события*: 20 лет во время Парижской коммуны (1871), 10 лет в 1914 году, газовая атака в Вердэне (1916), 30 лет во время кризиса 1929 года и крушения биржи, война в Алжире или «военнопленный», или «француз алжирского происхождения», прибывший во Францию «без гроша в кармане» в этом возрасте.

ПРИМЕР СОСТАВЛЕНИЯ ГЕНОСИОГРАММЫ

Двойной синдром годовщины: повторение одного и того же возраста отца (39) и ребенка (9)

Анн-Мари, 39 лет, умерла в 39 лет, оставив сына Жюль, 9 лет, и дочь Мари, 35 лет.

Комментарий: можно сказать, что Жюль записал в своем теле болезнь и риск смерти, трансгенерационные связи и семейную лояльность, поражены яички, как у его деда по отцовской линии, и был рецидив, затронувший легкие, как у его деда по материнской линии (умершего от газа) и, кстати, — в том же возрасте (39 лет). Он прооперировался, но отказался от всех других видов лечения (химио-, радиотерапии, народной медицины), которым этот сын и внук мясника не доверял так же, как пожу. Все женщины его семьи — сильные женщины. Обе бабушки остались вдовами в молодости. Ко всему прочему, его отец потерял отца в 9 лет, и его мать рискует остаться сиротой в 9 лет, потому что он считал себя обреченным, и его жена тоже рискует стать молодой вдовой.

Существует как бы «скрыт» или повторяющийся сценарий смерти 39-летнего отца, имеющего 9-летнего ребенка. Можно было бы еще сказать, что Жозеф затронут в своей мужественности, а также о повторении имен невест (Анн-Мари).

Отметим все это. Мы пытаемся «рекадрировать» и изменить его жизненный сценарий с жизни проигравшего (смерть в молодости) на жизнь выигравшего: можно любить своего деда, но не умирать в том же, что и он, возрасте.

- △ Сын
- Дочь
- (O) Отец
- (M) Мать
- Больной субъект
- △ Старший сын
- Третий ребенок

**ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЗАЧАТИЯ,
ЗАВИСИТ
ОТ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ,
СОЦИАЛЬНОГО КЛАССА
И ЯРЛЫКОВ,
КОТОРЫЕ
НАМ ПРИСВАИВАЮТ ДРУГИЕ**

Жизнь начинается с зачатия...

Момент зачатия и то, что тогда происходит с родителями, важны для понимания семейной жизни: желанный или нежеланный ребенок, «дитя любви» или зачатый в насилии, восстанавливающий или заменяющий ребенка, сын, ожидаемый после серии дочерей; кроме того, ребенок может оказаться тем «несчастливым случаем», который вынудил родителей пожениться.

Заметим, что дата вероятного (или установленного) зачатия и увеличенная плодовитость женщин в определенный момент часто вовсе не случайны. Иногда это связано со значимым местным событием, например, с деревенским праздником или отъездом призывников. Бывает, что это вызвано — как говорят клиницисты — живым и неожиданным удовольствием во время супружеских или других любовных отношений, которое провоцирует новую овуляцию. Часто это памятная дата, связанная с семей-

ным бессознательным, нечто вроде «секреции» архаичного интрапсихического, принадлежащего предкам (того, что было подавлено или отрицаемо) и вновь появляющегося несколько поколений спустя...

Существуют также случаи детей, зачатых при изнасиловании: врагом во время войны, неизвестным пришлым (бродягой, прохожим, в сельской местности) или кем-то, проникшим в дом путем взлома, или малознакомым человеком — кем-то из соседей, в путешествии и т.д.

В подобных случаях мать, часто очень молодая девушка, может решить избавиться от ребенка, или позволить ему родиться и умереть, или отдать на усыновление, или сохранить ребенка и, не любя, обманывать его насчет происхождения: все эти решения — источники проблем.

В семейных исследованиях прошлого мы часто имели дело с насилием хозяина по отношению к служанке, или со взятым на воспитание ребенком, который затем изгонялся. У ребенка, рожденного от неизвестного отца (побочный ребенок, ребенок незамужней девушки), в то время была трудная жизнь, и его сегодняшние потомки часто несут незаживающие раны из прошлого (даже в XXI веке).

Контекст зачатия таким образом воздействует на прием, который будет оказан ребенку, так же как на наказания и предсказания, которые ему сделают в колыбели.

**Предсказания,
сделанные в колыбели**

Давайте вспомним сказку о спящей красавице: злая фея, чтобы отомстить за то, что ее не пригласили на праздник, предсказывает, что в возрасте восемнадцати лет, девушка уколет палец о веретено и от этого умрет. Хорошая фея изменяет это предсказание: «Ты уколешь палец

о веретено и будешь спать до тех пор, пока поцелуй прекрасного принца тебя не разбудит».

Возьмем клинический случай. «Этот ребенок, он тебе еще покажет!» — говорит теща своей невестке, в то время как ребенку только несколько часов!

Анник, чьи родители безостановочно ссорились, несла на себе вину: она чувствовала себя ответственной за то, что «обязала» родителей пожениться, так как была зачата случайно, летним вечером...

Каждый спор оживлял в ней чувство вины, и мать поддерживала ее в этой мысли, утверждая, что «если бы не беременность, я никогда бы не вышла замуж за этого человека!»

**Контекст,
в котором рождается ребенок
и экологическая ниша**

Гнездо и его бури

Звуковая ванна, звуковой фон в утробе и в первые месяцы — это общий фундаментальный чувственный контекст первых месяцев ребенка, иногда мультилингвистический.

Считалки и колыбельные песни (а также прикосновения и поглаживания) составляют часть того культурного субстрата, который создает идентичность семьи и ребенка. В противоположность этому, в семье могут присутствовать холодность и дистанцирование от ребенка, как в утробе, так и после рождения.

Ребенок может нести в себе следы ударов, которые его мать получила в живот во время беременности от ревнивого отца или мужа.

Напомним, что беременность — часто это этап, который начинается или развязывает супружеское насилие.

Но вместе с тем ребенок интегрирует мягкость, слова, язык и музыку.

**Социальная среда
и местные ритуалы**

На передачу могут воздействовать местная среда, семейные и социальные ритуалы, местные традиции и обычаи: так называемые дары — в частности, от костоправа или от соседок по деревне, которые, например, убрали следы «ожога», как говорят, «забрали огонь», — но также и соседские ссоры (заметим, что в сельской местности неизвестно кому земли не продают). В некоторых деревнях две семьи враждуют в течение нескольких поколений и уже никто не знает почему. Невозможно разбить эту цепь (вспомните Ромео и Джульетту у Монтекки и Капулетти) или спрятать в мезальянсе местного масштаба!

**Влияние принадлежности
к определенному социальному окружению
на личную жизнь**

Для ребенка и малыша (а также для взрослых) передача социальной дистанции и тепла в межличностных отношениях зависит от языка, которым пользуется мать или человек, ее замещающий. Разве не более сердечны, физически близки и более жестикуляционны русский, португальский (*abrazzo*), арабский языки, нежели французский или английский?

Важно, и я уже об этом говорила, что каждый раз следует уточнять, кто с кем живет («под одной крышей и ест из одного котла») и кто кого учит. Так, иногда мы можем обнаружить, что это — вовсе и не мать, а бабушка или кто-то еще, — и тогда в некоторых семьях это может повторяться от матери к дочери.

**Язык, на котором говорят дома,
иногда отличается
от языка страны обитания**

Следует также уточнить «уменьшительное имя ребенка» и язык колыбельных песен и ласковых слов, которые использовались с рождения.

Так, часто мы наблюдаем двойную культуру и два разговорных языка в одном доме, а иногда — и два имени. С каждым языком и с каждым детским или уменьшительным именем создается все больше разногласий (тело, душа, пространство-время).

Такой след мы часто видим на нескольких поколениях переселенцев или людей, «пересекших границу»: границу цвета, религии, веры, настроений, страны, кулинарных вкусов или привычек, — покинувших свою основную культуру.

Роль, доставшаяся ребенку

Желанный или нежеланный, в атмосфере благосклонности или напряжения, ребенок очень рано понимает приписанную ему роль, которой он чаще всего останется верен, например: успокаивать мать после ухода отца (быть «маленьким мужем мамы»); быть самым младшим, предназначенным принять семейное дело; быть для родителей «опорой в старости»; быть должным заниматься ими и/или дедушками и бабушками...

Во время полярных экспедиций к эскимосам с Полем-Эмилом Виктором, врач-антрополог и психоаналитик Робер Жессен заметил, что внук охотника-рыболова, убитого на припае* во время охоты, унаследовал его

* Припай — неподвижный морской лед, образующийся вдоль береговой арктических и антарктических морей. Может простираться на расстояние от нескольких метров до сотен километров от берега. — Прим. пер.

охотничью долю вдобавок к своей, но тем не менее без ролевой и наследственной путаницы. Так, например, с приходом иностранца в иглу, мать чувствует себя обязанной испросить разрешения у своего отца (который погиб на охоте и наследником которого стал ее сын). Она обращается к сыну, «представляющему» дедушку: «Если дедушка разрешит, мы его пригласим». Это не мешает ей потом, в другой момент, обращаться с сыном как с ребенком.

**Быть матерью
для своей матери**

Клинический опыт показывает нам, что нелегко жить согласно своим желаниям, прервать пуповину и не запутаться в *парентификации*. Мы подразумеваем под парентификацией роль родителя по отношению к одному или обоим родителям, которую один или несколько детей берут на себя.

Приведем в пример Жермену*. В семье ей была назначена роль той, кто занимается другими. Ее собственная мать, Жанна, долго жертвовала своей семейной жизнью, чтобы заботиться о своей матери — Матильде, брошенной во время беременности. По окончании войны Жермена будет заниматься своей матерью около двадцати лет. После ее кончины Жермена занялась одной из своих соседок — жертвой автокатастрофы. Далее дочь Жермены для решения вопросов семейной организации поручит ей своих маленьких детей. Далее, после смерти жены своего сына, Жермена будет заниматься своими внуками. Затем ее сын, который оказался в сложном положении, самовольно придет и вселится в семейный дом,

* См.: С. Joannès, *Les Liens du sans*, Mémoire de fin d'études de Conseil conjugal et familial, Paris, IFEPP, 2000.

где скоропостижно скончается. И наконец — Жермена займется различными детьми с трудностями в учебе, но всегда детьми других.

**Влияние принадлежности
к социальному классу,
его нравов и обычаев**

Работы по социальной антропологии Клода Леви-Стросса о семейных правилах и, главным образом, работы Франсуазы Эригье учат нас, что во всех обществах существуют фиксированные правила брака, и мы им следуем сознательно и бессознательно. Действительно, мы редко нарушаем семейную лояльность по отношению к родству и потомству. Случается, конечно, что эти правила нарушены, и следующее поколение противоречит предыдущему.

Мы отсылаем читателя к курсу лекций Коллеж де Франс и к работам Франсуазы Эригье — в частности по африканским и полигамным культурам, несколько групп которых существует у нас во Франции, так же как и к основной для Франции книге Алена Жирарда «Выбор супруга».

Совсем не легко «предать» свой социальный класс и принадлежность к своей среде: например, жениться на «простолюдинке», обеднеть, родившись в богатой семье, или стать врачом, будучи сыном или дочерью рабочего. Трудно оставить семью, в которой пекут хлеб в течение пяти поколений...

При разговоре фразы часто начинаются так: «У нас» — или, как в песне Жака Бреля: «У этих людей»... Давайте послушаем историю Катрин. Она гордо говорит: «В моей семье женщины умирают стоя». У ее прабабушки, фермерши и жены фермера, была жизнь, полная страданий и тяжелого труда, в семье, где женщины не умели ни читать, ни писать, но умели считать.

Когда бабушка Катрин сломала себе левую ногу, упав с телеги с сеном в возрасте одиннадцати лет, ее заставили ходить, сказав: «Это пройдет!», — и никакого ухода, только строгий минимум. Вышеупомянутая бабушка на всю жизнь осталась хромой на ту ногу, о которой не позаботились. Дядя Катрин к тому же женился на женщине с сильным артритом тазобедренного сустава с той же стороны, что и у своей матери.

За неделю до того, как ей исполнилось одиннадцать, Катрин сломала себе левую ногу. Речь шла о сложном переломе голени, который плохо срастается, и, как только закончились два месяца неподвижности и гипс наконец был снят, Катрин заставили ходить, не озаботясь реабилитацией: «Это пройдет!» — так ей сказали. От этого она на всю свою жизнь сохранила вывернутую ногу и утиную походку.

Годы спустя ее собственный сын, именно в ту неделю, когда ему должно было исполниться одиннадцать, ломает себе левую голень. Но на этот раз он будет иметь право на большую заботу.

Тем не менее в семье Катрин «не ходят к врачу». Ее бабушка умерла от рака груди, который не лечили. Катрин — сторонник самолечения, народной медицины и всех превентивных методов, и не в восторге от больных людей, которые лечатся, считая их «слабыми и плаксивыми».

Ей трудно покинуть свое наследство, состоящее из убеждения: «У нас — умирают стоя».

**Амбивалентный провал
умного ребенка**

Винсент де Гольжак изучал школьные провалы, забытые или не сделанные на экзаменах действия весьма умных и трудолюбивых детей, которые в день экзамена по-

чему-то не заводили будильник и, таким образом, приходили после закрытия дверей, или приходили без необходимых документов, или приходили с «провалом в памяти» и собирались сдать чистый лист, в то время как тема была им хорошо известна, короче — делали все, что нужно, чтобы потерпеть неудачу.

Как установил Гольжак, это было связано с тем, что отец, мать или оба родителя этих детей не получили диплома, которого добивались и к получению которого готовились. В этом случае дети как бы разрывались между желанием своих родителей улучшить социальное и культурное положение и своим невысказанным страхом быть затем отрезанными и отвергнутыми в том случае, если они добьются успеха и таким образом поменяют среду. Дети, подростки, даже молодые взрослые, внутренне разрываясь, предпочитают собственный провал опасности нарушить семью или изменить ей. Чем ощущать смутную тревогу и семейную двойственность, ребенку легче глупо потерпеть неудачу, то есть бессознательно откликнуться на амбивалентное желание и глубокую тревогу родителей. Эмерсон говорил: «Ваши мысли так сильно кричат, что я не слышу, о чем вы говорите».

Итак, «классовый невроз», как его называет Гольжак, иногда начинается в детстве и в основном — в том возрасте, когда родитель оставил учебу. Это определяется, лечится и преодолевается.

Социальная иерархия и порядок «клевания»

Порядок «клевания» — «иерархия права на пищу и на наказание», права раздавать «удары клювом», иногда смертельные.

В любой психогенеалогической и трансгенерационной работе важно знать о различных способах превы-

шения власти, а именно — о том способе, с помощью которого люди были воспитаны, а также были воспитаны их родители и родители их родителей. Особенно это касается случаев извращенного воспитания, а также случаев избитых и обиженных детей (отметим, что родитель, обиженный на работе, в свою очередь, дома может стать обижающим). Это принцип порядка «клевания», или карательных ударов, который спускается по уровням социальной иерархии.

Норвежский зоолог Торлиф Шьельдеруп-Эббе, разработавший эту концепцию, занимался вопросами приоритета в животных и человеческих действиях. Наблюдая птичьи дворы, он обнаружил, что иерархия требует, чтобы, когда насыпают зерно, не все курицы бежали одновременно. Та курица, что ест первой, имеет право бить клювом всех остальных.

Вторая получает удары клювом от первой и передает их тем, кто ниже нее согласно очевидной иерархии, — последняя же курица в иерархии выщипывала себе перья или принималась за цыплят.

Эта схема наблюдается в армии, в некоторых рабочих организациях и иерархиях людей так же, как у животных.

Часто важно знать, на каком месте в социальной иерархии и в потомстве находится человек, чтобы понять, откуда приходят «удары клювом» и (если мы можем действовать умнее куриц) как положить конец этой передаче? Что заставляет нас играть роль «приводного ремня»?

Так называемые нормальные семьи и невротические, даже извращенные семьи

Согласно определению Лапланша и Понталиса, семейный невроз означает «что в данной семье индивидуальные неврозы дополняют и взаимно обуславливают друг

друга, подчеркивая патогенное влияние, оказываемое на детей семейной структурой, в основном, структурой главной пары. <...> Рене Лафорг настаивает в частности на патогенном влиянии родительской пары, функционирование которой основано на некоторой невротической комплементарности. Но, говоря о семейном неврозе, приходится меньше подчеркивать значимость окружения по сравнению с ролью, которую исполняет каждый член семьи в сети бессознательных взаимосвязей».

Выбор имени

Важно узнать все имена. Имя часто дает важные ключи для психогенеалогии и геносоциограммы, так же как и для понимания того, какая роль отведена ребенку в семье. Имя внебрачного сына может быть указанием на его тайного родителя, или оно может представлять собой игру слов из его инициалов. Имя может напоминать бывшего жениха, умершего на войне, или «парня», которого семья не приняла.

Имя может быть фамильным или именем с историей. Дети, идентифицируясь со своим именем, часто делают из него «целое кино».

Имя может принадлежать мертворожденному или ребенку, умершему в детстве, и тем самым создавать подразумеваемые, иногда трагические связи с ранее умершим, о котором не говорят. Ребенок иногда бывает «заменяющим ребенком», который никогда не даст забыть ушедшего, или «восстанавливающим ребенком» (таким был Фрейд), тем, кто возвращает надежду и жизнь семье.

Выбор имени не случаен: он обоснован, его можно расшифровать (но только исходя из контекста), и он указывает на принадлежность к экономическому, культурному, социально-экономическому, религиозному, этническому или политическому классу.

Зажиточные классы часто дают детям классические, традиционные, семейные имена, — у католиков, им часто предшествует Мария (как у мальчиков, так и у девочек) или святой — покровитель дня рождения.

Некоторые недавние эмигранты дают сложные, «американские» имена, имена поп-звезд, телезвезд, звезд футбола.

Имя может быть также просто-напросто изобретено. То, что часто заставляет ребенка подвергаться насмешкам в школе и вредит его школьному обучению и развитию. Родители не соизмеряют возможных реакций других детей в школе, и чем более оригинально имя в политическом, религиозном или этническом плане, тем более они идут навстречу трудностям, а на самом деле — всегда страдает ребенок. Так, Мария-Ева не будет знать, к кому обратиться за помощью, совсем как Базука (я ничего не изобретаю) и Жан по фамилии Боннот, так же как Мадонна, Мат Колик («моя колика») и многие другие, что вынуждены терпеть издевательства в школе, доходящие иногда до такой степени, что дети становятся козлами отпущения и начинают ненавидеть школу.

Часто в традиционных семьях, по крайней мере, — во Франции, детям последовательно дают имена каждого из дедушек и бабушек и крестных отцов и матерей, или имя ребенка, умершего у родителей (замещающий ребенок) или у бабушки и бабушки (и несколько имен).

Обычное имя не всегда является первым именем и даже одним из данных имен. В некоторых регионах, а именно в центре Франции, дети часто обнаруживают по случаю кончины отца или матери, что в актах гражданского состояния их родитель назван именем, о котором от него никогда не слышали: «Весь мир называл его Анри, но его настоящее имя было Мартьяль».

Многие эмигранты дают своим детям двойные имена: имя страны происхождения или народности и француз-

ское имя «как у всех», так что у детей есть два имени, одно — для дома и семьи, а другое — для школы и профессиональной жизни.

Существует также мода на имена. Это — то, что описывает Жак Дюпакье в книге *«Времена Жюля, статистическое исследование об именах, распространенных в XIX веке»*. XIX век — век Жюля Ферри и действительно Жюлей, в то время как XXI век будет скорее веком Жюльенов. Можно отметить сильное влияние телевизионных передач на сегодняшний выбор имен (например, имя Лорана во время сериала «Мастерская художника»).

Интересно узнать о своем семейном наследии и о причине выбора имени, которое мы носим. Часто мы можем обнаружить влияние, которое оказали на нашу мать романы и песни того времени или возможные тайны.

Протестанты, евреи и мусульмане часто дают библейские имена (Мария, Мириам, Мейрием). Правоверные католики часто добавляют Марию в имя своей дочери или сына (например Мари-Пьер или Жан-Мари).

Каждый ребенок «делает свое кино» из своего имени и часто идентифицируется с ним. Иногда он испытывает ужас от своего имени и оно «колет его» или «вызывает зуд». Но имя поменять нелегко.

Часто возникает некоторая идентификация в связи с выбранным именем, в частности — с близким или дальним родственником, знакомым или незнакомым, который становится как бы охраняющим ангелом-хранителем, или со святым того же имени для католиков.

Присвоение второго имени тоже может представлять интерес, так же как и прозвища.

Рассмотрим случай двадцатилетней Карины. Студент-медик, серьезная, она жила и училась в провинции. С ней последовательно, с интервалом в неделю, случились две автокатастрофы. И хотя она не была ранена, машины, которые она вела, сильно пострадали...

Семейные расследования обнаружили синдром годовщины: ее дядя, брат матери, которого она не знала, скончался в возрасте двадцати лет в автокатастрофе при выходе из ночного кафе.

Мать Карины очень беспокоилась, как только ее дочь брала машину, и регулярно напоминала ей об осторожности: «Не надо, чтобы с тобой случилось то же, что и с Фредериком», — говорила она. Совершенно очевидно, что второе имя Карины было — Фредерика...

В магазинах можно встретить книги о значении имен (в основном придуманном), якобы дающие «характерологию» (надо ли говорить, что в этом нет ничего научного!) Тем не менее, некоторые ими пользуются, по примеру астрологических предсказаний в прессе, и верят, как слову Евангелия...

Повороты жизни

Для Марка Фреше* быть взрослым — это одновременно быть способным разорвать пуповину со своей семьей и обеспечивать себя в финансовом отношении. Возраст, в котором мы взяли на себя финансовую ответственность, создает повторный цикл, — это интересно взять на заметку. Так же, как принять к сведению повторение травматических событий, например, серьезное нарушение в каждом семейном цикле.

Конец жизни и прощание

Раньше люди, покидая место в жизни, прощались с друзьями и отношениями. Так же как они прощались со своими близкими, прежде чем умереть. Именно так начина-

* О работах Марка Фреше я знаю от своей коллеги и подруги, Одилы Уаше (Париж).

ется басня Лафонтэна: «Однажды земледелец, предчувствовавший свой конец, позвал своих детей...»

Попрощаться, прежде чем умереть, и найти для этого достаточно сил — это встречается и в XXI веке. Можно вспомнить, как кардинал Люстигер отправился в августе 2007 года, накануне своей смерти, во Французскую Академию, членом которой он был, чтобы попрощаться со своими друзьями.

ГЛАВА X

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ,

ЗАБВЕНИЕ

И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Вновь посещаемое прошлое

В памяти каждого человека, как и в памяти каждой семьи, есть вновь посещаемые воспоминания: сегодня мы снова можем увидеть то, что происходило раньше, перестроенное под воздействием бессознательного. (Если бы бессознательное было сознательным и доступным, оно не было бы бессознательным...) Таким образом прошлое, о котором рассказывает бессознательное и о котором нам рассказывают другие, — это искаженное прошлое, поскольку мы воспринимаем его через наши сегодняшние очки, очки XXI века. Вероятно, оно отличается от того, что было пережито семьей прежде.

Кроме того, существует еще семейная лояльность, которая влияет на нас, заставляя забывать прошлые ужасы и неблагоприятные поступки наших предков и восхвалять поверхностные детали семейных саг, а еще «разделять козу и капусту» и опускать то, что могло бы оскорбить или огорчить наших родителей или еще живущих дедушек и бабушек (например, инцест, «внебрачное рождение», банкротство, измена, противоположные политические или исторические взгляды, вандализм или настоящее предательство, различные злоупотребления:

финансовые, сексуальные или злоупотребления властью). Память полностью играет нами.

У нас та семья, которая есть

Между тем факты — упрямая вещь, и у нас — та семья, которая есть. Есть смысл узнать ее получше, потому что в этом состоит единственное средство для преодоления печали или ужаса своего семейного прошлого с его удачами и неудачами, впрочем как и у всех других людей. В каждой семье есть «скелет в шкафу» — даже если он тщательно спрятан и о нем не подозревают.

В книге «Раньше памяти» Жан Деле пишет: «Каждый день мы идем куда-то, проводим свою жизнь, полностью занятые какими-то делами, и забываем расспросить тех, кто мог бы рассказать о нашем далеком прошлом. Когда мы это замечаем — их уже нет, они умерли. Пэги говорил, что память поколения прерывается у стены четырех, составленной из дедушек и бабушек. Дальше идет знание более или менее неопределенное, более или менее неполное». Я добавляю, что даже собственная память, как и память семьи, является только сегодняшней реконструкцией прошлой истории и, таким образом, — частично уже забытой и восстановленной.

Что мы можем передать нашим потомкам, студентам, ученикам и друзьям? Так же как мой младший кузен Жак Поло сказал мне однажды: «Мы знаем, что унаследовали от семейного достояния одновременно генетическое, социокультурное и этическое, которое мы более или менее сознательно и более или менее добросовестно передаем дальше. Причина того, что человек — это больше, чем животное, лежит именно в этой способности, которую человек развил в течение поколений — размышлять и передавать свои размышления».

Восстанавливать личное прошлое — всегда опасно

Восстанавливать личное и семейное прошлое — всегда опасное занятие.

Социальные траектории индивидов своеобразны и часто «устланы» взлетами и падениями, различными травмами, хорошим или плохим ведением дел, социальной и экономической динамикой, присущей каждому существу и каждой семье.

Мое поколение — это поколение всемирного экономического кризиса 1929 года (крушение нью-йоркской биржи и всемирная безработица) и войны — «странной» войны 1939 года, поражения, краха, оккупации, сопротивления. Во время войны я очень рано и очень быстро узнала, что нормальное, кажется, никогда не происходит или происходит редко...

Это вполне в порядке вещей, — что нормальное и непредусмотренное не происходит, потому что внешние события всегда этому мешают, — и что вещи, которые мы считали устойчивыми, находятся всего лишь в почти постоянном равновесии, и даже совсем маленький случай может изменить их и заставить двигаться. Но мы можем продолжать надеяться, — и это случится, но позже и по-другому.

Фрейд и сонаты

Фрейд в своих заметках особо отмечает тему музыкальных повторов, рассуждая по поводу значимости переработки, работы над собой и повторений: надо работать над своими проблемами и симптомами и перерабатывать их в психотерапии, в психоанализе так, как мы это наблюдаем в сонате, где одна и та же мелодическая тема проигрывается, прорабатывается и выражается

много раз — на различных уровнях, в различных тональностях*.

Это требует от исследователя хорошего слушания и полного признания недостаточности лишь разовой терапии в жизни, проводимой в принципе хорошо проанализированными людьми (но можно ли сказать подобное о человеке в целом и на всю жизнь?), а также принятия того факта, что равновесие может быть только «почти постоянным» и таким образом не является окончательным, — чему учит нас психосоциолог Курт Левин, создатель групповой динамики.

Несовершённый траур

Многие из нас страдают от несовершённого траура — личного, семейного, трансгенерационного или даже культурно-национального. По-моему мнению, «работа» с трауром требует нескольких лет, несовершённый траур после двух или трех лет становится незаконченной задачей, которая терзает нас, потому что нуждается в том, чтобы стать полной и завершённой**.

Случай «мигрантов»

Некоторые люди не имеют доступа к своей семейной памяти: найденыши, многие приемные дети, сироты, выжившие после катастроф или геноцида и потерявшие всю свою семью, а также многие люди, поменявшие страну обитания.

* См.: D. Leader, *La Question du genre et autres essais psychanalytiques*. Paris, Payot, 2001 [Оригинальное название: *Freud's footnotes*].

** См.: A. Ancelin Schützenberger, É. Bissone Jéufroy, *Sortir du deuil. Surmonter son chagrin et réapprendre à vivre*, 2e éd., Paris, Pavot, 2007.

Их положение хорошо подытожено в частном письме американского психотерапевта европейского происхождения Зерки Тойман Морено, которое я получила в июле 2007 года.

«Дорогая Анна, — написала она мне, — в вашей последней книге по трансгенерационному анализу и психогенеалогии я нашла пункт, который заставил меня долго размышлять, потому что предки мои восходят только к бабушке, чье имя я ношу, а следующее поколение с обеих сторон — все иммигранты, какой была и она сама. То есть можно сказать, что у меня нет никакой дополнительной информации по этому поводу.

Это позволяет отнести иммигрантов и их потомков в специальную категорию людей с разбитой семейной историей. Чтобы попытаться восстановить эту историю, надо было бы провести очень долгие и трудные исследования. Кроме того, многие источники и архивы, записи из Восточной Европы теперь потеряны, не говоря о том факте, что многие евреи скрыли или сменили имена и даты рождения своих сыновей. Таким образом мы потеряли все связи и вместе с этим все источники интергенерационной информации. Это драма и сегодняшних иммигрантов и многих беженцев, появившихся вследствие международных конфликтов и новых перемещений населения. Увы, горе нам, люди... С дружеским приветом, Зерка».

Очень многие эмигранты и иммигранты находятся таким образом в ситуации, когда они не могут провести исследование своей семейной истории. Между тем, могу напомнить, что еще Фрейд говорил:

«Так же как археолог может восстановить глиняную посуду, начав с одного осколка, так же, начав с коллективной памяти, можно восстановить семейную, социально-культурную и экономическую среду в ее контексте и в ее экологической нише».

Реакции Марии

В своей клинической работе с трансгенерационным анализом, психогенеалогией и геносоциогаммой я выдвигаю гипотезы, основываясь также на телесных, психофизиологических и двигательных реакциях человека, работающего над своей семейной историей.

Так, во время клинической работы в Париже с некоей Марией (родом из центральной Европы) эта последняя внезапно вспомнила, что испытала странные ощущения во время полета, заметив под крыльями самолета равнину с березами, — позже ей приснился сон о массовом убийстве в березовой роще. С помощью метода мысленных ассоциаций она соотнесла этот сон с великой Руссией времен Советской империи и сопоставила с массовыми убийствами евреев во время последней войны.

ГЛАВА XI

ЕСЛИ РАБОТАЕШЬ

В ОДИНОЧКУ

Многие люди совершают работу по исследованию своей настоящей семейной истории и ее смыслов в одиночку. Причины, которые подвигают их к этому, многочисленны — это или желание независимости, или если место, где они живут, находится далеко от больших городов с их специалистами, или по финансовым причинам и т.д.

Поэтому здесь я собираюсь кратко развернуть и предложить их вниманию очень простой «метод».

Начинайте через работу с памятью, поскольку то, что вас создало и то, что вас определяет, — это то, что вы знали в детстве и в юности.

Поднимитесь по генеалогическому древу до поколения дедушек и бабушек ваших дедушек и бабушек. Попробуйте дойти до Французской Революции 1789 года или до Террора 1793. Отдохните, размышляя в возможных снах о том, что бы вы стали делать дальше. Некоторые сны достаточно легки для интерпретации и могут указать вам путь и дать ключи.

Используйте цветные карандаши и проведите красную линию, связывающую между собой значимые события.

Затем (как всегда по памяти) дополните свою геносоциогамму.

Будьте внимательны к сигналам, которые в определенные моменты подает ваше тело, — к таким, как волна жара, холодная дрожь, тошнота или позыв пойти в туа-

лет, желание надеть или снять куртку или потерять кольца, обручальное кольцо или бусы, волосы, и т.д. — и попытайтесь их понять.

Когда работа по памяти сделана, разыщите факты и даты, а также людей, которые сохранили семейные документы, свидетельства о браке, военные билеты и т.д., короче — тех людей, которые выполняли функцию хранителей семейной памяти. Часто обнаруживаются дальние родственники, которые уже провели семейные исследования и нарисовали генеалогическое древо, или бывшие соседи, друзья, врачи, нотариусы, у которых имеются ответы на наши вопросы или загадки и которые знают о прошлых событиях и семейных тайнах.

Нелегко знакомиться с реальностью за ее «гладкой» внешностью. Но если вы держите в руках эту книгу, — разумеется, это не случайно — и вероятно, это соответствует вашей глубокой потребности или поиску, запросу, необходимости знать или прояснить нечто, что «бро-дит» в вас, — чтобы вылечиться от своих забот, беспокойства, повторяющихся несчастных случаев, болезней или недугов.

Если и можно с помощью психогенеалогического подхода работать над этим в одиночку, тем не менее, я считаю, что очень полезно разрешить кому-то себе помогать, чтобы не споткнуться о самый крупный подводный камень — он состоит в том, чтобы придавать глубокий смысл тому, что является всего лишь чистой случайностью или совпадением.

Можно предложить также своим братьям, сестрам и кузенам вместе создать семейное генеалогическое древо, соединяя то, что знает и находит каждый, и избегая спорных сюжетов. Предложите им попробовать, но так, чтобы никто не потерял своего лица.

БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО И БАЗОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Базовая безопасность

Человек выстраивается, начиная с получения опыта «базовой безопасности».

Ребенок рождается «незаконченным» и нуждается в своих родителях или в людях, выполняющих родительскую функцию, чтобы быть защищенным и накормленным, научиться говорить, ходить, выражать себя, доверять себе и социализироваться.

Для выживания ему нужна, согласно термину Дональда Винникотта, по меньшей мере, «достаточно хорошая мать».

Важность первых шагов

Малоизвестная картина Винсента Ван Гога, которая находится в Музее искусства Метрополитен в Нью-Йорке, представляет нам ребенка родителей-крестьян, который учится ходить. Мать, склонившись и окружив ребенка руками, поддерживает его и помогает идти к отцу, который спустился с высоты своего роста на корточки и протягивает руки навстречу ребенку.

* (См. D. W. Winnicott, *La Mère, suffisamment bonne*, Paris, Payot, coll. «Revue de la Bibliothèque Payot», 2006.

Эти детали фундаментальны для понимания базовой безопасности: родители располагаются на высоте ребенка, и мать создает связь с отцом, легко подталкивая к нему ребенка. Присутствие обоих родителей важно в этот решительный момент развития ребенка.

Эта базовая безопасность и подлинные отношения со своими родителями — вероятно то, чего был лишен бедный Винсент в раннем детстве. К тому же он нес, не осознавая этого, семейную тайну — быть только «замещающим» мертвого брата ребенком, чье имя он носил. Кроме того, он родился в тот же самый день, — случайно он обнаружил это, проходя по кладбищу и увидев свою собственную могилу, и долго находился в состоянии шока, пока не понял, что речь идет не о нем — из-за года рождения, отличного от своего.

Ван Гог так никогда и не нашел себе места под солнцем, никогда не продавал свои картины при жизни, всю свою жизнь находился в депрессии и дошел до того, что покончил жизнь самоубийством.

«Холдинг» Винникотта

Чтобы суметь свободно себя выразить, важно чувствовать себя одновременно свободным, ободренным, необсуждаемым и поддерживаемым, защищенным в пространстве и в полной безопасности, и в такой момент или день своей жизни, когда мы расположены это сделать.

Быть способным к «холдингу», по Винникотту, означает, что некто помогающий и обеспечивающий безопасность может и умеет поддержать и понять как страдание, так и колебания или действия (иногда преступные) другого. Это означает, что он способен выслушать и принять все то, что другой может сказать, и *держат* все это, зная, что *выслушать* не значит *одобрить*. Уметь и *мочь держать* — это дать возможность тому, кто выражает

свое чувство, быть уверенным, что ничего плохого не случится, если он «откроется» и позволит себе говорить о самом себе и о том, что в нем не так. Это — смочь полностью услышать другого.

Этого «помогающего» — фасилитатора, психотерапевта, психоаналитика или учителя или обученного и клинически опытного «терапевта» — Винникотт определяет, как имеющего способность «держат» слишком сильные эмоции и препятствовать общему и опасному «провалу» человека.

Он называет эту способность «холдингом», и ее не так легко воплотить.

«Безопасное пространство»

Котани

Терапевт и японский исследователь Хидефуми Котани разработал концепцию «safe space», что переводится как «безопасное пространство». Он доказал, что без чувства полной безопасности невозможно развиваться, стать взрослым или пройти психотерапию, — поскольку тогда у нас нет возможности думать и производить мысленные ассоциации, помогающие нашему продвижению. В психогенеалогии мы говорим, что в этом случае имеется «генеалогическое слепое пятно». Это блокировка, которая часто связана с семейным запретом и с семейными тайнами.

Чтобы позволить себе подумать о чем-то или разрешить себе нечто рассказать свидетелю или психотерапевту, надо быть уверенным в конфиденциальности — то есть в том, что ты находишься в безопасном пространстве, в пространстве полной секретности и защищенности от внешнего окружения.

Часто мы работаем малой группой. Поэтому для безопасности всех необходимо установить рамки функцио-

нирования группы и психотерапии или работы с психогенеалогией или с геносоциограммой.

В предыдущей главе я подчеркивала, что если все же такую работу можно сделать в одиночку, более выгодно осуществлять ее вместе с кем-то, чтобы иметь слушателя и его эмоциональный отклик, и преимущественно — в малой группе из двух или трех человек: работа одного будит память другого и иногда, благодаря счастливой случайности, удачно дополняет ее; — это то, что в психогенеалогии мы называем «серендипностью».

Базовая безопасность через осязание

Для американского исследователя Эшли Монтегю базовая безопасность устанавливается между матерью и ребенком через осязание.

Он продолжил в этом работы Г.Ф. и М.К. Харлоу с детенышами шимпанзе (их воспитывали без матери, но рядом с ними всегда был манекен — или покрытый мехом, или держащий бутылочку с молоком) и доказал, что в ситуациях страха малыш укрывается в объятиях «мамы» в мягкой шкуре, а не той, которая кормит.

Монтегю продолжил также работы Хаммета над лабораторными крысами и доказал, что в условиях экспериментального удаления щитовидной и паращитовидной желез у крыс-альбиносов, крысы, которых трогали или гладили, выживали значительно чаще, в то время как другие — умирали.

Он выявил также, что восьминедельный человеческий эмбрион, пребывая в первичной водной «колыбели», снабжен кожей, имеющей способность препятствовать поглощению слишком большого количества воды и отвечать соответствующим образом на все химические, физические, неврологические изменения и изменения

температуры. Уже в этом возрасте (восемь недель от зачатия) зародыш реагирует на то, что его беспокоит. То есть кожа является такой же важной, как и мозг, в создании человеческого существа и его безопасности.

Напомним здесь работы Куо над соединенными попарно котятками, — один из них свободно бежит и тащит другого котенка в тележке, таким образом второй котенок перемещается пассивно и полностью изолирован от любого физического контакта с почвой. Когда котята, которых возили в тележке, вырастают, у них нет никакого чувства пространства и глубины, они не могут ни прыгнуть, ни удержаться от падения, когда находятся на высоте, например, на столе.

Работы Эшли Монтегю открыли путь к дополнительному пониманию психосоматики: благополучие или неблагополучие начинается именно с кожи и осязания. В этом основа двигательных зон мозга*, это демонстрирует важность двигательных функций, кинестезии и кожных ощущений для развития человеческого существа и для его социализации.

Напомним здесь, что, если в области осязания и запаха у животных появляется нечто постороннее, — мать может больше не признать детеныша, которого, например, трогали люди, и оставляет его умирать.

Во французском языке есть даже типичное выражение — «плохо вылизанный медведь», которое говорит о плохо социализированном индивидуе. Часто такой индивид никогда не обретает того, чего ему не додали в детстве, а именно — непринужденности, связанной с близким физическим контактом между новорожденным ребенком и матерью. Этот контакт мог оборваться по разным причинам, но, какой бы она ни была, чаще всего

* См.: W. Penfield, T. Rasmussen, *The Cerebral Cortex of Man*, New York, Macmillan, 1950.

раннее отделение ребенка от матери возникает за счет госпитализации матери или ребенка.

**Опора,
посадка всадника
и «связь с землей», или укоренение**

Многие специалисты считают, что то, как мы относимся к своей опоре (как говорят, имеем хорошую или плохую опору или посадку, как у всадника) существенно для нашей физической безопасности и соответственно для чувства безопасности человека в целом.*

Английская всадница Сали Свифт, основываясь на своей практике боевых искусств человека верхом на лошади, выявила пять ключевых систем: центрирование, дыхание, то, что она называет «мягкий взгляд», конструктивное целое (биомеханика человека в седле) и связь с землей. Вместе с умственным воображением — это ключи к тому, что она называет «центрированным конным спортом». Эти ключи позволяют добиться толчка и плавности движения в состоянии расслабления и, продолжая таким образом, достичь гармонии.**

Людей, имеющих затруднения с опорой, посадкой, равновесием, «связью с землей» и неблагоприятных, я заставляю делать *ползающее упражнение*, по Моше Фельденкрайзу***. Это упражнение, которое длится столько времени, сколько необходимо человеку (в ос-

новном от двадцати минут до часа), и состоит в том, чтобы воспроизвести всю эволюцию человека (как ее видят некоторые зоологи и антропологи), — то есть перейти из состояния рыбы в состояние рептилии, потом четвероногого животного, затем человека, ползающего как ребенок и с трудом перемещающегося по ковру. Затем выполняющий упражнение человек «поднимает свою маленькую попку», на что-нибудь опираясь (на табурет или на колени того, кто изображает папу или маму), и совершает свои первые шаги, переваливаясь с одной ноги на другую, прежде чем он начнет уверенно ходить.

Это упражнение дает удивительный результат, что касается непринужденности в осанке, равновесии, опоре и чувстве благополучия. Люди, которые раньше часто падали, плохо себя чувствовали или попадали в несчастные случаи, после этого упражнения, как по волшебству, прекращают это делать.

Во всяком случае видно, что у них отдохнувшие, расслабленные лица, ровный цвет кожи и блестящие глаза. Значит, произошло нечто важное.

Для голландца Франца Вельдмана (основателя гаптомии) базовая безопасность (ключевое понятие этой дисциплины) берет свое происхождение в тазовой области, возле крестца-промежности, там же, где зарождается *кундалини* — мы бы сказали: *жизненный порыв...*

лин. Мне случилось быть приглашенной Фельденкрайзом и находиться в доме, который он снимал в Сан-Франциско со своей командой (Райверэнт, Мириам Пфайфер и др.), и ассистировать на его уроках, показах и при уходе за больными. Я видела, как люди, которых привозили в инвалидных креслах, обратно уходили на своих двоих — благодаря простым средствам и здравому смыслу. У него я научилась еще и ползающим упражнениям, которые ставят на ноги многих людей с различными травмами.

* См.: N. Bounine Cabale, *Vivre debout, ou l'équilibre retrouvé*, Paris, Lattes, 2005.

** S. Swift, *La Nouvelle Equitation centrée. Aller plus loin*, Paris, Zulma, 2006.

*** Я встречалась с Моше Фельденкрайзом по предложению Бориса Дольто, когда организовывала в Париже, в 1963 году, Первый международный конгресс по психодраме, так как мне казалось важным, чтобы этот конгресс открывали психоаналитики и телесные специалисты, такие как: Моше Фельденкрайз, Герда Александер и Лора Ши-

**Питер Пэн,
гавань милосердия
и страна «Никогда, никогда»**

Это еще один потерянный рай приятных детских воспоминаний тех, у кого была возможность провести достаточно счастливое детство в «достаточно хорошей» семье, даже если этот потерянный рай не всегда был безоблачным.

История Питера Пэна, ребенка, который не хотел взрослеть, напоминает нам драму страны «Никогда, никогда», куда мы больше никогда не сможем вернуться, и то страдание, которое любой ребенок переживает при рождении следующего, — того, кто часто выталкивает его с привычного места возле матери или из колыбели, постели или комнаты.

Ученики Франсуазы Дольто, одним из которых я также являюсь, умеют распознавать то особое першение в горле, связанное с эмоцией, блокирующей дыхательные пути, и указывающее на наличие затруднений в отношениях между матерью и ребенком, чаще всего, в возрасте двух или трех лет.

Когда хороший клиницист, умеющий наблюдать, замечает это першение, то задает соответствующие вопросы и легко открывает дверь к забытым или вытесненным из памяти областям, которые разблокируют эмоции, пробудят воспоминания и освободят речь.

Кэтлин Келли-Лэйнэ в книге «Питер Пэн, или Печальный ребенок» приводит много клинических случаев с травмами отделения и не-возвращения — страна «Никогда, никогда», — травмами детей из так называемых нормальных семей и семей различных изгнанников, эмигрантов и детей беженцев, которые не смогли проститься со страной своего детства.

Тогда чаще всего люди обретают гавань милосердия в психотерапии при работе с трансгенерационным и с геносоциограммой. Во время такой работы в психогенеологии, с ее базовой безопасностью, мы обнаруживаем самих себя...

ГЛАВА XIII

БЕЗ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

Быть признанным, иметь самоидентичность и свое место, даже профессию — важно в любом обществе. Но это не всегда и не всем доступно...

Вернувшиеся

Роман Бальзака «Полковник Шабер», написанный по реальной истории, рассказывает, как человек, прослывший мертвым, затем возвращается, израненный и никем не узнаваемый.

В сражении при Эйлау полковника Шабера, графа Империи, тяжело ранили в голову ударом сабли. Наполеон отправил своих хирургов на его поиски, но те, издалека увидев сабельный удар, не соизволили даже приблизиться, чтобы посмотреть, смогут ли они его спасти.

Таким образом Шабер был объявлен мертвым, а его вдова во время июльской монархии снова вышла замуж. От этого нового союза у нее родилось двое детей.

Но оказалось, что, неизвестно каким чудом, Шабер выжил. Он даже сумел вылезти из могилы, в которую его бросили голым, поскольку посчитали мертвым. В конце концов, он возвращается в Париж — пешком, оборванный и без документов. Его «вдова» отказывается принять его.

Ему трудно доказать свою личность, поскольку документов у него больше нет, к тому же он искалечен раной и от перенесенных испытаний раньше времени состарился.

Адвокат, которого тронула его история, поверил в его аутентичность и согласился заняться этим делом, чтобы помочь полковнику выжить — разыскать следы документов и получить от его жены часть личного состояния, что в конце концов ему и удается.

Шабер возобновляет жизнь, социально скромную жизнь, но становится одержим своей женой.

Он напоминает ей абсолютно точные подробности, доказывающие его личность. Но та манипулирует им и, чтобы он исчез, заставляет подписать ложное заявление. Так он заканчивает свою жизнь в больнице для неимущих.

Эта история иллюстрирует несколько важных тем. Сначала — тему жизненного порыва, стремительного роста — который удесятерит человеческие силы, чтобы выжить.

Если надежда заставляет жить, отсутствие надежды гасит жизнь. Также здесь мы во всей красе наблюдаем изнурение человека всевозможными бюрократическими, административными и судебными действиями, которые провоцируют у Шабера депрессию, упадок сил и которые могли бы стать для него фатальными, если бы ему не протянули руку помощи или если бы он не смог или не сумел за нее ухватиться.

Измученный, полковник Шабер заявляет: «Я должен вернуться в загробный мир». И — фактически — он собирается «замолчать» и «хоронит себя».

В романе ясно показана значимость общества и его структур, так же как и необходимость иметь в нем признанное место.

Не следует путать совпадение и случай

Случай Нану демонстрирует нам ситуацию возвращения людей, ошибочно объявленных умершими, а также странные, но ничего не означающие факты.

Нану с детства жила в Париже. На лето ее регулярно отправляли в Англию, чтобы она совершенствовала свой английский.

Летом 1938 года она встретила в Лондоне Реджинальда. Они переписывались, затем в 1940 году обручились, не видевшись. Июнь 1940 года — бушующая волна танков, и коммуникация между Англией и оккупированной Францией оказалась разорвана. Реджинальд ищет Нану через Красный Крест и узнает, что ее отнесли к пропавшим без вести и объявили умершей.

В отчаянии он отправляется на фронт и получает тяжелое ранение. Медицинская сестра «спасает» его своей самоотверженностью, и он женится на ней. А фотография «бедняжки Нану, умершей такой молодой» так и стоит у него на камине. У пары появляется дочка, родившаяся слепой, и они возвращаются в Лондон.

Но Нану выжила во время войны, нацистской оккупации, во время Сопротивления и его опасностей, — можно сказать, благодаря чуду. В самом деле, отправившись на юг Франции и став заместителем вожакой отряда разведчиц (протестантских скаутов) в марсельской Армии спасения, она помогала самым разным людям.

Потом она жила в Але. Экономка комиссара полиции города была связана с марсельской Армией спасения. Она узнала, что Нану — в списке людей, которых собираются арестовать на следующий день. Тогда она воспользовалась своим расположением у комиссара, и тот пришел к Нану вечером накануне запланированного ареста, чтобы предупредить ее.

Найдя Нану в лихорадке, комиссар решает, что она не в состоянии уехать в Испанию через Пиренеи, как он предполагал. Чтобы срочно выйти из положения, он присылает похоронную машину и заставляет на ней перевезти Нану, завернутую в сукно. Ее привозят куда-то в Лозер, к крестьянам-гугенотам — и это спасает ей жизнь.

Таким образом, она — живая, но социально умершая, поскольку соседи видели, как ранним утром отъезжала похоронная машина. Война потрясла много жизней, Сопротивление изменило и эту девушку.

Когда воцарился мир, во время одного конгресса Нану возвращается в Лондон и встречает Реджинальда самым невероятным образом, — как раз накануне свадьбы со своим французским женихом. Она жива и здорова. Реджинальд сильно потрясен и разрывается на части.

Но почему же ребенок родился слепым? Нет, то, что он слепой, не является мстью судьбы за его неверность Нану! Это — чистое совпадение, жизненная случайность и ни что другое. И это не является ни ошибкой, ни следствием чего бы то ни было. Некоторые вещи возникают случайно, они ничего не означают и их не надо расшифровывать.

Я рассказала об этом клиническом случае, чтобы показать, до какой степени может быть опасно придавать всему смысл и впадать в «манию совпадений», которую поддерживают некоторые дебютанты или шарлатаны в области трансгенерационного и психогенеалогии, даже если в этой правдивой истории и есть вещи, которые объяснены своим возникновением не только случаю, то — может быть, скорее счастливой случайности — «серендипности».

Эта история должна быть отнесена к многочисленным, вполне неправдоподобным и однако вполне подлинным рассказам времен войны и Сопротивления. Очень вероятно, что в ней можно увидеть нечто, связанное с боль-

шой бескорыстной помощью, которую оказывала сама Нану. Так как, если зло, которое мы делаем, в состоянии возвращаться и противостоять нам, подобно бумерангу, так же обстоят дела и с добром.

Не будем забывать, что у любого действия есть непредвиденные краткосрочные или более или менее долгосрочные последствия.

Истории «умерших», вернувшихся к своей семейной и социальной жизни, — основное блюдо утренних телесериалов. Публика настолько его обожает, как если бы это отвечало потребности или принуждению со стороны предков.

Бомжи, люди без документов, беженцы, рабы

Прежде отверженные жили во «Дворе чудес». В Средние века бездомные бродяги составляли половину населения.*

После каждой войны также появлялись беженцы — без документов, с шаткой судьбой. В 1920 году норвежец Нансен учредил «паспорт Нансена» для русских беженцев и беженцев других национальностей, для того чтобы позволить им законно путешествовать и нормально устроиваться. Многие смогли натурализоваться там, где они оказались, и обустроиться.

В конце XX века как и в начале XXI века мы вряд ли сможем найти гуманное, терпимое решение для тысяч, даже миллионов беженцев, находящихся в лагерях по всему миру, как и покончить с рабством детей и взрослых.

Во Франции, существует целая популяция бомжей (людей без *определенного места жительства*), живущих под мостами или во временных укрытиях, — это ставит их в

* См.: A. Vexliard, *Le Clochard*, nouv. éd., Paris, Desclée de Brouwer, 1998.

невыгодное положение при поиске работы и квартиры. Кроме того, существуют и такие (часто они имеют иностранное происхождение), кто живет и работает нелегально — это люди без документов.

Вернуться обратно, чтобы интегрироваться, потом открыть себя заново и принять

Совсем нелегко вылечить семейные раны и вновь обрести себя, всего себя, и нелегко суметь пройти жизненный путь и надеяться на возвращение, как это описывает поэт Белле:

Блажен, кто странствовал, подобно Одиссею,
В Колхиду парус вел за золотым руном
И, мудрый опытом, вернулся в отчий дом
Остаток дней земных прожить с родней своею;
Когда же те места я посетить сумею,
Где каждый камешек мне с детских лет знаком,
Увидеть комнату с уютным камельком,
Где целым княжеством, где царством я владею!

Перевод В. Левика

Ностальгия по своим корням, — Ева восхитительно говорит об этом в своей автобиографической книге «Берлин Евы».

Эта американка «хороших кровей», достигшая большого социального, профессионального, семейного и финансового успеха, рассказывает, что на пенсии она «почувствовала себя обязанной» вернуться к местам своего детства — гитлеровскому Берлину, который бомбардировали союзники, — вернуться к его травмам и радостям — особым и значимым для ее глубинного существа.

Она описывает свой шок — получив камнями от своих бывших друзей по кварталу и не понимая почему (она была полуеврейкой, а они — юными гитлеровцами). И главным образом — шок от «успокоительных» речей своей немецкой бабушки-протестантки, которая перевязывала ей маленькие ранки и даже ссадины, но отказывалась понимать ее переживание и травму, когда «друзья» забрасывали ее камнями.

Это невыслушанное переживание, этот семейный секрет (ее смешанное происхождение социально неприемлемое в то время) «полностью и во всех отношениях» отрицается ее родной бабушкой.

Но для Евы это невыказанное, отрицаемое и отвергаемое стало огромной травмой.

После отказа бабушки говорить об этом она почувствовала себя опозоренной, будто заклеянной каленым железом (символически) — в теле и душе, на всю жизнь. Это ужасный след.

Ева рассказывала мне об этом, как рассказывала и о моментах радости и счастья после бомбардировок или между бомбардировками — будучи ребенком, они играли с подружкой в дымящихся развалинах — в воронках, «островах сокровищ» и секретных садиках.

Да, дети могут смеяться надо всем, играть со всем, и даже во время войны и ее трагедий — чувствовать счастье и, следовательно, иметь счастливые воспоминания.

В 2007 году Ева приехала в Париж, чтобы выступить в книжном магазине, в литературном кружке Шекспира и Сие, и ко мне. Она ищет отклик.

Она рассказала, насколько был труден ее жизненный путь, но, в конце концов, она «вновь обрела саму себя», или, как мы говорим, — «вернулась к себе».

Отметим, что англичане отличают «быть собой» (*be oneself*) и «вернуться к себе» (*at home*) в свой дом, к сво-

ему очагу. Различие между «собой» и «своим очагом», «местом происхождения», из которого мы берем начало, — значимо.

Ева говорит с волнением: «Это так несправедливо — быть слишком немецкой протестанткой, чтобы мне с моей матерью-протестанткой разрешили остаться в нейтральной Голландии во время начала гитлеризма, и — быть недостаточно еврейкой, чтобы мне разрешили следовать за своим еврейским отцом, эмигрировавшим в США».

Она плачет, рассказывая о том, как другие воспринимали ее, исходя из своих собственных проекций, но никогда такой, какой она была на самом деле — происходящей из смешанного брака, за что она расплачивалась всю свою жизнь.

Да, несмотря на все произносимые речи, наши общества являются расистскими, — я описала это в своем исследовании «социальной дистанции», где показала, что во время поездки или отпуска мы принимаем другие расы, но не тогда, когда нас это беспокоит: как соседей по этажу или супругов для своих детей, несмотря на их некоторые яркие успехи — так исключение лишь подтверждает правило.

Но это — другая история...

Ева рассказала также о своем шоке и отвержении со стороны других, которое она пережила по прибытии в США, поскольку не жаловалась на свое прошлое в бомбардируемой гитлеровской Германии, и о том, что она чувствовала себя в Америке «другой», она их «беспокоила».

С того первого раза в 1946 году она была отвергнута как неблагодарная (не оценила своего счастья укрыться в США) и пронемецкая. Именно это заставило ее сде-

лать «все», чтобы адаптироваться, принять (с трудом) свое имя, американизированное ее отцом, и растаять в американской культуре, став более американской, чем сами американцы, и очень хорошо в этом преуспеть.

И однако...

Выйдя на пенсию, она захотела вернуться назад, в Берлин своего детства, вернуться к его страданиям и его радостям. Ее потребность опубликовать свою автобиографию — это как вишенка на торте — чтобы сделать свое сердце чистым, отмыть и очистить память и вновь обрести себя.

Очистить свою историю — отмыть и «очистить свое генеалогическое древо» и принять жизненные факты, поступки и ситуации различных предков.

Как об этом поет нищий Франсуа Вийон в «Балладе о повешенных»:

Терпимей будьте, братья люди, к нам,
Что раньше вас прошли земным путем.
Коль явите вы жалость к мертвецам,
В свой срок и вам Господь воздаст добром.*

И поэт Арагон:

И тот, кто верил в небо, и тот,
Который в него не верил.
И было не важно, что каждый зовет
Иначе заветный берег,
Что помнит один про церковный свод,
Другой — вспоминать не намерен.
Но тот, кто верил в небо, и тот,
Который в него не верил,
Не знали, что значит душевный лед,
Что значит холод неверья.

* Перевод Ю.Б. Корнеева. — Прим. ред.

...

И тот, кто верил в небо, и тот,
Который в него не верил.
Когда поля наши град сечет,
Для распрей закрыты двери,
И только безумец их примет в расчет,
Об общих забыв потерях.

...

Пусть роза цветет, резеда цветет,
... Расскажут виолончели
О тех, что в годы великих невзгод
Одной любовью горели.*

Ева залечила некоторые из своих семейных ран. Но похоронила ли она прошлое и смогла ли вылечить все семейные раны? Она на пути к этому.

Это длинная работа по переработке (*perlaboration* — как говорят психоаналитики), по осознанию задним числом, по «перевариванию» прошлого — своего собственного и своих предков. Так как «свои» предки — и все наши предки в целом — сделали все, о чем мы знаем или не знаем, и о чем мы хотели бы думать, как об исключительно «хорошем» или «плохом» в нашей семье.

Мы не можем изменить произошедшее, разве только по-настоящему раскаяться в нем еще при жизни, и попытаться «исправить» его, испросив прощения у живых — или у их близких, если они скончались. Часто бывает необходимо проделать целую работу по совершению траура и завершению. И изобрести ритуалы.

Факты — это факты, и факты упрямы.

В настоящее время Ева уехала к своей американской семье, но у нее есть намерение вновь вернуться в места своего детства: «Блажен, кто странствовал, подобно Одиссею...»

* Перевод М. Кудинова. — Прим. ред.

ЕСЛИ НЕТ ДОСТУПА К СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ

Многие люди не имеют доступа к семейной памяти.

В частности, у большей части усыновленных детей, «Х»-рожденных, тех, кого прежде называли «найденнышами», а сегодня «детьми УССД»*, существуют серьезные проблемы идентичности.

«Дети из прорирки» также не знают своего «донора», и встревоженные — ищут напрасно.

Многочисленные эмигранты, главным образом, из центральной Европы, но также из Африки, тоже полностью отрезаны от своих корней и своей семейной памяти.

Выжившим во время различных геноцидов, кто бы они ни были — евреи или камбоджийцы, армяне, тутси, хуту или другие, — тоже некого спросить.

Это касается также выживших после недавнего цунами, после землетрясений, или детей, выживших при бомбардировках и других военных действиях.

Что делать?

Наиболее простое — это констатировать факты: типология, цвет кожи, тип волос и глаз, и выдвинуть этническую, региональную и культурную гипотезу.

* УССД — управление по санитарным и социальным делам во Франции.

Затем — читать книги по истории и географии и пытаться расположить себя в историческом контексте.

Усыновление и семьи в зеркале

Усыновление не происходит случайно. Многие из моих коллег и я сама с удивлением это констатировали.

Я помню случай одного ребенка курдского происхождения, усыновленного через УССД Гренобля. Оказалось, что он носит то же самое имя, что и его приемный отец; как и его приемный отец, он является сыном пятнадцатис-половиной-летней матери; как и его приемный дедушка по материнской линии является выжившим при мертвом близнеце; и как у его приемной сестры, у него были лишние резцы, которые надо было удалять!

В те редкие разы, когда мы находим генетическую семью усыновленного ребенка, оказывается, что она как в зеркале повторяет семью, его усыновившую; это констатировали и во Франции, и в Швеции.

Наиболее значимой клинической историей в этой области остается для меня история одной молодой женщины, — назовем ее Люси, — которая из-за серьезной генетической болезни решила не рожать ребенка сама, но усыновить его издалека. Она усыновила маленького мальчика из Индии. Но два года спустя пришлось признать очевидное: ребенок болен. Оказалось, что в Париже его будет оперировать тот же хирург, который оперировал Люси — двадцатью пятью годами раньше и с тем же диагнозом. У судьбы немного особое чувство юмора...

«Поли-отцы» и «поли-матери»

В VII главе я уже цитировала врача-психиатра Франсуа Тоскеля, который говорил о «поли-отцах» и о «поли-матерях».

Например, у ребенка, — назовем его Шарль, — в качестве матери выступают: мать, которая его родила, бабушка, которая его воспитывала, соседка, которая оберегала его после смерти бабушки.

У молодого врача, Жака, в роли отца присутствуют — отец, скончавшийся до его рождения, отчим (муж его матери) и деревенский врач, который взял его под свою опеку и заставил учиться.

Связь, называемая «нормальной», может оказаться фиктивной

Многие приемные или незаконнорожденные дети после смерти одного из их родителей, хранивших секрет, обнаруживали, что их усыновили. И если они предпринимали поиски и находили своего настоящего родителя, чаще всего оказывалось, что уже чересчур поздно — он только что умер.

Комбинированное генетическое и психосоциологическое исследование доказывает, что связь, называемая нормальной, — это социальная фикция: любой ребенок, рожденный у законной пары и зарегистрированный под фамилией мужа, может оказаться добрачным сыном или ребенком от совершенно другого мужчины, однако законным мужем его матери.

В одних случаях ребенок будет это знать, в других — он будет единственным, кто этого не знает, а в иных случаях — он никогда этого и не узнает или узнает позже от посторонних лиц.

Оплодотворение с помощью «донора»: случай Жерара

У Жерара иногда появляется внутренняя неуверенность — и это очевидно. То, чего он не знает, — это то,

что его законный отец не мог иметь детей (о чем этот последний узнал только после своей женитьбы) и что его мать, при согласии мужа, была оплодотворена донором.

Вся семья его матери знала это, так как бедняжка обращалась за помощью к своей матери. Отцовская семья не знала ничего, потому что для этих суровых людей мужественность фундаментальна во всех ее проявлениях.

После смерти дедушек и бабушек, тети со стороны матери настаивали, чтобы Жерару сказали, что его законный отец, чье имя он носит, не был его генетическим отцом, а только «отцом сердца». Жерар обожал своего отца, и тот принимал это. Отношения между отцом и сыном были хорошие.

Но как ему сказать? Никто не осмеливается его просветить, хотя сестры и тети матери все знают, и это создает трудные ситуации. И чем дольше все ждут, тем труднее сказать.

Тем временем, Жерару трудно наладить свою жизнь, и он уезжает из страны. Однако далекий отъезд никак не решает существующую проблему, и его внутреннее неблагополучие следует за ним.

«Х»-рожденные: случай Мари-Пьер

Мари-Пьер — «ребенок УССД», родившаяся от «Х». Она встревожена, обеспокоена, ей неуютно наедине с собой, и она приходит проработать это в психодраме. Я использую технику сверхреальности и провожу психодраму, — помощник терапевта при этом играет роль ее найденной матери. Ее внутренние переживания заставляют ее хотеть, чтобы кто-то взял ее на руки и убаюкал, любимую и желанную, и этот телесный опыт снимает большую часть ее тревоги. Позже она напишет мне, что наконец спокойна и в ладу с собой.

Эта история могла бы на этом и закончиться.

Однако после пережитого в психодраме она решила возвратиться в УССД и попросить кого-нибудь показать ее документы. Дама, которую она встретила в УССД, отказала ей в просьбе. Тогда Мари-Пьер воскликнула: «У вас есть письмо моей матери, предписывающее никогда не показывать мне мое досье»? Удивленная служащая ответила: «Нет, конечно». Тогда Мари-Пьер уверенно потребовала: «В таком случае ничто не мешает вам мне его показать. Дайте мне его». Застигнутая врасплох столь твердым приказом служащая вручает Мари-Пьер ее досье.*

Так, Мари-Пьер обнаружила, что рождена от женщины по имени Моника, родом из маленькой деревни в Альпах. Мари-Пьер отправилась туда и прежде всего навестила кюре, который поощрил ее в ее действиях и указал ей на дом Моника. Мари-Пьер входит в этот дом, устремляется к некой даме в возрасте и обнимает ее. Дама позволяет ей это сделать, и у Мари-Пьер даже создается впечатление, что та ее принимает.

В этот момент входит молодая женщина примерно того же возраста, что и Мари-Пьер, и восклицает: «Уйдите! У моей матери нет других детей кроме меня!» Мари-Пьер возвращается к кюре, который тоже считает маловероятным, чтобы две разные женщины по имени Моника родили двух разных девочек в один и тот же день, и думает, что ее мать просто не осмеливается признаться законной дочери, что до нее был еще один ребенок.

Мари-Пьер не знает, что делать: она довольна, что увидела свою мать, растерянную и заинтересованную, и в то же время не хочет скандала. Она поговорила об этом

со своим мужем, который приехал на машине вместе с ней. Придя к согласию, они решили осмотреть деревню, кладбище, окрестности и показать своим детям.

Независимо от того, что могла сказать или сделать официальная Моника «Х», для Мари-Пьер — она увидела свою мать, увидела дом своих предков, увидела и почувствовала жизнь в деревне и ее трудности, и решила позже инкогнито привезти сюда детей, чтобы они тоже знали, откуда родом.

Несколько лет спустя она возобновила контакт со мной, чтобы сообщить о том, что у нее, мужа и детей все в порядке, что она обрела спокойствие и чувствует себя внутренне цельной и собранной.

Когда у нас нет доступа к семейной истории, все же мы можем найти свое место в мире. Часто мы обретаем духовную семью, которая стоит всех изначальных семей, — например, в психотерапевтической группе.

Это возвращает нам базовую безопасность, чтобы продолжать жить, — о чем так хорошо знают отвергнутые дети.

* Что касается «Х»-рожденных, в настоящее время законодательство изменилось, и просмотр документов о рождении целиком в их власти. Однако, клинических случаев, которые здесь описаны, в свое время эти меры не затронули.

**«БЕЛАЯ» ПЕДАГОГИКА,
«ЧЕРНАЯ» ПЕДАГОГИКА –
В НАСЛЕДСТВО,
«ТОКСИЧНЫЕ» РОДИТЕЛИ**

Белая педагогика действует с помощью поощрений, в то время как черная добивается результата наказаниями.

Напомним здесь произведения Элис Миллер, в частности «Это для твоего же блага: корни насилия в воспитании ребенка», «Ребенок под террором» и «Наше тело никогда не лжет», которые способствовали популяризации выражения «черная педагогика».

И сразу отметим, что белая и черная педагогика — и та, и другая — радикально отличаются от работ Карла Роджерса по недирективности и работ его последователей.

Понятие черной педагогики было разработано Катариной Рутцки для того, чтобы описать и объяснить вред воспитания, которое старается сломить волю ребенка, — оно исходит из предпосылки, что ребенок изначально плохой и его нужно обучить подчиняться взрослым, — идет ли речь об его родителях или его учителях.

Что касается американского терапевта Сьюзен Форвард, — она придумала термин «токсичные родители» и назвала так одну из своих книг.

То, как нас воспитывали, оставляет след на каждом из нас, а часто коварным образом и на наших потомках. Какими мы будем зависит от того, хорошо или плохо с нами обращались в самом начале жизни и после — и это окрашивает нашу жизнь и наши действия почти несмылаемо.

Воспитание телесными наказаниями с унижением ребенка, которого часто заставляют стыдиться того, кто он такой и/или того, что он делает, совсем даже не исчезло в XXI веке.

Униженный ребенок, которого считают «зверем» или «плохим» и «злым», часто не может наладить свою эмоциональную жизнь, терпит неудачи в профессиональной жизни и заваливает экзамены. В свою очередь, он часто будет унижать и обижать тех, кто от него зависит, как это было в его семейной или профессиональной жизни.

«Порядок клевания» в курятнике — кто ест первым, обслуживает себя первым и бьет клювом (карая и иногда смертельно) других — от менее сильных, чем он, до самых слабых — этот «порядок» до сих пор существует в человеческом мире (профессиональном, военном и др.) и во Франции, и в других местах. Даже сегодня — в XXI веке! — мы терпим профессиональное преследование, рабство и принуждение к работе совсем маленьких детей, а в некоторых странах — даже их продажу...

Белая педагогика — способ приятный, но твердый — это способ воспитывать детей, помогая их развитию, поощряя их усилия и не вынося о них суждений. Она ясно различает самого человека и его хорошие, плохие или опасные действия, указывая границы поведения и ориентиры.

Увы, это не всегда было принято поколением родителей «после 1968 года», которые в то время были детьми или подростками. Господствовавшая тогда мода на удовольствие, с ее извращенным преувеличенным акцентом на потреблении, часто сопровождалась отказом от усилий целого поколения детей, «воспитанных», если можно так сказать, примиренческими, отсутствующими, задавленными, безразличными родителями, чувствовавшими себя бессильными или обесцененными, или теми, кому воспитания вообще не досталось.

Однако в данной книге стоит больше говорить о черной педагогике, — от нее еще страдает столько людей, которые не могут преуспеть в жизни, — чем о белой.

Даже если у самих счастливых людей нет истории, — обычно у детей тех, кто сильно преуспел в жизни, все же есть проблемы, поскольку трудно иметь «образцы» и чувствовать себя неспособными их повторить, — барьер тогда становится слишком высок.

Но это уже другая история...

Черная педагогика

Чтобы понимать распространение черной педагогики и наказаний, подобно кнуту в доме или на новогодней елке, надо вспомнить, что, среди людей, которых мы встречаем — я или мои непосредственные ученики — и это в 2007 году! — многие сорокалетние или пятидесятилетние люди в детстве или в юности были биты кнутом или этим им угрожали.

Важно не путать действительно битых кнутом или ремнем детей, и тех, кому родители однажды показали границы дозволенного — пощечиной или поркой, в исключительном и единственном случае, — так как вред вседозволенности столь же опустошительен, как и вред побоев.

Мы не будем говорить здесь, в частности, о детях-мучениках и родителях-садистах, а также об отцах-алкоголиках, разряжающихся на жене и детях, — но только о частоте применения тяжелых телесных наказаний в семьях, называемых «нормальными».

Как я уже говорила, черная педагогика стремится сделать из ребенка покорное существо. Поколения родителей и преподавателей, часто монахов, пользовались этим принципом воспитания, основанном на идее, что ребенок плохой с рождения, — значит, его надо воспитать и направлять на верную дорогу. Наиболее частые средства

черной педагогике — унижение и телесные наказания, они отвечают потребностям воспитателя, но разрушают уверенность ребенка в себе, тем самым делая его комплексованным и неуверенным.

Жестокость применения телесных наказаний скрывается под маской привязанности: мы хотим убедить ребенка, что все это для его же блага или что он это заслужил. Его настоящие чувства будут вытеснены, а напряжения будут записаны в теле.

Элис Миллер развила понятие *черной педагогике* и выявила ее разрушительные последствия, вскрыла корни насилия в воспитании. В частности, она отмечает неожиданно появляющиеся близ периода Рождества соматические расстройства, вызванные боязнью «отца Фуэттарда»*, которым пугали детей на севере и западе Франции, в Бельгии и в Голландии.

К моему большому удивлению, во время супервизии группы (Париж, декабрь 2006), состоящей из терапевтов и групповых ведущих, оказалось, что пять участников из шести имели в доме плетку и были биты ей своими родителями. Иногда дети подрезали ремешки плетки, тогда для битья использовалась ее ручка или кочерга. Кроме того, я знаю двух людей, которым плетка (и не игрушечная) была подарена на Рождество! Еще меня удивил возраст участников — от 25 до 40 лет, это означает, что во Франции в 1990 годах, возможно в «обычных» семьях, с детьми все еще сражались этим «орудием». Черная педагогика — всегда ли она существует только в книгах?

Эммануэль Пиэт, занимающаяся детьми, подвевнувшись жестокому обращению, напоминает, что «битье» ребенка приносит пользу только родителю и что воспитательная ценность этого для ребенка ограничивается тем, что он обучится бить, в свою очередь...

* От фр. *fouet* — кнут, *fouetter* — хлестать, стегать. — Прим. пер.

Черная педагогика прокладывает дорогу неврозу, насилию — по отношению к себе или другим, так как она презирает и преследует ребенка, подавляет жизнь, творчество и чувствительность.

Основы (часто неосознанные) черной педагогики заключаются в следующем:

1. Взрослые — учителя еще зависимого ребенка.
2. Взрослые различают добро и зло как боги Олимпа.
3. Их гнев — продукт их собственных конфликтов, но они делают ребенка ответственным за них.
4. У них всегда есть потребность быть защищенными и быть родителями, то есть быть непогрешимыми.
5. Живые чувства, которые испытывает ребенок к своему учителю, опасны.
6. Надо как можно раньше, — чтобы ребенок этого не заметил, — навязать ему свою собственную волю, чтобы он не смог предать или обмануть взрослого.

Крайняя разрушительная способность

Нет недостатка в иллюстрациях ущерба от такого воспитания, ведущего к крайней деструктивности детей. Яркий пример этому — Гитлер — результат накопленной ненависти, приведшей к миллионам жертв.

Общие ключевые моменты искаленного детства, приводящие к нацизму, инфантильности, наркотикам, проституции и садистской преступности — следующие:

1. Разрушающая способность появляется как разрядка ненависти, накопленной и вытесненной в детстве, и переносится на других или на себя.
2. В детстве человека постоянно глубоко обижали и унижали, — он рос в климате жестокости.
3. Здоровая и нормальная реакция на такой тип отношений — нарциссическая ярость крайней интен-

сивности, однако в авторитарных семьях ее выражение строго подавляется.

4. За все свое детство эти существа никогда не встречали взрослого, которому могли бы доверить свои чувства и особенно свое чувство ненависти.
5. У таких людей существует импульсивная потребность сообщить/передать миру свой опыт перенесенного страдания (в упомянутом случае имелся некоторый дар устного выражения).
6. Поскольку путь простого и безопасного общения в детстве был им недоступен, они могли разговаривать с миром только путем бессознательно разыгрываемых мизансцен (постановок).

Подобные постановки во внешнем мире вызывают чувства ужаса и отторжения.

С одной стороны, своими компульсивными повторениями такие существа привлекают к себе внимание — как ребенок, который под ударами плетки получает внимание, хоть и опасное.

С другой стороны, эти существа не получали в детстве никакой нежности, — а именно это связано с появлением разрушительных импульсов и приводит к трагическим последствиям.

Парадоксальные коммуникации

По мнению Франсуазы Дольто, три поколения семейной путаницы могут создать условия для появления в семье психотика.

Полезно сопоставить это утверждение с точкой зрения, которую развивает американский психиатр и психоаналитик Гарольд Сирас в книге «Попытка свести с ума другого».

H. Searles, L'Effort pour rendre l'autre fou, Paris, Gallimard, coll. «Folio», 2003.

Поощрять

Что касается белой педагогики, то она рекомендует взрослому сопровождать ребенка, как физически, так и морально. Ребенку это жизненно необходимо, так как детеныш человека рождается незавершенным.

Ребенок нуждается в социальном и семейном структурировании, чтобы жить, а не только чтобы выживать, чтобы не превратиться в «недолизанного медведя», — это типично французское выражение, когда говорят об одиноком существе. У такого «медведя» затруднения при объединении с другими или он чересчур требует совершенства от всех остальных — чересчур, чтобы быть социально принятым — за исключением редких случаев, когда мы все его принимаем как «эксцентричного», например, если у него крупное состояние или он знатного рода, или что-то другое.

Чтобы позволить ребенку полностью развиваться, его сопровождение взрослым должно соответствовать следующим принципам. Необходимо:

- 1) уважать ребенка;
- 2) уважать его права;
- 3) терпимо относиться к его чувствам;
- 4) стремиться обучать ребенка соответственно его природе и склонностям, учитывая, что дети более чувствительны и ранимы, чем взрослые, и переживают свои чувства более интенсивно и непосредственно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИНЯТЬ СЕМЕЙНУЮ ГРУДУ ХЛАМА И ВЫБРАТЬ ИЗ НЕЕ СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

Психогенеалогия — и главным образом ее историческая и клиническая версии — позволяет заново приспособиться к своей личной и семейной истории, лучше вписать себя в прошлое и будущее и навести порядок на «стройке», оставленной нам предками.

Как и с любым наследством, каждый получает обширный диапазон вещей и чувств: хорошее, плохое, опасное, и еще нечто, с чем мы совершенно не знаем, что делать.

Мы можем решить сохранить часы, столовое серебро и некоторые хорошие воспоминания и освободиться от лишнего — бесполезных, использованных, непригодных вещей или всего того, что совершенно не соответствует нашей эпохе.

Психогенеалогия позволяет:

- * сохранить лояльность, которая нам присуща;
- * проявить все то, что может быть радостным, почетным, приятным и мирным;
- * снять с себя груз ошибок, страданий, ран и пережитков прошлого;
- * принять тот факт, что в прошлом нашей семьи могли быть плохие, постыдные и невысказанные, не получившие завершения драмы, потери, которые

невозможно принять (например, случаи плохой смерти или болезни), — и принять все это со смирением, чтобы наконец жить своей жизнью.

Английская поговорка или пословица гласит: «Right or wrong, my country», что можно было бы перевести так: «Хорошая или плохая, справедливая или нет, моя страна — это моя страна».

Мы могли бы так же сказать: «Что бы ни было в моем семейном прошлом, что бы мои предки ни сделали или чему ни подверглись, что бы они от меня ни скрыли «для моего же блага» или от стыда, моя семья — это моя семья, и я ее принимаю, так как не могу изменить прошлое».

Но *перерабатывая* свое семейное прошлое, я могу от него дистанцироваться и взять в свои руки нить *своей* жизни.

Философ Поль Рикер в книге «Вольное и невольное» (1960) пишет о воле к жизни и о принятии того, чем невозможно управлять, того, что от нас ускользает, относясь к произвольности жизни. Мы не выбираем свою семью, но можем согласиться с тем, что мы в ней родились, и заново к ней приспособиться. Эта позиция противостоит позиции «бунтующего человека» Камю и философов абсурда.

Часто после переработки опыта с помощью психогенеалогии мы отмечаем исчезновение симптомов, а также прекращение повторяющихся событий или вредных или неприятных ситуаций. В некоторых случаях за этим следуют примирения, находки.

Глубинно перерабатывать личное и семейное прошлое — чаще всего это значит обнаруживать многочисленные повторения и таким образом суметь освободить живых или тех, с кем мы общаемся, отправив трагедии и «плохое» к далеким предкам.

Это вернет семейной жизни несколько большую подвижность и уменьшит возможную горечь и обиды... на пользу — или в ущерб — предкам.

Построение своей геносоциогаммы — это еще и время высвобождения речи, время принятия того, что было, того, что есть, своей принадлежности. Это возможность по-новому взглянуть *на семейную комплексность*, рассмотреть со всех сторон трудности — преодоленные или нет каждым поколением.

Кроме того, это путешествие во времени приглашает нас понять, как наша собственная история, наши маленькие истории — наши трудности и драмы — вписываются в *большую историю* и в социальную эволюцию.

Подняться по своему «генеалогическому древу», «всюду сунув свой нос» — значит позволить себе включиться в прошлое или оторваться от него, или оплакать — за себя и всех своих, выйти из предписанных ролей, «очистить древо», залечить семейные раны, завершив трауры и незаконченные семейные задачи — и немного овладеть тем, что мы передаем своим детям.

Наконец, я хочу еще раз напомнить, что, если и можно размышлять над своей историей в одиночку и/или со своей более или менее расширенной семьей, все-таки основательнее и безопаснее делать это вместе с настоящими специалистами.

Взгляд со стороны — более нейтральный, доброжелательный и также более *поддерживающий* — позволяет не натолкнуться на подводные камни «интерпретации любой ценой», и кроме того — отклик малой группы обогащает и помогает найти смысл. В малой группе нередко удается, благодаря «счастливому случаю», восполнить недостающую в семейной истории информацию и увидеть, как память одних будит память других...

Поддерживающая группа разрешает гнев, выражение невысказанной тревоги, живое и спонтанное волнение, которое труднее выразить в одиночку или в семейной жизни.

Пригласить специалиста для помощи себе в работе — это не так-то просто.

Я уже говорила об этом в начале книги, и мне кажется существенным повторить еще раз: психогенеалогия — из-за того, что она стала модной и каждый из вовлеченных в нее не всегда прошел серьезное обучение, — может привести к злоупотреблениям.

Таким образом, необходимо быть осторожным и одновременно справиться у консультирующего специалиста о его образовании, и подумать о надежности человека, который вам его порекомендовал.

Все же речь идет о вашей душе и о вашей жизни!

Когда мы работаем над собой (или с кем-либо другим), надо быть внимательными.

Не все значимо в нашем прошлом, и не все очевидно.

Необходимо также избегать подводных камней логики и «очевидной очевидности». Так как то, чего не было, то, что мы не видели, не сказали или не передали — так же важно, как и то, что было увидено и передано.

Важно действительно знать себя и принимать в расчет бессознательное, неожиданное и непредусмотренное.

Фрейд учит нас, что человек — как айсберг: его подводная невидимая часть — то, что определяет его поведение и объясняет то, что происходит.

Семейные тайны и невысказанные терзания иногда явно передаются интергенерационно, но чаще — косвенно и трангенерационно.

Патрик Авран, парижский психоаналитик, показал в книге «Шерлок Холмс и Ко», как образ мышления знаменитого детектива — столь отличный от образа мышле-

ния полицейских — позволяет ему найти решение, ускользающее от этих последних, только потому, что он не позволяет очевидности захватить себя. Он пытается решить проблему, а не наказать виновника, следует за своими мысленными ассоциациями, с удовольствием позволяет себе удивляться неожиданному и видит вещи в их реальном контексте.

Он проверяет также, через кого до него дошла та или иная информация, и заслуживает ли информатор доверия, или он обманут видимостью.

Авран показывает также, как и в чем анализ, психоанализ позволяют пойти дальше и по-другому — в сознательном, бессознательном и в работе над собой и с другими.

Тот факт, что Шерлок Холмс — литературный персонаж, в этой демонстрации ничего не меняет.

Прагматичные англичане поняли его до такой степени, что перенумеровали лондонскую улицу, добавив литеру «Б», чтобы воссоздать на Бэйкер-стрит дом Шерлока Холмса, и по сей день каждый год посещаемый тысячами посетителей.

То, что у нас в голове — сильнее чем «действительная реальность», и в этом случае фантазия превосходит реальность.

Наконец, клиническая психогенеалогия, выражением и предпочтительным средством которой является гено-социограмма, — это увлекательная работа, к которой мы можем вернуться, если чувствуем в этом потребность, иногда из года в год... — это путешествие к себе, в поисках себя.

Это — как принять семейное прошлое, даже далекое, всю его груду хлама и незавершенные задачи, — и затем выбрать из него собственную жизнь: вести свою лодку во что бы то ни стало и противостоять прямому и косвенному давлению, как семьи, так и окружения.

Я считаю, что каждый в какой-то степени ответствен за свою жизнь и за ее события.

Понятие серендипности, которого мы еще раз коснемся в приложении, позволяет немного лучше понять, как мы ловим подходящий случай или удачу.

Все происходит так, как если бы мы с чистым сердцем «притягивали» то, что нам нужно для себя или для других, благодаря своему некоторому внутреннему состоянию, являющемуся тому причиной; мы этого не ищем, но видим, как оно неожиданно появляется у нас на пути... мы берем его, чтобы использовать для себя — и в особенности для того, кто в нем нуждается.

Это намного больше и полностью иное, чем простая констатация случайных совпадений, как при синхронии.

В этом присутствует настоящее тонкое наблюдение (с регистрацией данных и прямой реакции), так же как и настоящая благотворительность — и открытие собственного сердца другим и миру.

Этот дар и его последствия небезопасны для того, кто им обладает...

Еще Сократ говорил, что он шел, куда хотел, двигаясь по дороге цел и невредим, если голос его доброго даймона не заставлял его остановиться и повернуть назад: «Это благодаря [...] некоторому проявлению духа или некоторому богу, который возникает во мне; [...] это началось еще в детстве, и оно отводит меня от того, что я собирался сделать, но никогда не подталкивает к тому, чтобы действовать», — говорит он в Апологии.

Однако здесь это сказано не к тому, чтобы обсуждать существование Деда Мороза или ангелов...

Каждое общество имеет или имело свои обряды перехода, в частности, чтобы выйти из детства и выйти из мира женщин, выйти из юности, встретить лицом к лицу опас-

ность и смерть, войти в возраст зрелости и проститься с жизнью, умереть и — для выживших — скорбеть.

Эти обряды потерялись — с модой «подёнки»*, немедленного удовольствия, коммерциализации, глобализации, отрыва популяции от корней.

Многие взрослые оказались заблокированными на «границе» и на «переходе» от детства к юности, без ориентиров и границ, не умея взять жизнь в свои руки и нести за нее ответственность; некоторые попадают в сети азартных игр, большой или малой преступности, становятся безработными... не пройдя «ритуала перехода» или не встретив «проводника», который помог бы им стать взрослыми.

Я полагаю, что настоящая работа над собой с помощью клинической психогенеалогии — когда мы глубоко вовлечены, присутствуем «здесь и сейчас» в своих сильных эмоциях (вместе со своей метафизической индивидуальностью) — предоставляет нам случай вновь увидеть и завершить драмы и болезненные события своей жизни и истории, и, «перейдя» границы, обрести внутренний мир и смысл своей собственной жизни.

Кэтлин Келли-Лейнэ пишет в книге «Питер Пэн, или Печальный ребенок»:

«Мы часто скрыты от самих себя. <...> Переход границ — это фундаментальный этап в жизни человека; преодолевая их, он переходит от одной стадии к другой и соглашается отказаться от событий очень ценного для него прошлого, которые доставили ему много удовольствий. Это всегда трудное испытание. Все культуры, все религии изобрели ритуалы перехода не только, чтобы облегчить этот путь, но — чтобы убедиться в том, что возвращение будет невозможным (так как, разумеется, все-

* Подёнка — насекомое, живущее недолго, от нескольких секунд до нескольких дней; бабочка-однодневка. — Прим. пер.

гда существует искушение вернуться в родное гнездо, а часто — в материнскую утробу). Поэтому для перехода нужен проводник...»

Сенека учит нас, что нет благоприятного ветра для того, кто не знает, куда идти.

А Луис Сепульведа — в сказке «Кот, который учил чайку летать», — что «летает только тот, кто осмеливается лететь».

Я бы сказала так: «Найди то, что заставит тебя поверить в жизнь» и «Открой глаза для хорошего»... с чистым сердцем, полным доверием к жизни и явной решимостью.

Я слышала — говорят, что с возрастом мы становимся ответственны за выражение своего лица.

Мы также можем направлять свою жизнь, и гораздо больше, чем нам кажется...

«Быть или не быть, вот в чем вопрос...» Быть или становиться собой, всегда учащимся, всегда идущим, проявляющим все свои возможности для того, чтобы широко открыть двери своего будущего и будущего своих детей, рожденных или тех, которые будут рождены.

Позаимствуем из великой эпохи классической Греции понятие *kairos* — момент благоприятной возможности для выполнения важных дел, в присутствии метафизической индивидуальности «здесь-и-сейчас».

И если позволите мне вдохновиться уже цитированной поэмой Жоашема дю Беллэ:

Блажен, кто странствовал, подобно Одиссею,
И долгую дорогу в пространстве и во времени
Закончил, обретя и сердце и причину,
И наконец-то жизнь свою осуществил.

Аржантьер-Шамони-Монблан,
30 августа 2007

ПРЕУСПЕТЬ В ЖИЗНИ

«Смеяться часто и без ограничений;
вызывать уважение умных людей
и привязанность детей;
извлекать пользу из искренней критики
и выдерживать предательство ложных друзей;
ценить красоту;
находить в других лучшее;
оставить в мире после себя что-то хорошее:
здорового ребенка, уголок сада
или след в развитии общества;
знать, что хотя бы кому-то стало легче дышать,
оттого что вы жили в этом мире;
вот что я называю преуспеть в жизни».

Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Руководство по оценке или самооценке стресса жизненных событий

(по Томасу Г. Холмсу и Ричарду Г. Рейху,
обновленное в 2007 г.
Анн Анселин Шутценбергер)

**Стресс, вызванный
адаптацией к изменению**
(в течение года)

Событие затронуло меня на: "

Смерть партнера (по браку или длительной связи)	100	
Развод	73	
Разделение или нарушение партнеров (по браку или длительной связи)	65	
Тюремное заключение или госпитализация	63	
Смерть близкого родственника (отец или мать, брат или сестра, ребенок)	63	
Телесная рана, серьезная болезнь или несчастный случай (личные)	53	
Свадьба	50	
Потеря работы (увольнение, безработица, закрытие учреждения)	47	
Примирение между партнерами (по браку или длительной связи)	45	
Отставка (уход на пенсию или выход в отставку)	45	
Неприятности со здоровьем в семье или изменение поведения	44	
Беременность	40	
Сексуальные затруднения	39	
Увеличение семьи (рождение, усыновление, пожи- лые люди переехали в семью, чтобы жить вместе)	39	

* См.: T.H. Holmes, R.H. Rahe, «The Social Readjustment Rating Scale», *Journal of the Psychosomatic Research*, 1967, перепеч. в *The New York Times*, 10 June 1973. Холмс и Рейх продолжили в Гарварде работы Адольфа Мейера.

** Укажите внизу, в пустой колонке свою оценку этого стресса в баллах.

Изменения в сфере работы (слияние, банкротство, другое)	39	
Изменения финансового уровня (хуже или лучше)	38	
Смерть близкого друга	37	
Изменение профессиональных функций	36	
Изменение количества областей домашнего хозяйства (стало больше или меньше)	35	
Важная ипотека (более 30 000 евро)	31	
Получена ипотека или ссуда	30	
Изменение профессиональной ответственности (продвижение, понижение в должности, изменение)	29	
Сын или дочь покидают очаг (брак, университет, профессия)	29	
Затруднения с родителями супруга	29	
Личный исключительный успех	28	
Супруг начинает или прекращает работать	29	
Начало или окончание учебы	26	
Изменение условий жизни	25	
Изменение личных привычек (одежда, отношения)	24	
Затруднения с начальником	23	
Изменение режима или условий работы	20	
Смена места жительства (переезд)	20	
Изменение места учебы	20	
Изменения в проведении досуга	19	
Изменения в религиозной деятельности (или изменение убеждений)	19	
Изменения в социальной деятельности (клуб, кино, отношения)	18	
Средняя по величине ипотека или ссуда (менее 30 000 евро)	17	
Изменения в количестве сна (больше или в меньше)	16	
Изменение в числе семейных встреч и собраний	15	
Изменение пищевых привычек (стал есть больше или меньше, режим, меню и т.д.)	15	
Каникулы	13	
Новый Год	12	
Нарушения и незначительные проступки перед законом	11	
Промежуточная сумма		

**Постоянный стресс
– ежедневный износ
в результате повторяющихся событий***

Значительное и длительное вредное соседство («адский» шум, отбойные молотки)	30	
Наличие в доме больного с серьезным заболеванием, или лежачего больного в семье, наркомана, или другое	40	
Наличие близких родственников, мобилизованных в армию или живущих в регионе с риском военных действий, волнений и различного насилия	60	
Агрессия, кража, изнасилование, налоговая проверка, последствия долговременных забастовок или «неприятностей»	40	
Опосредованно влияющие катастрофы (птичий грипп, дыра в озоновом слое, нефтяная катастрофа, засуха и т.д.)	20	
Промежуточная сумма		
Общая сумма		

Каждый случай стресса обозначен некоторым количеством условных баллов. Умножьте это количество баллов на число таких же случаев, произошедших с вами за год. Запишите в той строке, которая вас касается, подсчитанные баллы (это ваша личная колонка – справа от напечатанной колонки). Подсчитайте промежуточную сумму.

Каждый может придать свое балльное значение жизненным событиям и усилиям, необходимым для приспособления к ним, и таким образом адаптировать цифры Холмса и Рейха.

Если ваша общая сумма – 200 баллов – для вас это сигнал опасности. По статистике, у 49% людей, набравших 300 баллов, в этот год возникало заболевание или происходил несчастный случай.

Таким образом, на это надо обратить внимание и принять меры для управления стрессом (не забывая, однако, что по статистике у каждого второго человека в этот год ничего не происходило).

* Дополнение 2007 года, Анн Анселин Шутценбергер.

Тонкое наблюдение и интуиция:

случай и серендипность

Когда мы говорим об интуиции, то забываем первоначальный смысл этого слова в латинском языке.

Латинское *intuitus* происходит от *intuitere* — «внимательно смотреть». Это то, что мы называем *тонким вниманием*, о чем говорим: *слушать третьим ухом, видеть третьим глазом*, — это то, что возникает в «плавающем внимании», как говорят психоаналитики.

Возьмем, например, в качестве модели тонкого наблюдения Шерлока Холмса, и хотя он — литературный персонаж, он очень реален и *интуитивен*, и всегда — наблюдатель, о нем пишут, что у него много разрозненных знаний, недоступных логике или сознательной мысли, что в некоторой степени напоминает сундуки, сваленные на чердаке. И вот он «будто бы случайно» открывает один из них и с помощью мысленных ассоциаций находит смысл и решение проблемы.*

Я называю это «по воле счастливого случая» или, другими словами, благодаря *серендипности*.

Вспомним Горация Уолпола (1717—1797) и его сказку «Три принца Серендипа» (древнее название острова Цейлон). У этих принцев была способность совершать счастливые и неожиданные открытия, благодаря счастливому стечению обстоятельств, — и это могло сослужить службу и знакомым, и незнакомым, всем, кого они встречали на своем пути. В английском языке термин *серендипность* мы находим в словаре Вебстера.

Термин *серендипность* был использован американским психологом Уолтером Кэнноном для оценки важных научных открытий, обязанных своим появлением случаю, подхваченных *на лету* и нашедших свое применение. Например, открытие пенициллина Флеммингом началось с плесени, которую он заметил в грязной забытой корзине для бумаг и изучил.

* P. Avrane, *Sherlock Holmes et Cie. Détectives freudiens*, Paris, Louis Audibert, 2005.

Существует большая разница между серендипностью и констатацией совпадений: *синхрония* Юнга.

Еще древние греки в великую классическую эпоху говорили о счастливом случае (*евтихия* от *тихэ*, «судьба»).

Хорошая клиническая интуиция, или тонкое наблюдение (которое в NLP называют «калибровкой» всего: объектов, результатов и человеческих отношений), основывается на серьезном базовом обучении и непрерывном образовании, и также на искусстве все замечать чуть ли не фотографическим глазом и на знании недавних или текущих научных и клинических исследований (но не торопиться с выводами относительно работ, что еще не закончены). Это особое умение, отточенное на вербальной и невербальной коммуникации чувств и эмоций, на «языке тела», на знаниях о развитии нашей собственной цивилизации и также некоторых других, на знании своего собственного культурного контекста и анализируемого — контекста клиента на консультации, а также на знаниях о нашей прошлой и недавней социо-экономико-политической истории. Эта интуиция, или тонкое наблюдение, обслуживает внутренний «банк данных» любого клинициста или специалиста помогающих профессий — психотерапевта, группового фасилитатора, ведущего, тренера межличностных отношений, социального работника и т.д.

Эта работа в действительности опирается на *истинный язык* (не на формальный) и ясный и взаимный *терапевтический союз*. Терапевт обязуется сопроводить своего клиента из актуального состояния в то новое состояние, куда он идет, — но, разумеется, не обещает результатов: все будет зависеть от самого клиента, от того, о чем он думает, чего хочет, что может, что испытывает — сознательно и, главным образом, бессознательно, — так же как и *от благоприятного момента*.

Мы можем привести на сеанс свое тело, потратить время и деньги, но невозможно всегда быть расположенным и готовым к глубинной работе всем своим существом — тогда мы будто посещаем «музей»: все факты настоящие, но без присутствия «здесь-и-сейчас», без той спасительной эмоции, которая может выразить в речи обнаруженное переживание (метафизическую индивидуальность), и без создания новой и живой реальности, — того единственного, что было бы по-

лезным и функциональным трансцендентным опытом для осознания и переработки (работы над собой) и изменения.

Как сформулировал психоаналитик Вилли Беррел — «важно освободиться, перестать молчать и разбить адскую связь, называемую *бессознательной лояльностью*. [...] Человек, который работает над собой, иногда, как аналитик, делает вид и в своей речевой стратегии игнорирует то, что хорошо знает: он игнорирует собственное знание своего бессознательного, подобно тому, как аналитик игнорирует все травмы своего пациента, не обманываясь впрочем, когда реальность травмы начинает выступать на поверхность, и стараясь, чтобы она вышла наконец на белый свет, и на этот раз — в более проявленной форме*»!

* W. Barral, «Préface», in Taqui Taquitté (pseudonyme), *Inceste*, publication privée, Paris, 2005, 82 f.

Бессознательное и перенос

О переносе много спорят и рассуждают. Психоаналитики (и я с ними согласна) остановились на том, что сами не зная и не желая того, мы переносим образы и картины прошлого, а также прошлые связи на присутствующих людей, в частности, на все авторитетные фигуры, на «людей, которым положено знать» и на тех, у кого мы консультируемся, — то есть на всех специалистов-психологов, консультантов и начальников.

Вспомним знаменитый образ, которым пользовался Фрейд, — образ дрейфующего айсберга, чей путь невозможно предсказать, если принимать в расчет только то, что видно над водой. Необходимо включить в рассмотрение и подводную часть айсберга, которая управляет им без чьего-либо ведома (и без ведома его самого, если можно было бы предположить, что у айсберга есть сознание).

Приведу личный пример.

Я проводила обучение в больнице, и присутствие всего персонала было обязательным (исключение было сделано только для повара: его блюда были столь хороши, что мы оставили его в покое).

Одна из медицинских сестер поднялась с места и сказала мне: «Мне слишком скучно, — мне все это не нужно. Увольте меня, если хотите, но я ухожу». И она встала, чтобы уйти. Я тоже поднялась — и тут она мне говорит: «До свидания, месье». Я повторяю: «Месье?» — и она восклицает: «Ой, простите, мадам». — Немедленно спрашиваю: «Я вам напоминаю кого-нибудь?» — «Моего шефа по работе». — «А ваш шеф?..» — «Моего отца...» (Молчание.)

Она снова села на свое место, вздохнула и прошептала: «Хорошо, я остаюсь».

И затем мы провели с ней очень хорошую работу.

Для меня очевидно, что перенос существует, и что отрицать его — это самообман.

Но каждый свободен в выборе.

Например, он может выбрать «ничего ни в чем не понимать» и насмеяться над полезными теориями.

Согласно Курту Левину, «ничто так не практично, как хорошая теория», и для меня — психоанализ вместе с концепцией переноса предоставляет один из наиболее полезных ключей во всей моей работе.

Разумеется, сам по себе психоанализ одновременно полезен и недостаточен для этой работы, подобно диплому университета или техническому и клиническому образованию.

Но именно умножая подходы и сочетая разные системы рассмотрения, можно лучше и более полно охватить большое количество проблем.

Эффект плацебо

Было доказано, что лечение с помощью какого-то лекарства может быть эффективным, если мы в это верим, и оно перестает быть эффективным, если мы в это больше не верим. Я говорю об этом здесь, в приложении, потому что все то, что относится к медикаментам, более чем для 20% населения относится также и ко всем верованиям в различных ситуациях.

Многочисленные исследования показали, что для некоторого процента населения некоторые абсолютно бесполезные медикаменты были действенны и эффективны только потому, что люди в них верили (при этом они тут же заболели, как только средства массовой информации сообщали, что эти медикаменты не оказывают никакого эффекта).

Об этом мы с друзьями беседовали с врачом из Лурда в 1990 году во время конгресса в Монреале, возглавляемого далай-ламой и посвященного подлинным факторам выздоровления. Этот врач собирался, по возвращении домой, вместе с коллегами подтвердить долгосрочные реальные результаты многих явных выздоровлений. Он разъяснял, — стоя посреди различных специалистов помогающих профессий (разных школ, истоков, базового образования), которыми мы являлись, — что многие заболевания, констатированные в Лурде, больше ни разу не появляются у больных, вернувшихся домой после паломничества.

Кроме того, он сообщил нам, что «психоаналитики» различных направлений констатируют гораздо большее число выздоровлений, чем в Лурде...

Действие веры близко к влиянию переноса, кстати так же как и «волшебное» действие некоторых вод, статуэток, амулетов, оберегов или знаков.

Так же, как лекарство, не имеющее никакой ценности, может положительно воздействовать на того, кто в него верит — в течение всего времени, пока он в него верит, — так же и помощь некоторого помощника может определенное время «помогать» тому, кто верит в этого помощника — обоснованно или напрасно.

Все-таки существует парадокс: тот, у кого есть только знания и знания, но нет искусства, манеры поведения и эмпатии, не может оказать никакой помощи и даже может нанести вред, если он неловок или говорит некстати... Также и помощь неспециалиста (без знаний в клинической области и в области здоровья) тоже может оказаться вредной, если он направит вас на ложный след или разрушит ваши защиты.

Наличие дипломов, как и их отсутствие, достоверно ничего не гарантирует.

Таким образом, надо хорошо знать, у кого на самом деле мы просим совета и поддержки и кому мы открываем душу и поручаем свою жизнь.

Заниматься телом, разумом, душой и жизнью другого — это одновременно социальная и этическая ответственность, — это наука и искусство.

Работа и психогенеалогия

Мы неслучайно входим в другую семью: мы женимся и связываем себя с той семьей, которая походит на нашу.

И также неслучайно мы входим в мир работы, в некоторые типы предприятий.

И часто остаемся там не без причины.

Часто совещание на работе за столом заседаний точно так же напоминает жизнь и развитие учебных и психотерапевтических групп, как и семью за обеденным столом! Каждый собирается сыграть заученную роль: жертва, козел отпущения, паяц, лидер, спаситель...

Здесь можно обнаружить: пагубные результаты слишком сильного самоотречения от собственной жизни, своих желаний и потребностей в пользу другого — и непредвиденные эффекты: когда *спаситель* (как в случае треугольника Карпмана) превращается в *жертву*, и — когда положение становится невыносимым — треугольник еще раз поворачивается, и *спаситель*, который больше не хочет исполнять роль *жертвы*, становится тогда *преследователем*.*

Иногда нам случается сегодня воспроизвести по отношению к патрону или коллеге реакции, которыми мы пользовались в своей семье, будучи еще детьми: тогда шеф, напоминающий нам властного отца, может вызвать в нас реакцию повиновения или мятежа, подобно тому, как мы это делали в детстве; коллега, получивший вместо нас повышение, обострит ревность, которая когда-то терзала нас по отношению к младшему брату или сестре; то же и с невыносимой начальницей, которая, конечно же, напоминает нам нашу мать; и так каждая встреча генерирует наши ответы по моделям семейного поведения, которые в нас запечатлены.

* См.: A. Ancelin Schützenberger, É. Bissone Jeufroy, *Sortir du deuil. Surmonter son chagrin et réapprendre à vivre*, 2e éd., Paris, Payot, 2007.

Таким образом мы скрепляем настоящее и прошлое «стежком шелка», согласно выражению Жака Лакана. Идентификация этого наложения позволяет нам освободиться от стрессовых ситуаций.

Сегодня мир небезопасен, и в частности — в профессиональной среде, как и в семье, важно владеть любыми своими эмоциями (в принципе): показывать только свое совершенство, соответствовать своему рангу и охранять свою репутацию.

Это владение собой усиливает старые рефлексивные защит и усиливает стресс, — как в семьях, так и в профессиональной среде существуют свои невысказанные, видимые и невидимые правила и парадоксы, и часто при коммуникациях в офисе нужно уметь блокировать правдивую речь и подлинное общение. Вас спросят: «Скажите, что вы думаете?», мысленно подразумевая: «Однако, прежде чем сказать, хорошенько подумайте!»

Сильное чувство небезопасности на работе увеличивается из-за социальных причин, по которым даже любой образцовый и эффективный работник со дня на день может оказаться «на улице», — и часто насильственным образом (неожиданно завод переезжает, офис оказывается закрытым на ключ, да еще и автобус, который должен развезти уволенных по домам, отсутствует без объяснений).

Этот «невидимый» прессинг, авторы которого явно не идентифицированы, вызывает вопрос о последствиях. Каковы они для семейной жизни сегодня (если, например, целая семья оказывается безработной), и как это может повлиять на будущие поколения?

Подобный вопрос уже поднимался в некоторых пригородах, где поколения детей никогда не видели, как их родители встают утром, чтобы идти на работу. Многие дети знают, что их родители всю свою жизнь зависят от социальной помощи. Что это за звенья и для каких цепей?

Настоящая, восстанавливающая справедливость маори

Речь идет о понятии настоящей справедливости (*real justice*), которая была бы человечна, а не только законна, и без уголовных, административных или полицейских последствий; так как наложенные наказания, в основном, закаляют людей в тюрьме — и никогда их не улучшают и не вызывают в них реальных изменений или настоящего раскаяния.

Это традиционный обычай племени маори, в настоящее время еще действующий; его переняли в Канаде, частично — в США и недавно ввели в Швеции.

Восстанавливающая справедливость — это подход, отличающийся от традиционного административного или судебного подхода ко всем тем, кто был замешан в преступлении или был им затронут.

Восстанавливающую справедливость можно использовать как в случае кровавых и ужасных преступлений, так и в случае нетяжких преступлений, а также при наличии несовершеннолетних нарушителей.

Сначала *восстанавливающая справедливость* сосредотачивается на жертве, ее семье и близких родственниках и полностью признает ущерб, причиненный обидчиком, — и трагедию.

Восстанавливающая справедливость облегчает обидчику (нарушителю или преступнику) понимание серьезности случившегося и принятие ответственности за последствия своих действий, за счет осуществления прямого или косвенного диалога с жертвой, семьей и близкими родственниками жертвы, а также с общественностью (соседями и остальным сообществом).

Этот подход состоит в том, чтобы оказать жертве, ее семье и близким родственникам помощь и поддержку (чтобы они могли выразить всю боль, которую им причинили), ответить на их реальные нужды, которые возникли в результате произошедшего преступления.

Восстанавливающая справедливость ожидает от обидчика (нарушителя или преступника), чтобы он принял на себя полную ответственность за свои действия, она помогает ему на

всех этапах найти решение, чтобы «перевязать раны», которые он нанес, и исправить зло, которое причинил.

Она использовалась туземцами (маори), чтобы поддерживать объединенное сообщество — полностью сохраняя стандарты поведения и рассматривая вред, причиненный сообществу в целом и его членам.

Восстанавливающая справедливость является не особой «программой», — но является более человеческим и более полным, особым отношением к преступлениям, преступникам, нарушителям, жертвам и их близким родственникам.

«Если мы посмотрим через лупу или бинокль, то увидим, что *преступление* — это повреждение людей и отношений. Оно вызывает обязательство все исправить и восстановить справедливым образом. Справедливость вовлекает жертву, обидчика и сообщество в поиск решений — чтобы исправить, примирить и успокоить» (Говард Зер).

«Восстанавливающая справедливость предоставляет разное окружение, чтобы понять преступление и отреагировать его. Преступление, в основном, понимается как зло, причиненное индивидам и сообществу в целом, а не просто как нарушение абстрактных законов против государства. Те, кто наиболее затронут преступлением, — жертвы, члены сообщества и обидчики, — таким образом, побуждаются к тому, чтобы играть активную роль в процессе правосудия. Речь скорее идет не о том, чтобы центрироваться на наказании виновного, а о том, чтобы восстановить эмоциональный и материальный ущерб, явившийся результатом преступления, — и это самое важное» (Марк Умбрейт).

«Восстанавливающая справедливость — это справедливость близости и общности, потому что преступление — это проблема сообщества, требующая от него решения. Мы никогда не сможем набрать достаточно полицейских, судей и надзирателей, чтобы решить проблему преступлений. Мы можем и должны становиться стороной, принимающей решения» (Марти Прайс).

В этой традиции племени маори речь идет о том, чтобы создать так называемый «свободный перекресток» — место встречи всех, кто так или иначе вовлечен в драму, только для того чтобы выразить то, что испытывает каждый.

Только высказаться — без дискуссий и диалогов и без обвинений: точно выразить себя.

Было бы важно, полезно и справедливо предоставить слово всем — вне стен суда, чтобы все вовлеченные люди выразили свои чувства.

Это происходит в нейтральном месте, вне стен правосудия, без мести и последствий, чтобы каждый человек, каждая из сторон (*виновники*, как и *невинные жертвы*) выразили свои чувства все вместе на одном перекрестке: семьи жертв и семьи травмированных, жертвы, убитые или раненые, ограбленные, семьи, друзья (в том числе *подружки*), соседи, свидетели, случайные прохожие.

Для маори весь мир страдает от несправедливого действия: семья «виновника», семья жертвы и сама жертва, часто раненая — если она выжила.

Дать слово всем, чтобы все вовлеченные люди выразили свои чувства; все получают обратную связь, вызывающую важные и долговременные последствия.

Каждый выражает свои чувства и переживания без осуждений других. В этом случае результат произошедшего действительно заставляет себя почувствовать, и жизнь часто может восстановиться.

Некоторые подобные встречи были засняты на пленку. Благодаря своей шведской коллеге, Еве Фальстром, я смогла посмотреть и изучить кассету с записью происшествия, обернувшегося смертельной драмой, «небольшое ограбление» в австралийском кафе, где по злой случайности был застрелен молодой человек.

Полицейский инспектор, ответственный за следствие, Терри О'Коннелл, констатировал, что за целый год в деле ничего не изменилось. У него возникла идея возродить обычай маори: устроить встречу вне стен правосудия — без его уголовных или административных последствий — всех людей, прямо или косвенно затронутых этой драмой, пригласив их всех одновременно в одно и то же место.

Мать убитого молодого человека принесла с собой небольшой пластиковый пакет с его прахом и, плача, положила на колени самого молодого и наименее причастного из всех троих к

преступлению (того, кто не стрелял) со словами: «Вы — в тюрьме, а я — я в тюрьме намного худшей, она заключается в позорной смерти — потере моего сына».

Преступник, наконец, понял, что он сделал, и перестал повторять, что это был всего лишь несчастный случай. Он отдал себе отчет, что, взяв с собой оружие на это «совсем маленькое дело», фактически создал предпосылку для убийства. Тогда, заплакав, он стал просить прощения у матери...

Для меня этот пример забываем.

Он поднимает проблему педагогического воспитания, представленного четырьмя различными стилями: карательным, попустительским (неверное понятие недирективности), разрешающим и восстанавливающим (с двумя направлениями — контроля и поддержки).

Только сочетание высокого уровня контроля при одновременно большой поддержке вызывает настоящие изменения в человеке и дает долговременные педагогические результаты, так при этом всегда различают действие и самого человека, и осуждают не человека за действие, но только само действие, чтобы не дать ему произойти или повториться.

На этом я останавлиюсь и разовью понятие настоящей справедливости в следующий раз. Здесь я рассказала об этом случае, поскольку восстанавливающая справедливость важна для вызывания реальных изменений и для принятия в расчет настоящих проблем: например, проблемы пригородов или проблемы несовершеннолетней преступности.

Некоторые полезные ссылки:

www.realjustice.org — здесь можно найти видеозапись сеанса восстанавливающей справедливости со случаем «небольшого ограбления», приведшего к смерти.

Программа примирения жертвы и обидчика (Victim-Offender Reconciliation Program — VORP), которой руководит Марти Прайс, сосредоточена на посредничестве между жертвой и обидчиком, на их диалоге и примирении. У программы солидный сайт с международными связями: www.vorp.com

Ресурсный центр укрепления правосудия (Restorative Justice Resource Center) дает широкий обзор восстанавливающей справедливости и ее применения: www.restorativejustice.inf

Извращенный треугольник, или господство над другим под предлогом помощи

Под предлогом помощи другим происходит много злоупотреблений.

Многие люди доброй воли (или плохо знающие себя) переступают через границы своей «доброй воли» и «желания помогать другим», становясь настоятельно требовательными.

Тем самым они становятся «трудны» для того, кого *любят* и кому хотели бы *помочь*, кому они *себя посвятили*, и иногда их помощь становится фатальной и даже смертельной для этого человека.

Можно было бы процитировать здесь Франсуазу Дольто и ее объяснение помощи, начиная с Евангелия и примера доброго самаритянина («Евангелие под прицелом психоанализа»).

Добрый самаритянин нашел на дороге тяжелораненого, подобрал его, отвез на постоялый двор и оставил хозяину двора денег, чтобы было на что кормить раненого, и уехал, не назвав своего имени и сказав, что, когда поедет обратно, возместит другие расходы, если они будут.

Он не отклонился от своего пути, не попросил ничего взамен, не потребовал ни благодарности, ни личного признания и остался неизвестным.

Таким образом, о жертве позаботятся, как он и хотел, и она сможет вернуть добро или полученную помощь другому, — но не сможет выразить признание тому, кто ее спас (помог ей, не играя роль спасителя).

Такая ситуация объясняется и классически доказывается треугольником Карпмана, который часто называют — *извращенный треугольник*.

Приведем маленький пример.

Вожатый скаутов спрашивает у своего войска «молодых волчат», выполнили ли они свои дневные задания (ДЗ).

Первый отвечает: «Я помог слепой старушке перейти улицу».

Второй говорит: «Я помог слепой старушке перейти улицу».

Третий говорит: «Я помог слепой старушке перейти улицу».

Четвертый говорит: «Я помог слепой старушке перейти улицу».

Удивленный вожатый спрашивает: «Вы встретили четырех разных слепых старушек сегодня утром?»

И самый младший отвечает: «Нет, это была одна и та же старушка, и она не хотела никуда переходить. Но нам было нужно ДЗ, и там была кондитерская на другой стороне, и это было бы ей полезно... и мне тоже».

Трагично, но часто мы слышим (сопровождая больных с диагнозом рака в заключительной стадии — всегда предполагающей вероятность благополучного или неблагоприятного исхода — во время улучшения, которое последовало за новым рецидивом), как «преданная семья» восклицает в коридоре: «Бедный, он собирается терпеть и дальше! Было бы лучше для него уйти теперь и больше не терпеть!»

И как бы случайно — или в результате сильного желания — больной, которому становилось лучше, умирает в несколько следующих часов...

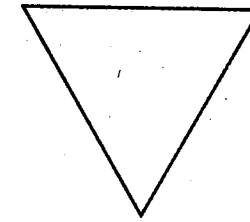
То, что сказано в коридоре или во время операции (когда больной спит под наркозом), непосредственно воздействует на больного.

Последний собирается *уйти* — то есть отказаться от дальнейших попыток и внезапно умереть, потому что возле него выражено пожелание смерти.

Подобное злоупотребление властью, искажение доброй воли и желания помочь любой ценой — все это можно продемонстрировать на *извращенном треугольнике*.

В треугольнике Карпмана представлены *угнетатель*, или *преследователь*, *жертва* и *спаситель*.

Спаситель

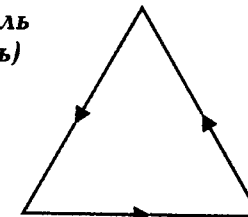
Жертва

Преследователь

Спаситель желает *спасти* жертву и посвящает этому все свое время и свою энергию, — и скоро он исчерпывает себя и, в свою очередь, становится жертвой ситуации, а серьезно больной из жертвы становится преследователем. Таким образом, бывший спаситель (а теперь — жертва) начинает «гуманно» желать, чтобы ситуация завершилась и чтобы больной (жертва, ставшая преследователем) — вновь стал жертвой и исчез (или скоростижно скончался, даже если он находился в состоянии ремиссии).

Преследователь, жертва и спаситель (когда треугольник повернулся).

Преследователь
(экс-спаситель)

Спаситель
(экс-жертва)

Жертва
(экс-преследователь)

Этот треугольник вращается и может повернуться в любом направлении: спаситель, становящийся жертвой, когда он чересчур *посвящает себя* этому процессу, полностью растворяется с личной жизнью и становится жертвой больного, который занимает место преследователя.

Но фактически спаситель присваивает себе власть над жертвой и злоупотребляет ей, не отдавая себе в этом отчета. Он хочет властвовать, не подозревая об этом.

Спаситель хотел *спасти*, в то время как надо было бы только *помочь*, оставив любое решение и власть самому больному (жертве), а не решая за него (это то, что американцы называют — *ego trip* спасителя).

Чтобы иметь здоровые отношения с кем бы то ни было, никогда не надо находиться в роли спасителя, но — в роли помогающего, делая не больше, чем минимум, необходимый для выживания больного, и всегда спрашивая у жертвы подтверждения, чего он или она действительно хочет. (Единственное исключение — это больной в коме или в палате интенсивной терапии, только что вернувшийся к жизни и еще не успевший полностью прийти в себя.)

Мы видели, как многие «спасители» препятствовали — «*для блага больного*» — визитам, которых тот страстно желал всем сердцем (это может быть, например, визит кого-то из первого брака, или из второй семьи, или визит подруги сердца, внебрачных или добрачных детей), или визитам различных друзей, с которыми больной (жертва) хотел поговорить наедине (или проститься) — и кому в этом помешали «*для его же блага*» грустным, неприятным и самым трагическим образом.

Ничто не действует так опустошительно, как сделать что-то для другого, не спросив у него, действительно ли он этого хочет. И даже спрашивая, мы иногда определенным образом вынуждаем другого согласиться или, по крайней мере, не возражать — пользуясь влиянием, нормами вежливости, страхом нарушить семейные или дружеские узы или боязнь последствий, которых больше нет сил выносить.

Стоит с недоверием относиться к властным людям, которые всегда все знают, и к тому, к чему они призывают других, не спрашивая их мнения, — они заставляют их косвенно.

Кстати, есть такая поговорка: «Советуют не те, кому придется расплачиваться».

На самом деле, слабые, дети, больные и пожилые люди — часто жертвы тех, кто уверен, что лучше знает то, что им нужно, и в некотором роде решает за них и заставляет их.

Есть такая известная игра — «кошки-мышки», ее можно наблюдать в известном мультфильме «Том и Джерри». Когда кот

уже готов съесть мышь — он останавливается (так как, если он ее съест, то не сможет больше играть с ней, пугая и догоняя). Тогда мышь (жертва, которая становится преследователем) празднует победу и издевается над котом (который таким образом становится жертвой). И таким образом игра продолжается безостановочно — к превеликому удовольствию больших и маленьких. Этот мультфильм уже долгие годы пользуется большим успехом — возможно потому, что он возвращает нам ту социальную и семейную реальность, от встречи с которой мы старательно уклоняемся.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABRAHAM Ada (1994), «Le co-soi, ou le synthésisme primaire», in R. Kaës (dir.), *Les Voies de la psyché: hommage à Didier Anzieu*, Paris, Dunod, p. 326-340.
- ABRAHAM Nicolas (1978), «Le travail du fantôme dans l'inconscient et la loi de nescience», à N. Abraham, M. Tôrok, *L'Écorce et le Noyau*, Paris, Aubier-Flammarion, p. 393-474.
- ABRAHAM Nicolas, TÔROK Maria (1967), *Le Verbier de l'homme aux loups*, Paris, Aubier-Flammarion.
- ABRAHAM Nicolas, TÔROK Maria (1978), *L'Écorce et le Noyau*, Paris, Aubier-Flammarion.
- ADAM Géraldine (2006), *À la découverte de la psychogénéalogie. Conséquences et effets du passé familial sur nos vies*, Paris, Éditions du Dauphin.
- ADER Robert (1991), *Psycho-neuro-immunology*, New York, Académie Press.
- ALFÖLDI Francis (1998), «Un outil de travail et de symbolisation. Le méta-modèle du traumatisme mortifère. Secrets de famille, dits, non-dits, émotions», *Dialogue*, 140, p. 47-55.
- ALTOUNIAN Janine (2000), *La Survivance. Traduire le trauma collectif*, Paris, Dunod.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1966), *Précis de psychodrame*, Paris, Éditions Universitaires, 2e éd., 1970 (épuisé). Новое дополненное издание: *Le Psychodrame*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot», 2001.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1971), *La Sociométrie*, Paris, Éditions Universitaires.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1973), *L'Observation*, Paris, Épi.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1976), *Contribution à l'étude de la communication non verbale*, Paris, Service de publication des thèses, Université de Lille-III et Librairie Champion éditeur.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1979) avec Lionel Lacaze, «Réflexion sur les phénomènes psycho-sociaux impliqués dans le processus de stigmatisation et d'étiquetage social («labelling»)», *La Théorie de la stigmatisation et la réalité criminologique*, 18e Congrès Français de criminologie (18-20 octobre 1979-Aix-en-Provence) sous l'égide de l'Association française de criminologie, Aix-en-Provence-Marseille, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 289-296.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1980), «Corps et identité», in Pierre Tap et coll., *Identité nouvelle et personnalisation*, Toulouse, Privat, 305-312.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1981), *Le Jeu de rôle*, Paris, ESF, rééd. rev., 1990.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1984), «Psychodrame, roman familial, génosociogramme et formation», *L'Homme et ses potentialités*, Paris, ESF, 109-122 (ouvrage collectif).
- ANCELIN SCHÜTZKNBERGER Anne (1985), «La vie, la mort dans l'imaginaire familial. Réflexions et cas cliniques», in E. Jeddi et alii, *Psychose, Famille, Culture*, Paris, L'Harmattan, 404-415.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1985), *Vouloir guérir*, Toulouse, Erès/La Méridienne, Paris, rééd. rév. 1991; rééd. rév. Paris, Épi/La Méridienne, 1993. T éd. rev. compl., Desclée de Brouwer, 1996 (55 000e).
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1985), «Diagnostic et pronostic d'une maladie fatale terminale», à Guyotat Jean, Fedida Pierre, *Événement et psychopathologie*, 124-126.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1986), «Stress, cancer, liens transgénérationnels», *Question de*, n° spécial *Médecines nouvelles et psychologies transpersonnelles*, Paris, Albin Michel, n° 64, mars 1986, 77-101.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1986), «Forme européenne inconsciente du chamanisme. La "réalisation automatique des prédictions"», *Transe, chamanisme et possession*, Actes des 2e rencontres internationales sur la fête et la communication, Nice, Serres, 81-87.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1987), «Vouloir guérir», *Les Médecines, les psychologies et leurs images de l'homme*, Sainte-Baume (Var), Éditions de l'Ouvert.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1987), «L'inconscient a bonne mémoire», *Journal des Psychologues*, Marseille, n°48.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1991), «The Drama of the Seriously 111 Patient: Fifteen Years Experience of Psycho-drama and Cancer», *Psychodrama. Inspiration and Technique*, Paul Holmes et Marcia Karp éd., Routledge/Tavistock, Londres et New York, 203-205.
- ANCELIN SCHÜTZKNBERGER Anne (1994), «Vie transgénérationnelle et maladie», *Le Processus de guénon, par-delà la souffrance et la mort*, Les Ateliers de Montréal, MNH, 3947 Chabanel, Beauport, G1E4M7 Québec, Canada, 57-70.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1995), «Le cancer en cascade et en ressac, exemple de syndrome d'anniversaire», *Le Deuil comme processus de guérison*, Les Ateliers de Montréal pour une conscience nouvelle et Publications.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1995), «L'enfant de remplacement et l'enfant réparateur. Souvenir d'un traumatisme que l'on a pas vécu», *Le Deuil comme processus de guérison*, Ateliers de Montréal pour une conscience nouvelle, Montréal, Publications MNH, 166-176.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1996), «Transmission de l'angoisse indicible et transgénérationnelle. L'angoisse d'un traumatisme qu'on n'a pas vécu», à «Mélanges en hommage au professeur Juliette Favez-Boutonier», *Bulletin de psychologie*, Paris, Sorbonne, 1996, avril, T. LIX, n°423.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1996), «La sérendipité. Les rencontres dues à la chance d'un hasard heureux et à la sagacité, avec le don de saisir au vol la chance et l'instant propice», *Hommage au doyen J.-P. Weiss*, Publications de la Faculté des lettres, arts et sciences humaines de Nice-SophiaAntipolis, n° 27, 61-81.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1996), «Phénomènes transgénérationnels et crises de la société et de la famille», *Ecrits*, Nice.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1997), «Transgenerational Psychotherapy. Health and Death. Family Links through the Family Tree», *Caduceus*, mars, n° 35.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne (1998), Préface à l'ouvrage de Nina Canault, *Comment paye-t-on les fautes de ses ancêtres*, Paris, Desclée de Brouwer.

- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1998), «About Psychodrama and Epilogue», à M. Karp, P. Holmes, K. Bradshaw Tavon, *Handbook of Psychodrama*, New York et Londres, Routledge.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1999), «De génération en génération. Liens transgénérationnels», *Etre enseignant, Hommage à Ada Abraham*, Paris, Montréal, L'Harmattan.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1999), «Health and Death, Hidden links through the family tree», à Peter-Félix Kellermann et Kate Hudgins éd. (2000), *Psychodrama with Trauma Survivors. Acting out your Pain*, Londres et Philadelphie, Jessica Kingsley.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1999), «Héritage familial inconscient, stigmates de traumatismes familiaux», à Caglar Huguette (dir.), *Etre enseignant. Un métier impossible? Hommage à Ada Abraham*, Paris, L'Harmattan, 225-267.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (1999), «La maladie gra-vissime et ses retombées sur la famille. Choc traumatique, poids du secret, et syndrome d'anniversaire», *Actes 2' journée régionale de soins palliatifs de Bourges*, 19 novembre 1999.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (2001), *Le Psychodrame, théorie, pratique, technique et clinique* (rééd. compl. du *Précis de psychodrame*), Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (2004), «Postface» à S. H. Foulkes, *La Groupe-analyse*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (2007), «Transgenerational analysis and psychodrama: applying and extending Moreno's concepts of the co-unconscious and the social atom to transgenerational links», *Psychodrama, Advanced in Theory and Practice*, Clark Bain, Jorge Burmeister et Manuela Maciel (éd.) à *Advanced Theory in Therapy*, Séries Editor: Keith Tudor, Londres et New York, Routledge, 155-174.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne (2007), «Transgenerational analysis and psychodrama», à C. Baim (dir.), *Psychodrama. Advances in Theory and Practice*, Londres, Routledge, 155-175.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne et alii (2000/2), «Géno-gramme et thérapie familiale», *Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux*, n° 25, Bruxelles, De Boeck Université.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne et alii (2004/2), «Secrets, secrets...», *Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux*, n° 33, Bruxelles, De Boeck Université.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne, ABRAHAM Ada, ALVEZ SANCHEZ Aldo et GEOFFROY Yannick (1978), «Essai d'une analyse pluridimensionnelle du soi», *Annales de la Faculté des lettres et des sciences humaines de l'université de Nice*, n° 31, 27-67.
- ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne, BARUS-MICHEL Monique, CHEMILLIER-GENDREAU Monique, DAYAN-HERZBRUN, GIUST-DESPRAIRIES Florence, HAROCHE Claudine, HÉRITIER Françoise (2005), «Histoires de vie et choix théoriques en sciences sociales. Parcours de femmes» (interviews réalisées par Vincent de Gaulejac, ouvrage présenté par C. Zaidman et France Aubert), Paris, L'Harmattan, coll. «Cahiers du laboratoire de changement social», n° 10.

- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne, BISSONE JEUFRUY Evelyne (2007), *Sortir du deuil. Surmonter son chagrin et réapprendre à vivre-*, 2e éd., Paris, Payot.
- ANCELIN SCHUTZENBERGER Anne, DEVROEDE Ghislain (2005), *Ces enfants malades de leurs parents*, nouv. éd. augm., Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- ANET Claude (1929), *Ariane, jeune fille russe*, Paris, Grasset.
- ANSKY S. (1992), *The Dybbuk and Other Writings*, New York, Schocken Books, coll. «Library of Yiddish Classics».
- ANTHONY James E., CHILAND Colette (dir.) (1992), *Le Développement en péril*, Paris, PUF.
- ANTONY James E. et CODER B.J. éd. (1987), *The Invulnérable Child*, New York, Guilford.
- ANZIEU Didier (1985), *Le Moi-peau*, Paris, Dunod.
- ANZIEU Didier (1987), *Les Enveloppes psychiques*, Paris, Dunod.
- ANZIEU Didier, TISSERON Serge et alii (1993), *Les Contenants de la pensée*, Paris, Dunod.
- ARIÈS Philippe, DOLTO Françoise, RAIMBAULT Ginette, SCHWARTZENBERG Léon, MARTY François (1983), *La Mon en face*, Toulouse, Privat.
- ASSOUN Jacques (1994), *Questions d'enfance. Les contrebandiers de la mémoire*, Paris, Syros.
- AULAGNIER Pierre (1984), «Le droit au secret», *L'Apprenti historien et le maître sorcier*, Paris, PUF.
- AULAGNIER Pierre (1995), *La Violence de l'interprétation. Du pictogramme à l'énoncé*, Paris, PUF.
- AUSLOOS Guy (1980), «Secrets de famille», *Annales de psychothérapie. Changements systémiques en thérapie familiale*, collectif, Paris, ESF, 1980, p. 62-80.
- AVRANE Patrick (2005), *Sherlock Holmes & Cie. Détectives freudiens*, Paris, Louis Audibert.
- BACH Richard (1998), *Jonathan Livingston le goéland*, Paris, Flammarion.
- BACQUÉ Marie-Frédérique (dir.) (2003), *Apprivoiser la mort*, Paris, Odile Jacob.
- BAIM Clark, BURMEISTER Jorge, MACIEL Manuela (2007), *Psychodrama. Advances in Theory and Practice*, Londres /New York, Routledge.
- BALMARY Marie (2005), *L'Homme aux statues. Freud et la faute cachée du père*, Paris, Grasset.
- BALZAC Honoré de, *Le Colonel Chabert*, Paris, 1832.
- BANDLER Richard, GRINDER John (2005), *Les Secrets de la communication*, Montréal, Éditions de l'Homme.
- BAR-ON Dan (1991), *L'Héritage infernal Des filles et des fils de Nazis racontent*, Paris, Eshel.
- BAR-ON Dan (1998), *Fear and Hope. Three Générations of the Holocaust*, Londres, Harvard University Press.
- BAR-ON (1998), *The Indescribable and Undiscussable*, Budapest, Central European University Press.
- BASSET Lytta (1999), *Le Pouvoir de pardonner*, Paris, Albin Michel.
- BATESON Gregory (1979), *Mind and Nature*, Londres, Wildwood House.
- BATESON Gregory (1980), *Vers une écologie de l'esprit*, Paris, Seuil.
- BATESON Gregory, JACKSON DON, HALEY J. (1956), «Toward a Theory of Schizophrenia», *Behavior Science*, 1, 251-264.

- BAITAGLIOLA, Françoise, BERTAUX-WIAME, FERRAND Michèle, IMBERT Françoise (1991), *Dire sa vie: entre travail et famille: la construction sociale des trajectoires*, CNRS (Centre de sociologie urbaine); IRESCO (Institut de recherche sur les sociétés contemporaines), Travail et mobilités, Université de Paris X, Champigny, Centre de sociologie urbaine.
- BEAUCARNOT Jean-Louis (1981), *Drôles d'ancêtres. Histoires extraordinaires de généalogies*, Paris, Trévise.
- BEAUCARNOT Jean-Louis (1988), *Les noms de famille et leurs secrets*, Paris, Robert Laffont.
- BEAUREPAIRE R. de (1998) «Les mémoires traumatiques de Rachel Yehuda», *Dépression*, n° 10, janv.-avril 1998.
- BEDDOCK Francine (1991), *L'Héritage de l'oubli. De Freud à Claude Lanzmann*, Nice, Édition Transes.
- BEN JELOUN Tahar et alii (1994), *Raconte-mot la vie*, Paris, Disney-Hachette-Lire.
- BERNARD Jean (1992), *Le Syndrome du colonel Chabert ou le vivant mort*, Paris, Buchet-Chastel.
- BERNE Éric (1976), *Behong Games and Scripts*, New York, Grove Press.
- BERNE Éric (1977), *Que dites-vous après avoir dit bonjour? trad.*, Paris, Tchou.
- BERNE Éric (1980), *Des Jeux et des Hommes*, Paris, Stock.
- BERTALANFFY Ludwig von (1968), *General Systems Theory*, New York, Braziller.
- BETTELHEIM BRUNO (1969), *Children of the Dream*, Londres, Thames and Hudson.
- BETTELHEIM BRUNO (1969), *La Forteresse vide, l'autisme et la naissance du soi*, Paris, Gallimard.
- BION W. R. (1958), «On Hallucination», *Second Thoughts*, Londres, Heinemann.
- BIRDWHISTEL Ray (1970), *Kinesics and Context: Essays on the Body-Motion Communication*, Paperback, Penguin Books.
- BLANCHARD François (1995), «Pour un autre regard sur la démence», *Gérontologie et Société*, n° 72, 156-166.
- BÖSZÖRMÉNYI-NAGY IVÁN et FRAMO J.-L. (1980), *Psychothérapies familiales, aspects théoriques et pratiques*, Paris, PUF.
- BÖSZÖRMÉNYI-NAGY I., SPARK G.M. (1984), *Invisible Loyalties*, New York, Brunner/Mazel.
- BOWEN Murray (1978), *Family Therapy in Clinical Practice*, New York, Jason, Aronson.
- BOWEN Murray (1987), *La différenciation du soi, les triangles et les systèmes émotifs*, Paris, ESF.
- BOWLEY J. (1969), *Attachements et perte*, Paris, PUF.
- BRADSHAW John (1992), *Retrouver l'enfant en soi*, Montréal, Le Jour Éditeur.
- BRIGGS PEAT F.D. (1991), *Un miroir turbulent. Guide illustré sur la théorie du chaos*, Paris, Interéditions.
- BROSSARD A., COSNIER J. et alii (1984), *La Communication non verbale*, Neuchâtel et Paris, Delachaux-Niestlé.
- BROUSSE Miriam (2002), *Mon corps ne le sait pas encore*, Quintessence.
- BUBER Martin (1957), *I and Thou*, New York, Scribners.
- BYDŁOWSKY Monique (1996), *La Dette de vie*, Paris, PUF.

- CANNON W. B. (1945), *The Way of an Investigator*, New York, Norton.
- CAPRA Fritjof (1991), *Le Tao de la physique*, Paris, Tchou, 1991.
- CARLIER Emile (1995), *Mort pas encore*, Douai, Société archéologique du Nord.
- CARTER E. A. et MCGOLDRICK M. éd. (1980), *The Family Life Cycle: a Framework for Family Therapy*, New York, Gardner Press.
- CHACK Paul (1988), *Survivants prodigieux*, Paris, Éditions de France.
- CHOPRA Deepak (1990), *Le Corps quantique. Trouver la santé grâce aux interactions corps/esprit*, Paris, Interéditions.
- CIAVALDINI A. (1989), «L'Être d'exil ou les traces immémoriales de l'oubli», *Corps, espace-temps et traces de l'exil*, A. Yahyaoui.
- CLÉMENT Marie (1984), *Le Guide Marabout de la généalogie*, Bruxelles, Marabout.
- COEURÉ Sophie (2007), *La Mémoire spoliée. Les archives des Français, butin de guerre nazi puis soviétique*, Paris, Payot.
- COLLECTIF (1998), *Paroles de Poilus. Lettres et carnets du Front, 1914-1918*, Paris, Librio-Radio-France.
- CORNEAU Guy (2003), *Père manquant, fils manqué. Que sont les pères devenus?*, Montréal (Québec), Éditions de l'Homme.
- COSTA DE BEAUREGARD Olivier (1963), *Le Second Principe de la science du temps*, Paris, Seuil.
- COSTA DE BEAUREGARD Olivier (1988), *Le Temps déployé*, Paris, Éditions du Rocher.
- COTTLE Thomas J. (1995), *Enfants prisonniers d'un secret*, Paris, Robert Laffont.
- COURCHET Jean-Louis, MAUCORPS Pierre-Hassan (avec la coll. de Jeannine-G. Maucorps et Jean-Pierre Pétard) (1973), *Le Vide social. Ses conséquences et leur traitement par la revendication. Recherches biologiques et sociologiques*, Paris, La Haye, Mouton.
- COUSINS Norman (1991), *La Biologie de l'espoir*, Paris, Seuil.
- COUVERT Barbara (2000), *Au cœur du secret de famille*, Paris, Desclée de Brouwer.
- CROCCQ Louis (1999), *Les Traumatismes psychiques de guerre*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris (1983), *Mémoire de singe et paroles d'homme*, Paris, Hachette.
- CYRULNIK Boris (1991), *La Naissance du sens*, Paris, Hachette.
- CYRULNIK Boris (1992), *Sous le signe du lien*, Paris, Hachette.
- CYRULNIK Boris (1993), *Les Nourritures affectives*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris (1995), *De la parole comme d'une molécule*, Paris, Seuil.
- CYRULNIK Boris (1997), *L'Ensorcellement du monde*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris (1999), *Un merveilleux malheur*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris (2001), *Les Vilains Petits Canards*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris (2003), *Les Murmures des fantômes*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris (2006), *De chair et d'âme*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris et HÉRITIER Françoise (1994), *De l'inceste*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris, SOULÉ Michel (1998), *L'Intelligence avant la parole*, Paris, Odile Jacob.
- CYRULNIK Boris, LE MAY Michel et alii (1998), *Ces enfants qui tiennent le coup*, Paris, Hommes et Perspectives.
- DAUZAT A. (1970), *Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France*, Paris, Larousse.
- DAUZAT A. (1977), *Les Noms de famille en France*, Paris, Guenegaud.

- DAVIS J. (1984), *The Kennedy's: Dynasty and Disaster 1848-1983*, New York, Me Graw Hill.
- DECANT-PAOLI Dominique (2007), *L'Haptonomie, l'être humain et son affectivité*, Paris, coll. «Que sais-je?».
- DELIASSUS Claire (1993), *Le secret ou l'intelligence interdite*, Marseille, Hommes et Perspectives.
- DENIAU Jean-François (1999), *Mémoires de 7 vies. 1: Les temps aventureux*, Paris, Pocket.
- DESMURGET Michel (2006), *Imitation et apprentissages moteurs: des neurones miroirs à la pédagogie du geste sportif*, Marseille, Solal.
- DOLTO Françoise (1971), *Le Cas Dominique*, Paris, Seuil.
- DOLTO Françoise (1982), *L'Évangile au risque de la psychanalyse*, Paris, Seuil, coll. «Points».
- DOLTO Françoise (1985), *La Cause des enfants*, Paris, Robert Laffont.
- DOLTO Françoise (1986), *Enfances*, Paris, Seuil.
- DOLTO Françoise (1988), *Inconscient et destin*, Paris, Seuil.
- DUMAS Didier (1985), *L'Ange et le fantôme. Introduction à la clinique de l'impensé généalogique*, Paris, Minuit.
- DUMAS Didier (1999), *Sans père et sans parole*, Paris, Hachette Littératures.
- DUNBAR Florence (1954), *Emotions and Bodily Change: A Survey of Littérature, Psychosomatic Interrelationship, 1910-1953*, New York, Columbia University Press.
- DUPÂQUIER J. (1987), *Le Temps des Jules. Les prénoms en France au XIXe siècle*, Paris, Éditions Christian.
- DUPEREY Anny (1992), *Le Voile noir*, Paris, Seuil.
- DUPEREY Anny (1999), *Les Chats de hasard*, Paris, Seuil.
- DÜRCKHEIM Karlfried Graf (1994), *Hara, centre vital de l'homme*, Paris, Le Courrier du Livre.
- DUTHOIT J.-P. (1999), *Essai sur les phénomènes transgénérationnels. Les dents des fils*, Paris, Montréal (Québec), L'Harmattan.
- EIGUER Alberto (1983), *Un divan pour la famille*, Paris, Dunod.
- EIGUER Alberto (2001), «L'intérêt pour le transgénérationnel dans la thérapie familiale psychanalytique», *Champ psychosomatique*, Grenoble, 23, p. 101-115.
- EIGUER Alberto, CAREL A., ANDRÉ-FUSTIER F. et alii (2005), *Le Générationnel Approche en thérapie familiale psychanalytique*, Paris, Dunod.
- EIGUER Alberto, GRANJON Evelyne, LONCAN Anne (2006), *La Part des ancêtres*, Paris, Dunod.
- ÉLIADÉ Mircea (1957), *Mythes, rêves et mystères*, Paris, Gallimard.
- ELKAÏM Mony (1989), *Si tu m'aimes, ne m'aime pas. Pourquoi ne m'aimes-tu pas, toi qui prétends m'aimer? Approche systémique et psychothérapie*, Paris, Seuil.
- ELKAÏM Mony (1999), «Les thérapies familiales intergénérationnelles», à M. Elkaïm (dir.), *Panorama des thérapies familiales*, Paris, Seuil.
- ENGEL George (1975), «The Death of a Twin. Mourning and Anniversary Reactions. Fragments of 10 Years of Self Analysis», *Intern. Journ. of Psychoanalysis*, 56 (1), p. 23-140.

- ENGLISH Fanita (1992), «L'épiscénario et le jeu de la pomme de terre brûlante», *Aventures en analyse transactionnelle*, Paris, Épi, 1992, p. 159-166.
- EPSTKIN Helen (2005), *Le Traumatisme en héritage. Conversations avec des fils et filles de survivants de la Shoah*, Paris, La Cause des Livres.
- ERIKSON Eric (1959), *Identity and the Life Cycle*, New York, Norton.
- ERNAUX Annie (1997), *La Honte*, Paris, Gallimard.
- FÉDIDA Pierre, GUYOTAT Jean (dir.) (1986), *Actualités transgénérationnelles en psychopathologie*, Paris, Université Paris 7, Centre Censier (GREUPP-Psychiatrie-psychanalyse).
- FELDENKRAIS Moshe (1971), *La Conscience du corps*, Paris, Robert Laffont.
- FERENCZI Sandor (1982), «Transfert et introjection», *Œuvres complètes*, t. 1, Paris, Payot.
- FERENCZI Sandor (1985), *Journal clinique (janvier-octobre 1932)*, Paris, Payot.
- FERENCZI Sandor (2006), *L'Enfant dans l'adulte*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- FERENCZI Sandor (2006), *Le Traumatisme*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- FESTINGER Léon (1957), *A Theory of Cognitive Dissonance*, Evanston (Ill.), Row & Peterson.
- FISCHER Gustave-Ni colas (1994), *Le Ressort invisible. Vivre l'extrême*, Paris, Seuil.
- FISCHER L, HINDE R. A. (1949), «The Opening of Milk Bottles by Birds», *British Birds*, 42, p. 347-357.
- FOGASSI Leonardo, GALLESE Vittorio, RIZZOLATTI Giacomo (2007), «Les neurones miroirs», *Pour la science*, janvier, p. 351.
- FORRESTER Viviane (1983), *Vincent Van Gogh, ou l'enterrement dans les blés*, Paris, Seuil.
- FORWARD Susan (2000), *Parents toxiques. Comment échapper à leur emprise*, Paris, Stock.
- FOULKES S. H. (2004), *La groupe-analyse. Psychothérapie et analyse de groupe*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- FOX Malhews, SHELDRAKE Rupert (1996), *The Politics of Angels. Exploring the Real where Science and Spirit Meet*, San Francisco, Collins.
- FRAMO James L. (1992), *FamUy-of-Origin Therapy. An inter-generational Approach*, New York, Brunnel-Mazel.
- FRÉCHET Marc (1989), *La Grille de mémoire cellulaire mémorisée; l'émancipation par l'indépendance financière et les cycles répétitifs, l'horloge biologique et les cycles biologiques cellulaires mémorisés et le projet sens (communication personnelle au Dr Odile Ouachée, Paris)*.
- FREMONT, Helen (1999), *After Long Silence. A Memoir*, New York, Delta Book.
- FREUD Sigmund (1897), Drafts L et M, *Collected Papers*, Standard Edition, vol. I (1886-1899), et *Unpublished papers*, 248-250 et suiv., Londres, Hogarth Press, 1966.
- FREUD Sigmund (1900), *L'Interprétation des rêves*, Paris, PUF, 1976.
- FREUD Sigmund (1909) «Le roman familial des névroses», *Névroses, psychose et perversion*, Paris, PUF, 1973.

- FREUD Sigmund (1914-1923), *Essais de psychanalyse*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot», 1977.
- FREUD Sigmund (1915), «Considérations actuelles sur la guerre et la mort», *Essais de psychanalyse*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot», 1977.
- FREUD Sigmund (1917), «Deuil et mélancolie», *Métapsychologie*, Paris, Gallimard, 189-222, 1952.
- FREUD Sigmund (1920), «Au-delà du principe de plaisir», *Essais de psychanalyse*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot», 1951.
- FREUD Sigmund (1938), «Pour introduire le narcissisme», *La Vie sexuelle*, Paris, PUF, 1969.
- FREUD Sigmund (1939), *Moïse et le monothéisme*, Paris, Gallimard, coll. «Idées», 1948.
- FREUD Sigmund, «L'inquiétante étrangeté», Freud, *Essais de psychanalyse appliquée*, Paris, Gallimard, 1971.
- FROMM Erich (1962), «The Social Unconscious», *Beyond the Chains of Illusion. My Encounter with Marx and Freud*, New York, Simon and Schuster.
- FYNN (1974), *Anna et Mister God*, Paris, Seuil.
- GAMPEL Yolanda (2005), *Ces parents qui vivent à travers moi. Les enfants des guerres*, Paris, Fayard.
- GARCIA V. (1997), «Inceste et secrets de famille. L'impensable non-dit. Inceste et liens familiaux», *Dialogue*; 135, p. 23-28.
- GARCIA-ORAD I., MENIA A., ANGLADE N. (1996), «Le palimpseste, le génogramme et le temps», *Thérapie familiale*, 17 (4), 519-531.
- GARLAND C. (1980), «The Proceedings of the Survivor Syndrome», *Workshop*, Londres, Institute of Group Analysis.
- GAULEJAC Vincent de (1987), *La Névrose de classe*, Paris, Hommes et Groupes.
- GAULEJAC Vincent de (1996), *Les Sources de la honte*, Paris, Desclée de Brouwer.
- GAULEJAC Vincent de (1999), *L'Histoire en héritage*, Paris, Desclée de Brouwer.
- GAULEJAC Vincent de, TABOADA LEONETTI Isabel (1994), *La Lutte des places. Insertion et désinsertion*, Paris, Desclée de Brouwer et Hommes et perspectives.
- GENDLIN Eugène T. (1982), *Focusing. Au centre de soi: mieux que se comprendre, se retrouver*, Montréal (Québec), Le Jour Éditeur.
- GESSAIN Robert (1969), *Ammassalik ou la civilisation obligatoire*, Paris, Flammarion.
- GOETHE (1979), *Ses mémoires et sa vie. Vérité et poésie*, I, Paris, Le Signe.
- GOFFMAN Ervin (1963), *Stigmate*, Paris, Minuit.
- GOFFMAN Erwin (1975), *Analyse encadrée*, Paris, Minuit.
- GOLEMAN Daniel (1997), *L'Intelligence émotionnelle*, Paris, Robert Laffont.
- GONSETH Marc-Olivier, MAILLARD Nadja, QUELOZ Nicolas, JELMINI Jean-Pierre et alii (1987), *Histoires de vie. Approche pluridisciplinaire*, Neuchâtel, Éditions de l'Institut d'ethnologie; Paris, Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, coll. «Recherches et travaux de l'Institut d'ethnologie».
- GREEN André (1983), «La mère morte», à A. Green, *Narcissisme de vie, Narcissisme de mort*, Paris, Minuit.
- GRINDLER John, BANDLER Richard (1983), *Les Secrets de la communication*, Montréal, Le Jour Éditeur.

- GRODDECK Georg W. (1973), *Le Livre du ça. Au fond de l'homme, cela*, trad., Paris, Gallimard.
- GIRARD Alain (1985), *Le Choix du conjoint*, Paris, PUF.
- GUYOTAT Jean (1980), *Mort, naissance et filiation. Études de psychopathologie sur le lien de filiation*, Paris, Masson.
- GUYOTAT Jean (1982), «Recherches psychopathologiques sur les coïncidences mort-naissance», *Psychanalyse à l'université*, n° 11 et n° 28, septembre 1982.
- GUYOTAT Jean (1995), *Filiation et puerpéralité. Entre psychanalyse et biomédecine*, Paris, PUF.
- GUYOTAT Jean, FÉDIDA Pierre (1986), «Mémoire, transmission psychique», *Psychanalyse à l'Université*, janvier 1986, colloque.
- GUYOTAT Jean, FÉDIDA Pierre (dir.) (1986), *Généalogie et transmission*, Paris, Université Paris 7, Centre Censier-GREUPP (Psychiatrie-psychanalyse).
- HACHET P. (1998), «Les émotions du patient porteur de fantôme. Un levier thérapeutique essentiel. Secrets de famille: dits, non-dits, émotions», *Dialogue* (140), 37-45.
- HALEY Alex (1976), *Racines*, Paris, Seuil.
- HALL E.T. (1978), *La Dimension cachée*, Paris, Seuil, coll. «Points».
- HARLOW H. F., HARLOW M. K., HANSEN E. W. (1950), «The Maternal Affectional System of Rhesus Monkeys», in Rheingold, *Maternal Behavior in Mammals*, 260.
- HASSOUN Jacques (2002), *Les Contrebandiers de la mémoire*, Paris, La Découverte.
- HEIREMAN Magda (1989), *Du côté de chez soi. La thérapie contextuelle d'Ivan Boszarmenyi-Nagy*, Paris, ESF.
- HEIREMAN Magda, IGODT P. (1990), «L'approche intergénérationnelle: la danse de la loyauté et de l'autonomie. L'éthique relationnelle dans la thérapie et dans la formation», *Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux*, n° 12, Toulouse, Privât.
- HÉRITIER Françoise (1994), *Les Deux Sœurs et la Mère*, Paris, Odile Jacob.
- HILGARD J. R. (1989), «The Anniversary Syndrome as Related to Late-Appearing Mental Illnesses in Hospitalized Patients», *Psychoanalysis and Psychosis*, Madison, CT, Internat'l, University Press.
- HOLMES T. H., MASUDA M. (1974), «Life Change and Illness Susceptibility», B. S. Dohrenwend et alii (dir.), *Stressful Life Events: their Nature and Effect*, New York, Wiley.
- HOPPER Earl (1996), «The Social Unconscious in Clinical Work», *Group*, 20, 1, 7-42 (UK).
- HORNER Kareen (1937), *The Neurotic Personality of our Time*, New York, Norton.
- IMBERT-BLACK Evan (1999), *Le Poids des secrets de famille*, Paris, Robert Laffont.
- JANSSEN Thierry (2006), *La Solution intérieure*, Paris, Fayard.
- JOVANOVIC Pierre (1999), *Enquête sur l'existence des anges gardiens*, Paris, coll. «Librio», Martingale.
- KAËS René, FAJMBERG Haydée (1993), *Transmission de la vie psychique entre générations*, Paris, Dunod.
- KARPMAN Stephen B. (1968), «Fairy Tales and Script Drama Analysis», *Transactional Analysis Bulletin*, VII, 26.

- KELLY-LAINÉ Kathleen (2005), *Peter Pan ou l'enfant triste*, Paris, Calmann-Lévy.
- KOBASA Suzan et alii (1982), «The Hardy Personality; Toward a Social Psychology of Stress and Health», S. Sull and G. Sanders éd., *Social Psychology of Health and Illness*, 3-33, Hillsdale, N. J., Erebaum.
- KORZYBSKI Alfred (2007), *Une carte n'est pas le territoire. Prolégomènes aux systèmes non-aristotéliens et à la sémantique générale*, Paris, Éditions de L'Éclat.
- KOTANI Hidefumi (2004), «Safe Space in Psychodynamic World», *International Journal of Counseling and Psycho-therapy*, Tokyo (Japon), vol. 2, 87-92.
- KOTANI Hidefumi (2005), «Contemporary Meanings of Psychological Space for Dynamic Psychotherapy», *International Journal of Counseling and Psychotherapy*, vol. 3, p. 31-47.
- KOTANI Hidefumi (sous presse 2008), *Creating psychologically safe space*, Tokyo, Fukohsha.
- KROH Alexandra (1993), *Les guerres sont si loin*, Paris, Liana Levi-Scribe.
- KÜBLER-ROSS Elisabeth (1985), *La Mort, dernière étape de la croissance*, Monaco, Le Rocher.
- KÜBLER-ROSS Elisabeth (1989), *Les Derniers Instants de la vie*, Genève, Labor et Fides.
- KÜBLER-ROSS Elisabeth (1990), *La Mort, porte de la vie*, Monaco, Le Rocher.
- LANGLOIS Doris, LANGLOIS Lise (2005), *Psychogénéalogie. Transformer son héritage psychologique*, Montréal (Québec), Editions de l'Homme.
- LANI Martine (1990), «À la recherche de la génération perdue», *Le Journal des Psychologues et Hommes et Perspectives*.
- LANI-BAYLE Martine (1997), *L'Histoire de vie généalogique. D'Œdipe à Hermès*, Paris, Montréal, l'Harmattan.
- LANI-BAYLE Martine (2006), *Taire et transmettre: les histoires de vie au risque de l'impensable*, Lyon, Chronique sociale.
- LAPLANCHE J., PONTALIS J.-B. (1985), *Fantasme originaire, fantasme des origines, origines du fantasme*, Paris, Hachette.
- LEWIN Kurt (1948), *Resolving Social Conflicts*, New York, Harper.
- LEWIN Kurt (1952), *Field Theory and Social Sciences*, New York, Harper.
- LEWIS Thomas, AMINI FARI, LANNON Richard (2006), *A General Theory of Love*, New York, Vintage Books.
- LE WITA B. (1985), «"Va voir la tante Yolande, elle te dira". Sur la transmission de la mémoire généalogique dans la bourgeoisie. Héritages et filiations», *Dialogue*, (89), 8-16.
- LECLAIRE Serge (1981), *On tue un enfant*, Paris, Seuil, coll. «Point».
- LEMAIRE J.-G. (1995), «Secret et intimité», *Dialogue* (129), 95-106.
- LEWIN Kurt (1959), *Psychologie dynamique, les relations humaines*, Paris, PUF.
- LEWIN Kurt (1965), «Décision de groupe et changement social», à A. Levy (dir.), *Psychologie sociale, textes fondamentaux*, Paris, Dunod.
- LIFTON Betty Jean (1977), *Twiceborn: Memoirs of an Adopted Daughter*, New York, McGraw Hill.
- MAILLET-TINGAUD Marie-Christine, GRAU Christiane (2006), *Ma famille, quel défi! Rester loyal et choisir sa vie*, Genève, Jouvence.
- MALOUF Amin (1983), *Les Croisades vues par les Arabes*, Paris, Lattes.
- MANDELBROT Benoît (1982), *The Fractals Geometry of Nature*, New York, W.H. Freeman.
- MANDELBROT Benoît (1995), *Les Objets fractals: forme, hasard et dimension*, Paris, Flammarion, coll. poche «Champs».
- MANDELBROT Benoît (1997), *Fractales, hasard et finances, 1959-1997*, Paris, Flammarion, coll. poche «Champs».
- MANNONI Maud (1965), *Le Premier Rendez-vous avec le psycho-analyste*, Paris, Gonthier.
- MASLOW Abraham (1954), «The Instinctoid Nature of Basic Needs» *Journal of Personality*, 22, p. 340-341.
- MAUROIS André (1934), *L'Instinct du bonheur*, Paris, Grasset.
- MAY Rollo (1950), *The Meaning of Anxiety*, New York, Ronald Press.
- MAY Rollo (1982), *Le Désir d'être*, Paris, Épi.
- MAY Rollo (1988), *Paulus Tillisch as Spiritual Teacher*, New York, Say book.
- MAY Rollo, ANGEL ERNEST, ELLENBERGER Henri [éd.] (1958), *Existence: a New Dimension in Psychiatry and Psychology*, New York, Basic Books.
- MCGOLDRICK Monica, GERSON Randy (1990), *Le Génigramme et entretien familial*, Paris, ESF.
- MCGOLDRICK Monica (1994), *You Can Go Home again*, New York, Norton.
- MERAI Magdolna (2002), *Grands-parents, charmeurs d'enfants. Étude des mécanismes transgénérationnels de la maltraitance*, Paris, L'Harmattan.
- MIIOLLA Alain de (1986), *Les Visiteurs du Moi*, Paris, Les Belles Lettres.
- MIIOLLA Alain de (2004), *Préhistoires de famille*, Paris, PUF.
- MILLER Alice (1984), *C'est pour ton bien. Les racines de la violence dans l'éducation de l'enfant*, Paris, Aubier.
- MILLER Alice (1986), *L'Enfant sous terre*, Paris, Aubier.
- MILLER Alice (1988), *La Connaissance interdite*, Paris, Aubier.
- MILLER Alice (2004), *Notre corps ne ment jamais*, Paris, Flammarion.
- MINC Alain (1993), *Le Nouveau Moyen Âge*, Paris, Gallimard.
- MINUCHIN S. (1979), *Familles et thérapies*, Paris, Éditions Universitaires.
- MOLINIÉ Magali (2006), *Soigner les morts pour guérir les vivants*, Paris, Les Empêcheurs de penser en rond.
- MONTAGU Ashley (1953), «The Sensory Influences of the Skin», *Texas Reports on Biology and Medicine*, vol. 2, 291-301.
- MONTAGU Ashley (1972), *Touching the Hutnan Significance of the Skin*, New York, Harper & Row. Montagu Ashley (1979), *La Peau et le Toucher. Un premier langage*, Paris, Seuil.
- Montaigne Michel de (1595), *Les Essais*, Paris, Gallimard, La Pléiade, 1963.
- Moreno J. L. (1934), *Who Shall Survive?* Washington CD, Nervous and Mental Disease Pub.
- Moreno J. L. (1954), «Interpersonal Therapy, Group Psychotherapy and the Function of the Unconscious», *Group Psychotherapy*, VII, 3-4, 191-204.
- Moreno J. L. (1959), «Interpersonal Therapy, Group Psychotherapy and the Function of the Co-uncconscious», *Psychodrama*, vol. 2, New York, Beacon House.

- MORENO J. L. (1965), *Psychothérapie de groupe et psychodrame, Introduction théorique et clinique à la socio-analyse*, Paris, PUF.
- MORENO J. L. (1985), *Fondements de la sociométrie*, Paris, PUF.
- MORRIS Desmond (1979), *La Clé des gestes*, Paris, Grasset.
- MOSCA Francesca, GARNIER Anne-Marie (2005), «Le génogramme, outil de base en pédopsychiatrie», *Thérapie familiale*, 26 (3), 247-258.
- MOUCHENIK Yoram (2006), Ce n'est qu'un nom sur une liste, mais c'est mon cimetière. Traumas, deuils et transmission, chez les enfants juifs cachés en France pendant l'Occupation, *La Pensée sauvage*.
- MUGNIER Jean-Paul (2002), *Les Stratégies de l'indifférence, suivi de La prise en charge de l'enfant victime d'abus sexuels et de sa famille*, Paris, ESF.
- MUXEL Anne (1996), *Individu et mémoire familiale*, Paris, Nathan.
- NACHIN Claude (1993), *Les Fantômes de l'âme. À propos des héritages psychiques*, Paris, L'Harmattan.
- NACHIN Claude (1999), *À l'aide, y a un secret dans le placard!*, Paris, Fleurus.
- NARDONE Giorgio, WATZLAWICK Paul (1993), *L'Art du changement*, Paris, L'Esprit du Temps.
- NASIO J.-D. (2003), *Le Livre de la douleur et de l'amour*, Paris, Payot, coll. «Petite Bibliothèque Payot».
- NEUBURGER Robert (2005), *Les Familles qui ont la tête à l'envers. Revivre après un traumatisme familial*, Paris, Odile Jacob.
- NISSE Martine, SABOURIN Pierre (2004), *Quand la famille marche sur la tête. Inceste, pédophilie, maltraitance*, Paris, Seuil.
- OFFROY Jean-Gabriel (1993), *Le Choix du prénom*, Marseille, Hommes et Perspectives.
- OLLIE-DRESAYRE Judith, MÉRIGOT Dominique (2001), *Le génogramme imaginaire. Liens du sang, liens du cœur*, Issy-les-Moulineaux, ESF.
- OLLIE-DRESAYRE Judith, MÉRIGOT Dominique (2005), «Du génogramme filiatif au génogramme imaginaire», *Thérapie familiale*, 26 (3), 259-269.
- PAPAGIORGIU-LEGENDRE Alexandra (1990), *Filiation. Fondement généalogique de la psychanalyse*, Paris, Fayard.
- PASSAGE Yves du (1986), *Mes aïeux, quelle histoire. Guide pratique de la généalogie pour tous*, Paris, Hachette.
- PASSAGE Yves du (1989), *La Généalogie pour tous. À la recherche de ses racines*, Paris, Hachette.
- PEALE NORMAN Vincent (1990), *Quand on veut, on peut! Bel œil (Québec), Un monde différent*.
- PENFIELD W. (1975), *The Mystery of the Mind*, Princeton, Princeton University Press.
- PERROT Jean (1985), «L'enfant ancêtre», *Nouvelle Revue d'Ethnopsychiatrie*, n° 4, déc. 1985.
- PIGANI Erik (2003), «La psychogénéalogie», *Psychologies*, n° 188, 142-145.
- PLATON (427-347), «Er le Pamphylien», *La République*. X 614. Paris, La Pléiade, I, 1231 et suiv., 1989.
- POE Edgar (1857), «La lettre volée», *Histoires extraordinaires*, Paris, Garnier-Flammarion, 1965.
- PRIGOGINE Ilia, STENGERS Isabelle (1988), *Entre le temps et l'éternité*, Paris, Fayard.

- RACAMIER Paul Claude (1992), *Le Génie des origines. Psychanalyse et psychoses*, Paris, Payot.
- RACAMIER Paul Claude (1995), *L'Inceste et VIncestuel*, Paris, Les Éditions du Collège.
- RAIMBAULT Ginette (1975), *L'Enfant et la Mort*, Toulouse, Privat.
- RAIMBAULT Ginette (1982), *Clinique du réel*, Paris, Seuil.
- REVERAT Gwen (1987), *Period Pièce: A Cambridge Childhood*, Londres et Boston, Faber.
- ROBERTS A. (1989), *Serendipity*, New York, Wiley.
- ROSENTHAL Robert, JACOBSON L. (1971), *Pygmalion à l'école*, Paris, Casterman.
- ROSSI Ernest, CHEEK David (1994), *Psychobiologie de la gué-tison. Influence de l'esprit sur le corps*, Paris, Hommes et Perspectives-Desclée de Brouwer.
- ROUSTANG François (2000), *La fin de la plainte*, Paris, Odile Jacob.
- ROUSTANG François (2003), *Il suffit d'un geste*, Paris, Odile Jacob.
- SCHNEIDER Michel (1980), *Blessures de mémoire*, Paris, Gallimard.
- SÉGALEN Martine (1985), *Quinze générations de Bas-Bretons. Parenté et société dans le pays bigouden-sud*, Paris, PUF.
- SÉGALEN Martine, ZONABEND Françoise, BURGUIÈRE A., KLAPISCH-ZUBER C. (1986), *Histoire de la famille*, Paris, Armand Collin.
- SELOUS E. (1931), «Thought Transference or What?», *Birds*, Londres, Constable.
- SELVINI Mara (1997), «Secrets familiaux: quand le patient ne sait pas», *Thérapie familiale*, 18 (2), 109-125.
- SEYLE Hans (1962), *Le Stress de la vie*, Paris, Gallimard.
- SHELDRAKE Rupert (1987), *New Science of Life: Hypothesis of Formative Causation*, Londres, Paladin Books.
- SHELDRAKE Rupert (1988), *La Mémoire de l'Univers*, Monaco, Éditions du Rocher.
- SIMONTON Cari, MATTHEWS Stéphanie, CREIGHT James (1982), *Guérir envers et contre tout*, Paris, Épi.
- SIMONTON MATTHEWS Stéphanie et SHOOK Robert L. (1991), *La Famille, son malade et le cancer: coopérer pour vivre et pour guérir*, Paris, Épi.
- SOOYAL Rimpotchéd éd. (1993), *Le Livre tibétain de la vie et de la mon*, Paris, La Table Ronde.
- SOULÉ Michel (dir.) (1979), *Les Grands-Parents dans la dynamique psychique de l'enfant*, Paris, ESF. SOULÉ Michel (dir.) (1984), «On te le dira quand tu seras grand», *Le Nouveau Roman familial*, Paris, ESF, 110-126.
- SOUTY Georgina, DUPONT Pascal (1999), *Destins de mères, destins d'enfants. De l'abandon aux retrouvailles*, Paris, Odile Jacob.
- STERN D.N. (1989), *Le Monde interpersonnel du nourrisson*, Paris, PUF.
- STERN D.N. (1991), «Dialogue entre l'intrapsychique et l'interpersonnel. Une perspective développementale», *Texte et contexte dans la communication*, de Fivaz-Depeursing E. (éd.), *Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux*, Toulouse, Privat, n° 13.
- STIERLIN Hein (1979), *Le Premier Entretien familial*, Paris, Delarge.
- STUART Marian R., LIEBERMAN Joseph A. (2002), *The Fifteen Minute Hour: Applied Psychotherapy for the Primary Care Physician*, 3e éd., New York, Praeger.
- SZTULMAN Henri, BARBIER André, CAIN Jacques (dir.) (1986), *Les Fantômes originaires. Les origines du commencement*, Toulouse, Privat.

- THOLET Claude (1984), *Tel père, tel fils*, Paris, Dunod.
- TILLICH Paul (1967) *Le Courage d'être*, Paris, Casterman.
- TISSERON Serge (1985), *Tintin chez le psychanalyste*, Paris, Aubier-Archimbaud.
- TISSERON Serge (1986), *Secrets de famille, mode d'emploi*, Paris, Ramsay.
- TISSERON Serge (1986), «Honte, affiliation et généalogie», *Les Temps modernes*.
- TISSERON Serge (1992), *Tintin et les secrets de famille*, Paris, Aubier.
- TISSERON Serge (2005), *Vérités et mensonges de nos émotions*, Paris, Albin Michel.
- TISSERON Serge (2006), «Quand les revenants et les fantômes hantent le corps», *Le Journal des Psychologues*, n° 238, 55-58.
- TISSERON Serge, TÔRÔK Maria, RAND Nicolas et alii (1995), *Le Psychisme à l'épreuve des générations*, Paris, Dunod.
- TISSERON Serge, WERMAERE Jean (2002), «Le poids des secrets de famille. Qu'est-ce que transmettre? Savoir, Mémoire, Culture, Valeurs», *Sciences humaines*, hors-série (36), 6-9.
- TOBIE Nathan (1994), *L'Influence qui guérit*, Paris, Odile Jacob.
- TODD Emmanuel (1990), *L'Invention de l'Europe*, Paris, Seuil.
- TOFFLER Alvin (1974), *Le Choc du futur*, Paris, Denoël.
- TÔRÔK Maria (1989), Préface à Nicolas Rand, *Le Cryptage et la vie des œuvres*, Paris, Aubier.
- TÔRÔK Maria (2002), *Une vie avec la psychanalyse*, Paris, Aubier.
- TOUBIANA Éric (1988), *L'Héritage et sa psychopathologie*, Paris, PUF.
- VAN DER KOLK B. A. et alii éd. (1996), *The Effects of Over-helming Experience on Mind, Body, and Society*, New York, Guilford Press.
- VAN EERSEL Patrick, MAILLARD Catherine (2002), *J'ai mal à mes ancêtres! La psychogénéalogie aujourd'hui*, Paris, Albin Michel.
- VEGH Claudine (1979), *Je ne lui ai pas dit au revoir. Des enfants de Déportés parlent*, Paris, Gallimard.
- VELDMAN Frans (2001), *Haptonomie, science de l'affectivité*, Paris, PUF.
- VELDMAN Frans (2004), *Haptonomie, amour et raison*, Paris, PUF.
- VIGOUROUX François (1993), *Le Secret de famille*, Paris, PUF.
- VINCENT Jean-Didier (1997), *La Chair et le Diable*, Paris, Odile Jacob.
- VIORST Judith (1988), *Les Renoncements nécessaires. Tout ce qu'il faut abandonner pour devenir adulte*, Paris, Robert Lafont.
- VOLKAN Vamik (1997), *Bloodlines: From Ethnie Pride to Ethnie Terrorism*, New York, Farrar, Strauss & Giroux.
- WACHTEL Ted (1997), *Real Justice: How We Can Revolutionize our Response to Wrongdoing*, Pipersville (États-Unis), The Piper's Press.
- WARDI Dîna (1992), *Memorial Candies: Children of the Holocaust*, Londres et New York, Routledge.
- WATZLAWICK Paul, BEAVIN, JACKSON (1982), *Une logique de la communication*, Paris, Seuil, coll. «Point».
- WEBSTER Harriet (1993), *Pour en finir avec les secrets de famille. Ces vérités qui sont bonnes à dire*, Montréal (Québec), Éditions Le Jour, Paris.
- WILDÔCHER Daniel (1979), *Freud et le problème du changement*, Paris, PUF.
- WINKIN Yves (dir.) (1984), *La Nouvelle Communication*, Paris, Seuil.

- WINNICOTT Donald W. (1953), «Objets et phénomènes transitionnels», *De la pédiatrie à la psychanalyse*, Paris, Payot.
- WINNICOTT Donald W. (1965), *The Maturation Process and the Facilitating Environment*, New York, International University Press.
- WINNICOTT Donald W. (1971), «Rôle de miroir de la mère et de la famille dans le développement de l'enfant», *Jeu et réalité*, Paris, Gallimard.
- WINNICOTT Donald W. (1975), *L'Enfant et le monde extérieur*, Paris, Payot.
- WINNICOTT Donald W. (1986), *Home Is Where We Start From*, London, Penguin.
- WINNICOTT Donald W. (1988), *La Petite «Piggle». Traitement psychanalytique d'une petite fille*, Paris, Payot.
- YAHYAOUI Abdel Salen (sous la dir.) (1989), *Le Corps, espace-temps et traces de l'exil. Incidences cliniques*, Grenoble, APAM/La Pensée Sauvage.
- YALOM Irvin (2005), *Apprendre à mourir: la méthode Scho-penhauer*, Paris, Galaade.
- YEHUDA Rachel (1995), «Low urinary cortisol excretion in holocaust survivors with post traumatic stress disorders», *American Journal of Psychiatry*, n° 152, 982-986.
- ZADJE Nathalie (2005), *Guérir de la Shoah. Psychothérapie des survivants et de leurs descendants*, Paris, Odile Jacob.
- ZADJE Nathalie (2005), *Enfants de survivants: la transmission du traumatisme chez les enfants des Juifs survivants de l'extermination nazie*, Paris, Odile Jacob.
- ZEIGARNIK Bluma (1967), «Das Behalten erledigter und underledigter Handlungen», *Psychologische Forschung*, 9: 1-85. Английская версия: «On Finished and Unfinished Tasks», W. D. Ellis (éd.), *A Sourcebook of Gestalt Psychology*, New York, Humanities Press.

Журналы

- Dialogue*, редактируемый Французской Ассоциацией центров супружеской консультации (AFCCC) (44, rue Danton, Galerie Damoiselles, 94270 Kremlin-Bicêtre. Tél.: 01.46.70.88.44]
- Dialogue*, (1980) Les secrets de famille, n° 70.
- Dialogue*, (1984) Mythes familiaux, n° 84.
- Dialogue*, (1985) Héritages et filiations, n° 89.
- Dialogue*, (1985) Généalogie et fantômes, n° 90.
- Dialogue*, (1986) Les rites familiaux, n° 91.
- Dialogue*, (1987) La présence de l'absent, n° 98.
- Dialogue*, (1988) Détruire ceux que l'on aime, n° 99.
- Dialogue*, (1988) Le dialogue et le secret, n° 100.
- Dialogue*, (1990) Dettes et cadeaux dans la famille, n° 110.
- Dialogue*, (1991) Loyautés familiales et désir d'enfant, n° 111.
- Dialogue*, (1992) Le sacrifice dans la famille, n° 116.
- Dialogue*, (1994) Construire la parenté, n° 126.
- Dialogue*, (1995) Rites et marques de passage, n° 127.
- Dialogue*, (1995) L'adoption, une nouvelle naissance, n° 133.
- Dialogue*, (1996) Couples et secrets de famille, n° 134.

Песни

DUTEIL Yves, *Les dates anniversaires*.

Фильмы

BINET Marie (1999), *Noir comment?*, Paris, Au même titre Édition, 1999.
LELOUCH Claude, *Les Uns et les Autres* et plusieurs autres films, 1980-1997.
SHELDRAKE Rupert (2000), *On Masters and Dogs*.

Видеокассеты на английском языке

SHELDRAKE Rupert, ANCELIN SCHÜTZENBERGER Anne, HELLINGER Bert (1999), *Re-Viewing Assumptions. A Dialog about Phenomena that Challenge our World-View* (70 min). [круглый стол по со-бессознательному и его трансгенерационной передаче], ISBN 3-89670-161-4, Cari Auer System Verlag, Weberstrasse 2, D-69120 Heidelberg, and ISBN 1-891944-38 x USA, Zeig, Phénix (Arizona).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Руководства по генеалогическому и биографическому поиску

- ARNAUD Etienne (1978-1982), *Répertoire des généalogies françaises imprimées*, Paris, Berger-Levrault, 3 vol. (Электронная версия находится в открытом доступе в Национальной французской библиотеке).
- BERNARD Gildas, ESCALLE Elisabeth et alii (1987), *Les Familles protestantes en France: XVI siècle – 1792. Guide des recherches biographiques et généalogiques*, préface de J. Favier, Paris, Archives nationales, diffusion La Documentation française.
- BERNARD Gildas (1988), *Guide des recherches sur l'histoire des familles*, Paris, Archives nationales (1981 pour la 1re édition).
- BERNARD Gildas, CAHEN Gilbert et alii (1990), *Les Familles juives en France: xve siècle-1815: guide des recherches biographiques et généalogiques*, préface de Jean Favier, Paris, Archives nationales.
- CHAIX D'EST-ANGE Gustave (1903-1929), *Dictionnaire des familles françaises anciennes ou notables à la fin du xixe siècle*, Evreux, Imprimerie de C. Hérissay, 20 vol.
- Dictionnaire des parlementaires français, 1789-1889* / publ. sous la dir. de MM. Adolphe ROBERT, Edgar BOURLON et Gaston COUGNY, Genève, Slatkine reprints, Paris, diffusion H. Champion, 5 vol., 2000.
- Dictionnaire des parlementaires français, 1889-1940* / publ. Sous – la dir. de Jean Jolly, Paris, PUF, 8 vol., 1960-1977.
- Dictionnaire des parlementaires français, 1940-1958* / publié par les soins du Service des archives de l'Assemblée nationale, rééd. par Frédéric Barbier, Alain Bergougnieux, Pierre Casselle et alii, Paris, La Documentation française, 3 vol., 1992.
- LAROUSSE Pierre (1866-1877), *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*, Paris, Administration du Grand Dictionnaire universel, 17 vol., 1866-1877, (электронная версия каталога Национальной французской библиотеки: <http://catalogue.bnf.fr/>).
- МАЙТРОН Jean (sous la dir.) (1964), *Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français*, Paris, Éditions ouvrières, (электронная версия находится в открытом доступе в Национальной французской библиотеке).
- SAFFROY Gaston (1968-1979), *Bibliographie généalogique, héraldique et nobiliaire de la France*, Paris, G. Saffroy, 4 vol.
- THIEBAUD Jean-Marie (1995), *Pratique de la généalogie: guide universel de recherche*, Besançon, Cèdre.

ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ

Французская академия — <http://www.academie-francaise.fr/>

Сайт французской Академии описывает историю, статус, правила и роль этого учреждения. Он предоставляет информацию обо всех академиков со времен основания. Страницы, посвященные французскому языку, ясно представляют его историю и актуальных задачи; позволяют познакомиться со *словарем*. На сайте можно найти информацию о различных призах и конкурсах французской Академии, так же как и списки лауреатов с 1999 года.

Национальное собрание — <http://www.assembleenationale.org/histoire/>

Национальное собрание в рубрике «История и достояние» предлагает различные биографические сведения о французских политических деятелях, среди которых:

- записки и портреты депутатов 1789 года;
- база исторических данных о французских депутатах с 1789;
- словарь французских парламентариев (биографические записки о министрах, сенаторах и французских депутатах) с 1789 по 1940;
- список депутатов, получивших мандат мэра, с 1849;
- записки и портреты женщин-депутатов, с 1945;
- списки протестующих депутатов Эльзаса-Лотарингии.

Французская генеалогическая библиотека — <http://www.bibgen.org/>

Сайт ассоциации позволяет получить бесплатную справку в картотеке библиотеки, который содержит 4000 напечатанных трудов, сотню наименований периодических изданий, специализирующихся в генеалогических исследованиях и семейных документах. Чтобы получить доступ к другим ресурсам библиотеки, необходимо приобрести читательский билет, кредитованный генеалогическим банком (Geneabank).

Таким образом доступны:

- база родословных нескольких поколений, изученных генеалогической библиотекой,
- около 172 000 карт, использовавшихся во времена Террора,
- регистры браков Франции (1551-1842),
- приходские регистры рождений (1600-1850),
- приходские регистры кончин (1600-1850).

На сайте приводятся ссылки, посвященные генеалогии, и существует возможность заказать исследование и изготовление фотокопий документов, указанных в каталоге.

«Судьбы» — http://j_mirou.club.fr/index.htm

Этот сайт предлагает более 1000 биографий широко не известных людей, живших во Франции в большинстве случаев между Средневековьем и началом XX века. Для каждой биографии упоминаются источники и иногда даются внешние ссылки. На сайте возможен биографический поиск в алфавитном или тематическом порядке.

Французская генеалогия — <http://www.france-genealogie.fr/>

Общий портал под руководством Архивов Франции и Французской федерации генеалогии, предлагающий доступ к генеалогическим ресурсам — сайтам архивов, ассоциаций, библиотек, издателей, книготорговцев, журналов, частных лиц, базам данных (об актах гражданского состояния, частным архивам, регистрационным книгам нотариусов и т.д.) и в том числе к руководствам по поиску.

Портал в частности содержит:

- Имена

Этот вход позволяет запросить одновременно на одном исследовательском бланке четыре именных базы данных, содержащие тринадцать миллионов имен. Эти базы созданы различными общественными службами архивов или другими учреждениями или ассоциациями, не подлежащими государственному контролю. Можно продолжать поиск прямо на их оригинальных сайтах.

- Руководство по ресурсам

Ресурсы классифицированы по различным рубрикам, таким как федеративные или нефедеративные ассоциации, издатели, книжные магазины, службы архивов, карт, карточек и руководств по исследованиям, сайты частных лиц, on-line архивы. Обновления различных рубрик довольно нерегулярно, в особенности для on-line архивов.

Путеводители по генеалогии

<http://recherche.geneaguide.com/>

Сервер по истории семей во Франции: генеалогия, геральдика, сфрагистика, ономастика и смежные научные дисциплины, архивы и библиотеки. Коммерческий сайт, все-таки позволяющий бесплатную консультацию он-лайн по базе данных (место, отчество и т.д.).

<http://www.guide-genealogie.com/>

Очень полный сайт, предлагающий методологию, бесплатное программное обеспечение и он-лайн ресурсы, относящиеся к генеалогии (источники, форумы, новости и т.д.). Эта информация находится в свободном доступе, как и справки по базам географических мест и фамилий.

Geneanet — <http://www.geneanet.org/>

Сайт генеалогии, который позволяет выложить на сайт свою генеалогию в режиме он-лайн и получить справку по базе данных, включающей более чем 155 миллионов людей. На сайте много тематических форумов, блог «Генеалогия» с последними новостями в области генеалогии, энциклопедия «GeneaWiki» и обширный сервис по происхождению имен, географическим местам, старинным почтовым открыткам и т.д.

Léonore — <http://www.culivre.gouv.fr/documentation/leonore/pres.htm>

Предоставляет ссылки или коды документов людей, обладателей ордена Почетного легиона, скончавшихся до 1954 года и от начала его учреждения (с лакунами). В записях указаны главные элементы гражданского состояния владельца: фамилия, имя, пол, дата и место рождения, национальность.

Гильотинированные во время Французской революции —

<http://les.guillotines.free.fr/>

Движок с алфавитным поиском приговоренных к смерти, депортаций или заключению в тюрьму в течение Французской революции (Примечание: не все приговоренные к смерти были казнены).

Мормоны — Familysearch / The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints — <http://www.familysearch.org/>

Этот сайт «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» включает списки микрофильмов общины, он-лайн базу данных, программное обеспечение генеалогии (PAF), загружаемое бесплатно. В конце 2007 года сайт был обновлен, для того чтобы учесть миллионы цифровых изображений рукописных документов, которые были в него добавлены. Эти документы представляют собой в общей сложности более 5 миллиардов фотографий, содержащихся в 2,5 миллионах катушек микрофильмов и 1,5 миллионов микрофишей.

Память людей — <http://www.memoiredes.hommes.sga.defense.gouv.fr/>

Дает доступ к некоторым базам данных, реализованным на основе картотек различных ведомственных служб (Исторические службы сухопутных и морских сил, Управление памяти, достояния и архивов). Он также создан в память тех, кто участвовал или отдал свою жизнь за Францию в конфликтах современной эпохи:

- погибшие за Францию в войну 1914-1918 годов (13 000 000 карточек);
- персонал военной авиации 1914-1918 (74 000 карточек);
- погибшие за Францию в Индокитае 1945-1954 (не полный и пополняющийся список);
- расстрелянные в Мон-Валерьян 1939-1945 (1 003 карточки);

— погибшие за Францию в Северной Африке 1952-1962 (война в Алжире и бои в Марокко и Тунисе).

Вкладка «часто задаваемые вопросы» позволяет уточнить содержание сайта данными из различных баз, на которых он основан, так же как получить адреса сайтов или служб, предоставляющих другую он-лайн информацию.

SIEFAR — <http://www.siefar.org/>

Сайт междисциплинарной ассоциации, имеющей целью распространять результаты и способствовать изысканиям о женщинах *Старого порядка* (до времени Революции).

Содержит также новости, объявления о коллоквиумах, семинарах, исследованиях, текущие тезисы, справочник исследовательниц и исследователей, библиографию. Небольшой каталог полезных сайтов (среди них сайты, в частности посвященные женщинам).

World biographical index — <http://www.saur-wbi.de/>

Этот сайт содержит биографические и библиографические архивы об известных личностях.

Консультацию можно получить на сайте через абонемент или в свободном доступе в Национальной библиотеке Франции.

Полезные для генеалогических исследований адреса в Париже

Парижские архивы — Archives de Paris

http://www.paris.fr/fr/culture/archives_paris
18 bd Séurier 75019 Paris Tél.: 01.53.72.41.23/41.28

Национальные архивы — Archives nationales

<http://www.archivesnationales.culture.gouv.fr>
58 rue de Richelieu 75002 Paris
Renseignements pratiques: 01.40.27.64.19/64.55/64.56
Accueil scientifique: 01.40.27.64.17

Генеалогическая библиотека — Bibliothèque généalogique

<http://www.bibgen.org>
3 rue de Turbigou 75001 Paris Tél.: 01.42.33.58.21

Содружество специалистов по генеалогии — Amicale des généalogistes,
B. P. 52, 75261 Paris Cedex 06.

Центр документации мормонов — Centre de documentation des Mormons,
64 rue de Romainville, 75019 Paris, et Salt Lake City, Utah, USA.

Центр генеалогической взаимопомощи —

Centre d'entraide généalogique
76 avenue Foch, Paris.

Центр и (департаментские) кружки по генеалогии

(в главных городах и региональных центрах:
Страсбург, Ницца, Альби, Мец, Эвре, Гренобль) —
Centre et cercles (départementaux) de généalogie.

Центр протестантской генеалогии —

Centre de généalogie protestante
54 rue des Saints-Pères, 75007 Paris.

Парижский генеалогический центр —

Centre généalogique de Paris
17 rue de Mesnil, 75116 Paris.

Центр генеалогической взаимопомощи —

Cercle d'entraide généalogique
119 rue de Clignan-court, 75018 Paris.

Профсоюз специалистов по семейной генеалогии —

Chambre syndicale des généalogistes familiaux
74 rue des Saints-Pères, 75006 Paris.

Генеалогический институт Drouin —

Institut généalogique Drouin.
[Канадцы — выходцы из Франции (XVII, XVIII, XIX век)].
Montréal, 4184 rue Saint-Denis (Canada).

Генеалогическая ассоциация французской Индии —

Association généalogique des Indes françaises
34, rue Émile-Lehel, 75017 Paris
[Réunion, île Maurice, Pondi-chéry, Antilles, Louisiane].

Ассоциация взаимопомощи французского дворянства —

Association d'entraide de la noblesse française
9 rue Richepanse, 75008 Paris.

Для составления генеалогии разыщите документы, семейные записи, военные билеты, избирательные списки, акты (не выдержки, но полные оригиналы), свидетельства о рождении, о браке и о смерти.

Прибегните в случае необходимости к помощи хранителя семейного архива, то есть человека, который записывает и хранит семейную память, и задайте ему вопросы по телефону.

КНИГИ АНН АНСЕЛИН ШУТЦЕНБЕРГЕР

Издания «Payot»:

- Выход из траура. Как преодолеть печаль и снова научиться жить (вместе с Э. Биссон Жеффруа) (Sortir du deuil. Surmonter son chagrin et réapprendre à vivre (avec É. Bissone Jeurfroy))
- Дети, больные из-за своих родителей (вместе с Г. Деврэггом) (Ces enfants malades de leurs parents (avec G. Devroede))
- Психодрама (Le Psychodrame)

Все издания Éditions Payot & Rivages см. на: www.payot-rivages.fr

Другие издания:

- Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование гено-социограммы (Институт психотерапии и клинической психологии) (Aïe, mes aïeux! Liens transgénérationnels, transmission des traumatismes et pratique du géosociogramme (Desclée de Brouwer))
- Желание выздороветь (Vouloir guérir) (Desclée de Brouwer)
- Ролевая игра (Le Jeu de rôle) (ESF)
- «Элементы истории жизни и теоретических выборов: антивоспоминания» («Éléments d'histoire de vie et choix théoriques: antimémoires», in Parcours de femmes, Cahiers du changement social (L'Harmattan))

Издания на английском языке при международном сотрудничестве:

- «Здоровье и смерть. Скрытые связи в генеалогическом древе», в книге «Психодрама с пережившими травму» (Джессика Кингсли) («Health and Death. Hidden Links through the Family Tree», in *Psychodrama with Trauma Survivors* (Jessica Kingsley))
- «Драма серьезно больного пациента. Пятнадцатилетний опыт психодрамы рака», в книге «Психодрама. Вдохновение и Техника» (Рутледж) («The Drama of the Seriously ill Patient. Fifteen Years of Experience of Psychodrama and Cancer», in *Psychodrama. Inspiration and Technique* (Routledge))

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. СБОР НЕКТАРА В СЕМЕЙНОМ САДУ	7
ВВЕДЕНИЕ. УПРЯМЫЕ ФАКТЫ	12
Контекст зачатия, рождения и другие превратности (синдром «невылизанного медведя»)	12
Выбор имени	13
Финансовая автономия	13
Запутанные следы	14
Уже в Библии	15
Необходимо отличать интергенерационное от трансгенерационного	16
Зеркальные нейроны	17
ГЛАВА I. ЭТО ПРОИСХОДИТ БЕЗ СЛОВ, И ВСЕ-ТАКИ ЛУЧШЕ ОБ ЭТОМ ПОГОВОРИТЬ: СОЗНАТЕЛЬНАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ, ПРЯМОЕ ИЛИ КОСВЕННОЕ	18
Молчаливая передача пережитого	18
Общий вид трансгенерационного анализа и его импликации	19
Передача травм от поколения к поколению через различные действия, которых избегают	19
Телесное проявление семейной памяти	20
Повторения	20
Жозефина Хилгард и Анн Анселин Шутценбергер	21
Выражение неприятностей в словах	22
ГЛАВА II. БУДЕМ ВЕРНЫ НАШИМ ПРЕДКАМ, НО ЕЩЕ – И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ – САМИМ СЕБЕ: НЕВИДИМАЯ И БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ «СЕМЕЙНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ»	23

Человек – стадное и общественное животное	23
Склеп и призрак	24
Связь с со-сознательным и со-бессознательным	25
Семейное и групповое со-сознательное и со-бессознательное	27

ГЛАВА III. ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ ПОВТОРЯТЬ ОПЛОШНОСТЕЙ, ОШИБОК И СТРАДАНИЙ НАШИХ ПРЕДКОВ, НО БУДЕМ ЗНАТЬ, ЧТО ФАКТЫ ПОВТОРЯЮТСЯ – В ОСОБЫЕ, ЧАСТО В ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ: СИНДРОМ ГОДОВЩИНЫ	29
Синдром годовщины и повторения	30
Непринятые потери и несовершенный траур	30
Синдром годовщины (работы Жозефины Хилгард), повторения, свадьбы	32
Клинический случай невидимой семейной лояльности: Камилла, или как распустить «стежок шелка» и вычистить «кашляющую пыль»	36
Исторические следы: случай Косово	39
Исторические трещины	41

ГЛАВА IV. ВАЖНОСТЬ ЗАВЕРШЕНИЯ НАЧАТОГО: ЭФФЕКТ ЗЕЙГАРНИК	43
Несовершенные трауры	43
Завершение через психодраматическую виньетку	44
Сверхреальность и проекция в будущее	44
Работы Курта Левина и Блюмы Зейгарник (эффект Зейгарник)	45

ГЛАВА V. ТО, ЧТО НЕ ВЫРАЖАЕТСЯ В СЛОВАХ, – ЗАПЕЧАТЛЕВАЕТСЯ ВНУТРИ И ПОЗЖЕ ВЫРАЖАЕТСЯ В НЕПРИЯТНОСТЯХ: ЯЗЫК ТЕЛА И КАК СООБЩИТЬ НЕЧТО БЕЗ СЛОВ	49
Выразиться косвенно языком тела	49
Чревоуещатель и призрак	49
Выразиться косвенно, чтобы «не потерять лица»: сообщить без слов	51

Двойное принуждение	52
А что если психодрама?	53
Психодрама с обувью, или невозможная передача	56
Деленда	61
Морфогенетические волны Шелдрейка	62
Исследования Жан-Поля Тассена	62
Зеркальные нейроны	63
След архаичной телесной памяти	63
Фракталы и теория хаоса	67

ГЛАВА VI.

ИЗМЕНЕНИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЮ

Курт Левин (1890 – 1947)	68
Все находится в почти постоянном равновесии	70
День дома, сожженного немцами	70
История вора и кражи документов	71
Повторение истории с кражей документов	71
Пережить потерю	72
Соппротивление изменению	73
Мы легче меняемся, если нас несколько	74
Основное исследование Курта Левина по пищевому поведению	75
История одного велосипеда	77

ГЛАВА VII.

КЕМ И ЧЕМ МЫ ДОРОЖИМ НА САМОМ ДЕЛЕ? ПОДЛИННЫЕ СВЯЗИ

Научиться ощущать ткань своей жизни и то, что для нас существенно	79
Смысл, процесс и содержание трансгенерационной работы: геносоциогамма	80
Заметные события жизни	80
«Социальный атом»	81
Мария, злоупотребления и умерший младший брат	83
Амели, королева Мария-Антуанетта и вопросы к действиям	85

ГЛАВА VIII.

КАК СДЕЛАТЬ ГЕНОСОЦИОГРАММУ

Графическое изображение, детали и обозначения	87
Некоторые графические обозначения	90

Метод мысленных ассоциаций	95
Рисуем цветные связи	97
Возвращающиеся даты	99
Военные действия и исторические ресурсы	99
Важность снов	100
Различные последствия работы над геносоциогаммой	100
Напоминание о некоторых ключевых точках	102

ГЛАВА IX.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЗАЧАТИЯ, ЗАВИСИТ ОТ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ, СОЦИАЛЬНОГО КЛАССА И ЯРЛЫКОВ, КОТОРЫЕ НАМ ПРИСВАИВАЮТ ДРУГИЕ

Жизнь начинается с зачатия	106
Предсказания, сделанные в колыбели	107
Контекст, в котором рождается ребенок и экологическая ниша Гнездо и его бури	108
Социальная среда и местные ритуалы	109
Влияние принадлежности к определенному социальному окружению на личную жизнь	109
Язык, на котором говорят дома, иногда отличается от языка страны обитания	110
Роль, доставшаяся ребенку	110
Быть матерью для своей матери	111
Влияние принадлежности к социальному классу, его нравов и обычаев	112
Амбивалентный провал умного ребенка	113
Социальная иерархия и порядок «клевания»	114
Так называемые нормальные семьи и невротические, даже извращенные семьи	115
Выбор имени	116
Повороты жизни	119
Конец жизни и прощание	119

ГЛАВА X.

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ, ЗАБВЕНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Вновь посещаемое прошлое	121
У нас та семья, которая есть	122

Восстанавливать личное прошлое — всегда опасно	123
Фрейд и сонаты	123
Несовершенный траур	124
Случай «мигрантов»	124
Реакции Марии	126
ГЛАВА XI.	
ЕСЛИ РАБОТАЕШЬ В ОДИНОЧКУ	127
ГЛАВА XII.	
БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО И БАЗОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	129
Базовая безопасность	129
Важность первых шагов	129
«Холдинг» Винникотта	130
«Безопасное пространство» Котани	131
Базовая безопасность через осознание	132
Опора, посадка всадника и «связь с землей», или укоренение	134
Питер Пэн, гавань милосердия и страна «Никогда, никогда»	136
ГЛАВА XIII.	
БЕЗ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ	138
Вернувшиеся	138
Не следует путать совпадение и случай	140
Бомжи, люди без документов, беженцы, рабы	142
Вернуться обратно, чтобы интегрироваться, потом открыть себя заново и принять	143
ГЛАВА XIV.	
ЕСЛИ НЕТ ДОСТУПА К СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ	148
Что делать?	148
Усыновление и семьи в зеркале	149
«Поли-отцы» и «поли-матери»	149
Связь, называемая «нормальной», может оказаться фиктивной	150
Оплодотворение с помощью «донора»: случай Жерара	150
«Х»-рожденные: случай Мари-Пьер	151

ГЛАВА XV.	
«БЕЛАЯ» ПЕДАГОГИКА, «ЧЕРНАЯ» ПЕДАГОГИКА — В НАСЛЕДСТВО, «ТОКСИЧНЫЕ» РОДИТЕЛИ	154
Черная педагогика	156
Крайняя разрушительная способность	158
Парадоксальные коммуникации	159
Поощрять	160

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ПРИНЯТЬ СЕМЕЙНУЮ ГРУДУ ХЛАМА И ВЫБРАТЬ ИЗ НЕЕ СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ	161
--	-----

ПРЕУСПЕТЬ В ЖИЗНИ	169
--------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ	170
-------------------------	-----

Руководство по оценке или самооценке стресса жизненных событий	171
Тонкое наблюдение и интуиция: случай и серендипность	174
Бессознательное и перенос	177
Эффект плацебо	179
Работа и психогенеалогия	181
Настоящая, восстанавливающая справедливость маори	183
Извращенный треугольник, или господство над другим под предлогом помощи	187

БИБЛИОГРАФИЯ	192
---------------------------	-----

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ	209
--------------------------------------	-----

ИНСТИТУТ ПСИХОТЕРАПИИ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Свидетельство о гос. аккредитации № 25-2014 от 20.07.2005 г.
Гос. лицензия МО РФ № 169357 от 25.07.2005 г.
<http://www.psyinst.ru>; <http://www.psygrad.ru>; <http://www.psybook.ru>
127055, г. Москва, ул. Новолесная, д. 6 «Б», стр. 1
☎/факс: (495) 987-44-50 (многоканальный, с 10 до 20 час.)

ПОСЛЕДИПЛОМНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА ПО КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

для работы в системе здравоохранения и частной практики
с выдачей государственного диплома о профессиональной
переподготовке по специальности «Клиническая психология»

ПСИХОЛОГ ⇨ КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ

В соответствии с Приложением № 2 приказа МЗ РФ № 438 от
16.09.2003 г., медицинский (клинический) психолог, работающий в учре-
ждении здравоохранения – это специалист с высшим психологическим
образованием по специальности клиническая психология (030302), либо
специалист с другим высшим психологическим образованием, прошед-
ший профессиональную переподготовку по клинической психологии.

*При работе в учреждениях здравоохранения клинические психологи
по разряду, оплате и льготам приравниваются к врачам*

Принимаются: психологи, педагоги-психологи, социальные и др. психологи,
бакалавры психологии, студенты 4, 5-го курсов факультетов психологии
(параллельно с основным обучением).

Формы обучения – очная, очно-заочная и вечерняя, от 9 до 16 мес.

Виды специализации при переподготовке:

1. Интегративный подход в психологической коррекции
2. Арт-терапия
3. Гипноз эриксоновский и эриксоновская психотерапия
4. Детская и подростковая психологическая коррекция и психотерапия
5. Зависимого и созависимого поведения психологическая коррекция и психотерапия
6. Когнитивно-поведенческая психотерапия
7. Кризисных состояний и постстрессовых расстройств коррекция и психотерапия
8. Пренатальная и перинатальная психология и психотерапия
9. Психосоматических расстройств психологическая коррекция и психотерапия
10. Семейный психолог (специализация, включающая обучение по системной
семейной, детской, подростковой, перинатальной психологии и психотерапии)
11. Символдрама в психотерапии и психологической коррекции
12. Системная семейная психотерапия
13. Телесно-ориентированная психотерапия
14. Трансактный анализ и Терапия нового решения
15. Трансперсональная психотерапия
16. Экзистенциальная психотерапия

С программами переподготовки, расписанием занятий можно
ознакомиться в Институте или на сайте института <http://www.psyinst.ru>

ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ: ПСИХОЛОГ, КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ

ДЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ С ВОЗМОЖНОСТЬЮ ПОСЕЩАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ СЕМИНАРЫ

- АРТ-ТЕРАПИЯ
- ГИПНОЗ ЭРИКСОНОВСКИЙ И ЭРИКСОНОВСКАЯ ТЕРАПИЯ
- ГРУППОВАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ И ВЕДЕНИЕ ТРЕНИНГОВЫХ ГРУПП
- ДЕТСКАЯ И ПОДРОСТКОВАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОКОРРЕКЦИЯ
- ЗАВИСИМОСТИ И СОЗАВИСИМОСТИ – психология и психотерапия
- КОГНИТИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ
- КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ, ПОСТСТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВ,
ГОРЯ, УТРАТЫ, ТЕРМИНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПСИХОТЕРАПИЯ
- НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ
- ОСНОВЫ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ
- ПРЕНАТАЛЬНАЯ И ПЕРИНАТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ
- ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ (Швейцария)
- ПСИХОТЕРАПИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ
- ПСИХОЛОГИЯ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПСИХОТЕРАПИЯ
СЕКСУАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ
- СЕМЕЙНЫЙ ПСИХОЛОГ
- СИМВОЛДРАМА
- СИСТЕМНАЯ СЕМЕЙНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ
- ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ
- ТРАНСАКТНЫЙ АНАЛИЗ И ТЕРАПИЯ НОВОГО РЕШЕНИЯ
- ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ
- ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

В ИНСТИТУТЕ ВЫ НАЙДЕТЕ БОЛЬШОЙ ВЫБОР

- Книг по психологии и психотерапии
- Учебных видеофильмов по психотерапии, психологии
- Музыкальных программ для медитаций, релаксации, трансов
- Музыкальных программ со спецэффектами для достижения особых
состояний сознания: обучения, медитаций, засыпания, релаксации, гимна-
стики сознания, развития интеллекта
- Бланковых и компьютерных тестовых методик

Книги, видеокассеты, CD, тесты Вы можете приобрести
непосредственно в Институте или в Интернет-магазине

<http://www.psybook.ru>; тел.: 8-499-978-87-69

Наш адрес: г. Москва, ул. Новолесная, д. 6 «Б», стр. 1
Метро Белорусская-кольцевая или Менделеевская

АНН АНСЕЛИН ШУТЦЕНБЕРГЕР
ПСИХОГЕНЕАЛОГИЯ

*Как излечить семейные раны
и обрести себя*

Научный редактор: Бутенко Г.П.

Компьютерная верстка: Алина Г.

Обложка: Зотова Н.

Корректор Чаркова Н.

Подписано в печать 12.06.2010.
Формат 60x90/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Печ. л. 14.
Тираж 4000. Заказ № 3455.

ООО «ПСИХОТЕРАПИЯ»:

129337, Москва, ул. Красная сосна, д. 24.
Тел./факс: (495) 988-6429, (499) 188-1932
E-mail: psybook@list.ru или psybook@narod.ru

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

(499) 188-1932, (8-963) 712-3381

<http://www.optbook.narod.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Издательство «Психотерапия»

129337, Москва, а/я 70

E-mail: psybook@list.ru или psybook@narod.ru

Анн Анселин Шутценбергер – одна из самых ярких фигур в современной психотерапии. Почетный профессор университета Ниццы, психотерапевт, групп-аналитик, психодраматист с мировым именем, автор многих известных работ – вот лишь некоторые пункты ее «послужного списка». Ее клинический опыт включает в себя работу с самыми «трудными» клиентами – больными раком, жертвами природных и социальных катастроф. Ее семинары собирают большие аудитории во всех странах мира.

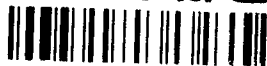
Эту книгу Анн Анселин Шутценбергер, создатель термина «психогенеалогия», написала как продолжение своей знаменитой книги «Синдром предков».

Здесь она рассматривает все самое существенное из того, что надо знать
о незримой семейной лояльности,
о синдроме годовщины и о памяти тела,
и показывает, как создать и осмыслить
свое генеалогическое древо.

В своей работе она открывает возможности осознать все то хорошее, что нам досталось от предков, сбросить с себя груз прошлых ошибок, ран и страданий и избавиться от всего плохого, стыдного и невысказанного, что может храниться в семье, – чтобы, наконец, прожить свою собственную жизнь...

Книга будет интересна психологам-консультантам и психотерапевтам, студентам-психологам,

а так
зал€ интернет-магазин
OZON.ru

34396172

ISBN 978-5-903182-74-9

9 785903 182749

